

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

1 (32)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 1 (32), 2017
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков (председатель)*;
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *Б.Х. Бгажноков*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Готов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь)*, д.ф.н. *Х.Х. Малкондуев*,
к.ф.н. *Л.Х. Махиева*, к.и.н. *Р.Г. Ошроев*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*,
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

1 (32)
the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 1 (32), 2017
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dзамikhov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (*chairman*), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*);
Doctor of Philology *H.H. Malkonduev*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© IHR KBSC RAS, 2017
© Editorial board of the journal
«KBIHR Bulletin» (drafter), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дмитриев В.А.</i> К истории преподавания кавказоведения в Санкт-Петербургском университете	7
<i>Тхамокова И.Х.</i> Взаимоотношения казаков и народов Северного Кавказа во второй половине XVII в.	16
<i>Гугова М.Х.</i> Женская военная повседневность: история изучения, источники и методы	23
<i>Мирзоев А.С.</i> Роль кабардинской лошади в черкесской истории	30

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Базиева Г.Д.</i> Этнические культуры в условиях модернизации	38
<i>Сабанчиева Л.Х.</i> Проблемы современных трансформаций семейных отношений на Северном Кавказе	47
<i>Кешева З.М.</i> Развитие профессиональной танцевальной культуры народов КБР в конце XX – начале XXI века	51

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Дзуганова Р.Х.</i> Словоизменительная парадигма беспрeverбных моделей с суффиксом <i>-кI</i> в кабардино-черкесском языке	59
<i>Мусуков Б.А.</i> Аллитерация или ритмико-синтаксический параллелизм как звуковая организация карачаево-балкарского стиха и форма усиления качества	64
<i>Кумыкова Д.М.</i> Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках	71
<i>Токмакова М.Х.</i> Участие гу «сердце» в деривационных процессах эмоциональной лексики кабардино-черкесского языка	77
<i>Махиева Л.Х.</i> К проблеме антонимии в современном карачаево-балкарском языке	81
<i>Гутов А.М.</i> Реальность и мистика в историческом фольклоре	85
<i>Баков Х.И.</i> О некоторых проблемах адыгского литературного процесса	91
<i>Кажарова И.А.</i> Юмористическая проза Абдула Кумышева: типология времени и его героя	95
<i>Сарбашиева А.М.</i> Взаимодействие национальных культур как фактор эволюции художественной мысли (Балкарская литература второй половины XX века)	102
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Предпосылки возникновения художественной словесности в диаспоре	106

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. СООБЩЕНИЯ

<i>Фоменко В.А.</i> Из истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарии: археолог и историк Вера Ивановна Горемыкина	111
<i>Ошиноква Ф.Ш.</i> Из истории кабардино-балкарской национальной журналистики	115
Сведения об авторах	119

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

<i>Dmitriev V.A.</i> On the history of caucasian teaching at St. Petersburg university	7
<i>Tkhamokova I.H.</i> Relationship of cossacks and people the North Caucasus in the second half of the 17th century	16
<i>Gugova M.H.</i> Women's military daily: history of study, sources and methods	23
<i>Mirzoev A.S.</i> The role of kabardian horse in chircassian history	30

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Bazieva G.D.</i> Ethnic cultures in the conditions of modernization	38
<i>Sabanchieva L.H.</i> Problems of modern transformations of the family relations in the North Caucasus	47
<i>Kesheva Z.M.</i> Development of professional dance culture of the people of the CBD in the late XX – beginning of XXI century	51

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Dzukanova R.H.</i> Word-change paradigm of convertible models with suffix <i>-ki</i> in kabardian-cherkessian language	59
<i>Musukov B.A.</i> Alliteration or ritmiko-syntactic parallelizm as sound organization of the balkar verse and form of strengthening of quality	64
<i>Kumykova D.M.</i> lacunarity of phraseological units in the kabardian-circassian and russian languages	71
<i>Tokmakova M.H.</i> Part ghu «heart» the diversion processes emotive lexis kabardian language	77
<i>Mahiyeva L.H.</i> At the problem of anthonomy in modern karachayevo-balkarian language	81
<i>Gutov A.M.</i> Reality and mysticism in the historical folklore	85
<i>Bakov H.I.</i> On some problems of the adygs literary process	91
<i>Kazharova I.A.</i> Humorous prose Abdul Kumyshev: typology of time and his hero	95
<i>Sarbasheva A.M.</i> The interaction of national cultures as a factor in the evolution of artistic ideas (Balkar literature of the second half of the twentieth century)	102
<i>Bittirova T.S.</i> Preconditions of artistic literature in the diaspora	106

DOCUMENTS. MATERIALS. MESSAGES

<i>Fomenko V.A.</i> From the history of the Kabardino-Balkarian territory archeological studies: archaeologist and historian Vera Ivanovna Goremykina	111
<i>Oshnokova F.Sh.</i> From the history of kabardino-balkarian of the national journalism	115
The authors of this issue	122

УДК 304.442

В.А. Дмитриев

К ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье представлены принципы преподавания кавказоведения в Санкт-Петербургском Университете в XIX –XXI вв. Выделены два типа курсов: обучение языкам народов Кавказа и изучение этнографии кавказских народов. Отношение к методам преподавания менялось в зависимости от понимания целей университетской науки в России.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский Университет, кавказоведение, факультет, кафедра.

Преподавание кавказоведения в Санкт-Петербургском Университете существовало в двух видах: в изучении языков народов Кавказа, и в чтении очерков культуры кавказских народов.

В марте 1818 г. состоялось открытие кафедр арабской и персидской словесности на Историко-филологическом факультете Главного Педагогического института. Их возглавили Жан-Франсуа Деманж и Франсуа Бернар Шармуа. Ж. Деманж, предполагается, вел в 1818–1822 гг. занятия и по армянскому языку¹. При этом изучение армянского и грузинского языков было частью проекта Азиатской Академии министра С. Уварова и проектов Уставов Университета 1829 и 1832 гг. Одновременно предпринимались попытки организовать преподавание этих языков при Академии наук и в учебном отделении восточных языков при Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел. С этой целью по рекомендации лидера французских ориенталистов Сильвестра де Сасси и директора Азиатского музея в Петербурге Х. Френа, был приглашен Марий Броссе, занимавшийся проблемами грузинской культуры еще во Франции. Будучи в 1836 г. избранным адъюнктом грузинского и армянского языков Петербургской Академии наук, в 1839–1840 гг. М. Броссе читал лекции при Академии наук, а в 1841–1842 гг. провел ряд лекций по грузинскому языку и истории Грузии в Петербургском Университете². С этой даты исчисляется существование в Университете «знаменитой кафедры кавказской филологии»³.

24 июля 1844 г. было оглашено Высочайшее повеление «Об учреждении при восточном отделении Петербургского Университета преподавания грузинского, армянского и татарского (азербайджанское наречие) языков», что было следствием организованного с 1834 г. обучения в столице лиц из числа знатных сословий Кавказа с целью подготовки из них государственных чиновников. Отобранные выпускники Тбилисской гимназии должны были обучаться на учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД, но предварительно прослушать курсы в Университете⁴. Связь с кавказскими стипендиатами продолжалась до 1876 г.

28 декабря 1844 г. преподавателем кафедры грузинского языка был назначен Д.И. Чубинов (Чубинашвили), татарского (азербайджанского) Л.З. Будагов,

армянского Н.Л. Бероев⁵. Значимость преподавания языков Южного Кавказа была в 1845 г. была подчеркнута Высочайшем повелением «О назначении казенных воспитанников для обучения этим (закавказским) языкам».

Одновременно традиции кавказской филологии формировались в Москве в Лазаревском институте восточных языков (образован в 1815 г., реорганизован по Уставу в 1848 г.) и в Казанском Университете (по уставу 1804 г. создана кафедра восточных языков, в 1829 г. кафедра разделена на арабо-персидскую и турецко-татарскую, в 1839 г. создана отдельная кафедра армянского языка)⁶.

По Указу от 22 октября 1854 г., из выше названного отделения восточных языков был учрежден факультет при Петербургском Университете факультета восточных языков. В 1855 г. на факультете одним из 5 разрядов был назначен армяно-грузино-татарский⁷. 18 июня 1863 г. был утвержден Общий устав российских Университетов, в соответствии с которым объединялись кафедры татарской и тюркской словесности, а кафедры армянской и грузинской словесности объединялись в единую кафедру под руководством Д.Е. Чубинова.

В 1866 г. был допущен для преподавания татарского языка эфендий конвоя Муххамед Османов, как хорошо знавший кумыкский язык, отчасти и другие. Он преподавал турецко-татарский язык до 1881 г.⁸

Д.И. Чубинов оставался заведующим кафедрой до 1871 г, после чего ее возглавил К. Патканов, в 1888 г. его сменил А. Цагарели, ведший с 1872 г. курс грузинского языка и истории Грузии. В 1902 г. во главе кафедры встал Н.Я. Марр.

Студенты факультета восточных языков должны были помимо языковедческих курсов изучать политэкономия, юриспруденцию, финансовые дисциплины, сельское хозяйство и пр. Ведущими дисциплинами были изучение древнего и современного языков (грузинского и армянского), древней и новой литературы, а также истории Востока. Для изучавших, например, армянский язык, читались такие курсы, как «История армянского народа до 150 г. до н.э.», «Краткий очерк географии древней Армении», «Внутреннее устройство древней Армении»; «Грузинский язык – введение в историю Грузии», «Обозрение грузинских законодательств»...⁹

На рубеже XIX–XX вв. на кафедре армянской и грузинской словесности преподавали Н. Марр (армянский язык и словесность), А. Цагарели (грузинский язык и словесность), С. Ольденбург (санскрит), Н. Веселовский (история Востока), К. Залеман (древнеперсидский и среднеперсидский), В. Жуковский (история персидской литературы), с 1903 курс исторического характера начал читать И. Джавахов, а с 1908 – Н. Адонц, с 1914 г. лекции по армянским клинописным текстам стал читать И. Орбели.

Очередная реконструкция произошла в 1886 г., когда на Факультете Восточных языков были учреждены армяно-грузино-персидский и санскритско-персидско-армянский разряды. Накануне 1917 г. армяно-грузинская филология была представлена самостоятельным разделом, азербайджанской язык изучался по арабско-персидско-татарскому разделу.

Факультет восточных языков, как указывалось, был создан в 1855 г., само его название отражало языковедческую направленность преподавания кавказоведения. Спустя некоторое время, произошло расширение подхода. В 1863 г., после принятия нового устава, была создана кафедра «истории и географии Востока» под руководством В.В. Григорьева. На кафедре было два направления: народов Северо-Восточной Азии и арийских народов. В.В. Григорьев, специализируясь по проблематике Центральной Азии, внес вклад и в изучении археологии Понтийской зоны. С 1878 г. руководство кафедрой перешло к Н.В. Веселовскому, с 1881 г. члену-корреспонденту РАО, читавшему различные курсы по истории Востока, преимущественно Центральной Азии¹⁰. С 1892 г. он преподавал в Археологическом институте, с 1897 по 1905 гг. вел там курс «Первобытные древности»¹¹.

С 1889 г. он вел раскопки по поручению Археологической комиссии в Северном Причерноморье, с 1896 по 1917 гг. в Прикубанье¹².

С 1891 г. Н.Я. Марр стал приват-доцентом факультета восточных языков и читал лекции по армянскому языку и литературе. В 1892 г. Археологическая комиссия поручила ему раскопки древней армянской столицы Ани. В 1909–1910 гг., когда Н.Я. Марр, совместно с Я.И. Смирновым, работал на исследованиях в Гарни, раскопки в Ани проводил И.А. Орбели, работавший на этом памятнике с 1907 г. В 1916 г. Н.Я. Марр и Орбели проводили раскопки в г. Ван, оказавшемся в это время в тылу наступающих на Кавказском фронте российских войск¹³. С 1914 г. И.А. Орбели, будущий академик и директор Эрмитажа, начал преподавание в Санкт-Петербургском Университете, включая чтение курса о древностях Ани¹⁴. С 1913 г. по распоряжению Н.Я. Марра, как декана факультета, лекции по археологии и искусству народов Востока стал читать Я.И. Смирнов. В составе ГАИМК Н.Я. Марр заведовал при отделении археологии разрядом археологии Кавказа и яфетического мира, его ассистентом был И.И. Мещанинов¹⁵. Разрядом археологии и искусства армянского и грузинского заведовал И.А. Орбели.

Проблемы кавказоведения изучались на курсах истории искусства, археологии России и истории античности. В 1860 г. была создана кафедра византийских древностей, работа которой неизбежно должна была затрагивать и аспекты истории Кавказа. В 1873–1890-х гг. основатель курса истории византийского искусства Н.П. Кондаков в числе поездок на Ближний Восток посетил грузинские монастыри Грузии, Палестины, Синай¹⁶.

В 1889 г. возникло историческое общество при Санкт-Петербургском Императорском Университете, его учредителем был А.С. Лаппо-Данилевский, преподаватель кафедры русской истории Санкт-Петербургского Императорского Университета, Историко-филологического института, Археологического института. В 1900-х гг. в Университете проводились лекции М.И. Ростовцева «Источники по изучению Боспорского царства» и его семинары по истории Скифии и Босфора¹⁷. С 1905 г. Б.В. Фармаковский¹⁸ читал курс лекций «Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока», вел семинары по обсуждению проблем, связанных с раскопками скифских курганов, в т.ч. в Прикубанье¹⁹.

Сотрудники Университета были активно задействованы в различных археологических работах, в том числе в раскопках на Кубани и Черноморье. В 1910 г. на базе исторического семинария был создан археологический кабинет²⁰. В 1911 г. сотрудник Университета В.В. Саханев исследовал городище и могильник около Геленджика, в 1914 г. – сарматские курганы Причерноморья²¹. В 1914 г. В.В. Саханев был назначен хранителем археологического кабинета, выделенного в самостоятельную единицу факультета.

В русле понимания этнографии как отрасли естественной науки, возникло Русское антропологическое общество на естественном факультете Санкт-Петербургского Университета, существовавшее в 1888–1916 гг. Оно занималось изучением физического развития этнических групп России, сбором краниологических коллекций и пропагандой антропологических знаний. В начале 1920-х гг. общество объединилось с Медико-антропологическим обществом при Военно-медицинской академии²².

Кафедра географии, по Уставу 1884 г., находившаяся в составе историко-филологического факультета, была в 1887 г. переведена на физико-математический факультет и получила название кафедры географии и этнографии²³. Так впервые было названо слово этнография в названии подразделения Университета. Профессором кафедры по инициативе А.А. Иностранцева (исследователь ладожских стоянок) был приглашен Э.Ю. Петри, с 1883 по 1887 гг. занимавший должность руководителя кафедры географии и антропологии в Бернском Университете²⁴.

В 1907 г. на кафедре начал работать приват-доцентом крупный российский палеоэтнолог Ф.К. Волков (Волк). Он вел курсы анатомической антропологии,

этнографии и доисторической антропологии, которые были включены по настоянию председателя антрополого-этнографической комиссии. А.А. Иностранцева в 1906 г.²⁵ По мнению Ф.К. Волкова, требовалось создание двух кафедр антропологии на историко-филологическом (кафедра общей археологии и исторической географии) и на физико-математическом факультетах.

Учеником Ф. К. Волкова был А.А. Миллер, крупнейший археолог и этнограф-кавказовед первой четверти XX в. С 1906 г. он работал в Этнографическом отделе Русского музея, с 1908 г. курировал исследования по этнографии народов Востока, в первую очередь Кавказа. В Российской (позднее Государственной) Академии Истории материальной культуры, он был заведующим этнологическим отделением, заведующим отделением палеоэтнологии и его разрядами (палеоэтнологии, этнологии и этнической антропологии). Курсы лекций А.А. Миллера имели в большей степени археологический характер, но включали материалы по кавказской этнографии.

В 1877 г. в виде опыта на 4 года был открыт на частные средства Археологический институт²⁶. В 1918 г. при реорганизации института произошло выделение направлений: методологии археологии (А.А. Миллер), истории искусств христианского Востока (Я.И. Смирнов и И.А. Орбели), древности Южной России (М.И. Ростовцев), где затрагивались памятники древней истории Кавказа. В 1920 г. в институте А.А. Миллер был избран профессором по кафедре бытовой археологии и заведующим ряда кабинетов. Кавказские материалы привлекались проф. И.И. Мещаниновым при чтении курса «Археологии Передней Азии» и при проведении семинарских занятий (1922–1925 гг.). Известно, что в этом подразделении существовал в 1927 г. семинар по истории материальной культуры Кавказа²⁷.

В 1919 г. историко-филологический, восточный и юридический факультеты были объединены в факультет общественных наук Первого Петроградского Университета (ФОН), с присоединением соответствующих факультетов Бестужевских высших женских курсов, в 1919–1921 гг. его деканом был Н.Я. Марр. ФОН имел сначала 5 отделений, в 1922 г. добавлено шестое – археологическое. Кавказоведение сосредоточено было преимущественно на этнолого-лингвистическом отделении. Преподавание на кафедре армяно-грузинской словесности было расширено, введены курсы: горские языки Кавказа, мегрельский язык, сравнительная яфетическая грамматика, древности Ани, армянские надписи и пр.²⁸

Центром подготовки востоковедов являлся и основанный в 1920 г. Петроградский (с 1928 г. Ленинградский) Институт живых восточных языков. Здесь работал под руководством Н.Я. Марра «яфетический семинарий», членами которого были А.Н. Генко и А.Н. Самойлович. Армянский язык преподавал А. Алиханян, грузинский – Н.Я. Марр, К.Д. Дондуа и М.Г. Тихая-Церетели, турецко-османский – А.Н. Самойлович. Дополнительно студентам преподавали страноведение, новую историю, историю литературы по избранному направлению²⁹.

В 1925 г. отделения археологическое, литературы и языкознания Западной и Восточной Европы ФОН были выделены в факультет языкознания и материальной культуры (ЯМФАК), в его составе были отделения: историческое, истории материальной культуры и восточное³⁰. На восточном отделении в 1925 г. была восстановлена кафедра армяно-грузинской филологии под руководством И.А. Орбели. В 1929 г. Ямфак стал называться Историко-Лингвистическим факультетом (ФИЛ). Названная кафедра была ликвидирована, а И. Орбели стал заведовать кафедрой истории материальной культуры. В 1930 г. Историко-лингвистический факультет был преобразован в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). В нем был создан факультет истории материальной культуры и этнографии, обучение в нем было упрощено. ЛИФЛИ в 1937 г. возвращается в Университет в качестве Филологического факультета. В 1938 г. Ленинградский институт живых восточных языков был влит в Московский институт востоковедения, и

Филологический факультет тем самым был превращен в единственное учебное востоковедческое учреждение Ленинграда.

Кавказоведческое образование в Петрограде-Ленинграде концентрировалось вокруг ядра, образованного кафедрами кавказской филологии и истории материальной культуры. В 1920–30 гг. здесь работали И.А. Орбели, Н.Я. Марр, А.Н. Генко, К.Д. Дондуа, Р.М. Шаумян, А.А. Бокарев, Г.Б. Муркелинский, Г.Ф. Турчанинов. К.Д. Дондуа вел курс истории Кавказа, спецкурс по этнографии Кавказа вел Л.И. Лавров. Языковедческое направление не было единственным в изучении и преподавании кавказоведения в Петрограде-Ленинграде того времени. В 1918 г. на базе Высших Географических курсов (включавших и Этнографические курсы³¹) был создан Географический институт с географическим и общезтнографическим факультетами, в 1925 г. институт стал факультетом Университета. В 1930 г. этнографическое отделение было включено в состав вновь организованного Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ), где существовало до 1932 г. Его задачей по оглашенной формуле было: давать знания в т.ч. «лицам, работающим на поприще народного хозяйства...особенно соприкасающимся с бытовыми сторонами населяющих Россию народностей»³².

Специализация шла по циклам, в 1925 г. добавлены были, в т.ч. иранский и яфетический (турецкий был уже в 1918 г.). На каждом цикле читались экономическая география края, история, история культуры, политическая структура, национальный язык в таком объеме, чтобы по окончании учащийся был бы в состоянии практически пользоваться им для научных объяснений и практической работы среди населения³³. В общую программу было введено изучение хозяйства, материальной культуры, а также широкий ряд естественно-исторических дисциплин. Преподавались обще-специальные дисциплины: введение в этнографию, история этнографии, история религии, общий ход мирового исторического процесса, введение в антропологию, археология Востока и России и пр. На географическом факультете этнографическое отделение существовало до 1931 г.

Дополнительное образование давали историко-этнографические кружки, которые существовали на географическом факультете и на Ямфаке. Ямфак сохранял в большей степени традиции дореволюционной науки, студенты Географического факультета, в свою очередь, больше готовились к практической работе.

Став заведующим Кабинета Кавказа в Институте этнографии, А.Н. Генко в статье, предназначенной для журнала Советская этнография, писал о необходимости восстановления, «а где не было ранее, создании этнографической специализации в ВУЗах», «систематическая подготовка специалистов о кавказской этнографии – предпосылка по выполнимости единого плана в изучении Кавказа в сколько-нибудь обозримый срок»³⁴.

Решением ЦИК РСФСР была восстановлена факультетская структура ВУЗов, в составе Университета в 1934 г. был восстановлен исторический факультет, на который в 1936 г. была переведена кафедра истории доклассового общества (археологии). По данным на 1939 г. в числе учебных курсов по историко-археологической специализации (начинавшейся с 3 курса) был предмет «Археология Кавказа»³⁵.

Одновременно с восстановлением исторического факультета по ходатайству декана филологического факультета Ленинградского Государственного Университета И.И. Мещанинова было восстановлено этнографическое отделение на филологическом факультете. Его учебный план был утвержден 17 июля 1937 г.³⁶ В числе 8 циклов обучения были циклы «Яфетические народы Кавказа», «Тюркские народы», «Иранские народы». В 1938 г. по кавказскому циклу на изучение основного языка отводилось на 1 курсе 286 ч., в 1940 г. – 130 ч. (в 1939 г. приема на кавказский цикл не было). Для сравнения, в 1938 г. на дисциплины «Введение в этнографию» (антропологию, языкознание) было отведено по 88 часов, на

изучение избранного западноевропейского языка – 176 ч., в 1940 г. отводилось по 172 часа на изучение западноевропейского языка, «Истории первобытного хозяйства и техники», «Истории первобытных социальных отношений, 64 часа на изучение курса «Основы археологии»³⁷.

С начала 1944/45 учебного года был восстановлен Восточный факультет в составе Ленинградского Государственного Университета. Основой специализации была филологическая подготовка, на базе которой студент приобретал специальность по лингвистике, истории, экономике, литературоведению и искусствоведению стран и народов Востока. Восстановленную кафедру армяно-грузинской филологии возглавил член-корреспондент Грузинской Академии Наук К.Д. Дондуа, армянский язык преподавал А. Агулянц³⁸. С Филологического на Восточный факультет была переведена кафедра этнографии (бывшее отделение филологического факультета) во главе с И.Н. Винниковым³⁹.

По приказу Министерства высшего образования № 625 от 26 мая 1949 г. кафедра этнографии с Восточного факультета была переведена на исторической и объединена с кафедрой археологии⁴⁰. При этом было закрыто археологическое отделение на историческом факультете.

В 1947 г. был открыт Восточный Научно-исследовательский институт при ЛГУ (штат 24 чел.), объединявший всю научную работу Восточного факультета. По плану работы института были опубликованы работы К.Д. Дондуа «Очерки грамматики грузинского языка», А.А. Фреймана «Очерки по этимологическому словарю иранских языков». Готовилось издание Д.К. Зеленина «Этнография СССР, ч. 1»⁴¹. В 1949 г. опубликованы «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – нач. XIX вв.» И.П. Петрушевского.

В 1959 г. была закрыта кафедра кавказской филологии на Восточном факультете⁴². С 1959 по 1964 гг. отдельные кавказоведческие дисциплины преподавались на кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока Восточного факультета. Ее возглавлял (с 1955 по 1961 гг. декан факультета) академик И.А. Орбели. Лекции по истории Кавказа вел К.Н. Юзбашьян.

В 1996 г. на Восточном факультете открылась кафедра Центральной Азии и Кавказа, в 1999 г. на специальном Восточном факультете г. при поддержке Российской епархии Армянской Апостольской церкви была организована программа «Армяноведение». В ее рамках на кафедре иранской филологии в ноябре 2002 г. было открыто отделение «Кавказоведение» (Армяно-грузинская филология). Кафедру Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского Университета возглавляет д.и.н., проф. Султанов Т.И.

В 1968 г. была восстановлена кафедра этнографии и антропологии на историческом факультете Университета, ее возглавил Рудольф Фердинандович Итс, специалист в области этнической истории Восточной Азии, Сибири, Дальнего Востока, и теории этнографии. С 1954 г. он работал в Институте антропологии и этнографии АН СССР, ленинградскую часть которого он возглавлял с 1982 по 1990 гг. Р.Ф. Итс, формируя преподавательский состав кафедры, привлек Александра Вильямовича Гадло. А.В. Гадло был выпускником кафедры археологии исторического факультета Ленинградского Государственного Университета. Во время обучения в аспирантуре он, под руководством М. И. Артамонова и В. В. Мавродина, погрузился в проблематику Хазарского каганата и хазаро-славянских отношений. Работая на кафедре этнографии и антропологии, А.В. Гадло руководил Кавказской археолого-этнографической экспедицией, вел исследовательскую работу на стыке изучения археологических и этнографических источников, сосредоточившись на этнической истории периода раннего средневековья на Северном Кавказе. Другими сферами интереса были процесс оседания кочевников, история Киевской Руси, исследование этнографии Северо-Запада России. Он был автором ряда учебных курсов – «Этнография Европейской части СССР», «Этнография славян»,

Этнография народов Средней Азии и Закавказья», «Этнография зарубежной Европы», «Этнография народов Кавказа», вел оригинальный спецкурс по ранней этнической истории адыгов⁴³. Главные работы исследователя посвящены ранней истории народов Северного Кавказа. Исследователь также обращался к истории преподавания кавказоведения в Санкт-Петербургском – Ленинградском Университете⁴⁴.

История преподавания кавказоведческих дисциплин в Санкт-Петербургском Университете равновелика всей истории существования Университета. В большей степени она была связана с языковой подготовкой студентов. Однако, можно предложить и такую трактовку периодизации преподавания кавказоведения, в которой время с 1820 гг. по конец 1920-хх можно рассматривать как те годы, когда ставились задачи подготовки проводников государственной политики в кавказском регионе сначала Российской империи, а затем Советского Союза. С 1890 гг. усиливается внимание к научно-исследовательской работе, что было определено, с одной стороны, завершившимся становлением Университета как центра европейской науки и образования с соответствующим восприятием идей передовой европейской науки, с другой стороны, в той области, что относится собственно к кавказоведению, влиянием открытий, сделанных на Кавказе в области его археологии и древней истории. 1910–1920 гг. прошли под знаменем эксперимента, как в академической науке (сложение школы Н.Я. Марра в языкознании), так в организации образования (особенно период реорганизации сферы высшего образования в 1920 гг.). В 1930 гг. начался сильно затянувшийся период, когда преподавание «этнографических» дисциплин (как в языковедческом, так и в культурологическом плане) не имело той определенности, что в дореволюционный период, что, очевидно, было связано с общим пониманием роли этнографии в советском обществе. Затем, с образованием кафедры этнографии на историческом факультете Университета в 1968 г., был сделан упор на подготовку этнографов-историков, кадров для сотрудников Университетов, научно-исследовательских учреждений и музеев. Всплеск национального самосознания в 1990–2000 гг. сделал актуальным вновь языковую подготовку тех, кто может использоваться во взаимоотношениях России с образовавшимися новыми государствами на постсоветском пространстве. И в настоящее время преподавание кавказоведческих дисциплин существует в двух самостоятельных направлениях: языковедческом и этнокультурном.

Примечания

1. Куликова А.М. Становление Университетского кавказоведения в Петербурге. М., 1982. С. 30; Шагинян А.К. Из истории армяноведения в Санкт-Петербургском Университете. СПб., 1999. С. 6.
2. Материалы для истории факультета. СПб., 1901–1909. Т. IV. С. 53–54; Хантадзе Ш.А. Академик Мари Броссе и европейское и отечественное грузиноведение. Тб., 1970. 211 с.
3. Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М., 1992. С. 19.
4. Куликова А. Становление Университетского кавказоведения... С. 112–113; Шагинян А.К. Из истории армяноведения... С. 8–9.
5. Журнал Министерства народного просвещения за 1845 г. Ч. 46. Отд. 1. С. 15; Санкт-Петербургский Университет. 275 лет. СПб., 1999. С. 141.
6. Шагинян А.К. Из истории армяноведения... С. 10–11.
7. Материалы для истории факультета... Т. I. С. 253–254.
8. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т. 9. М., 1977 С. 165.
9. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета... С. 142–143.
10. Веселовский Н.И. Лекции по истории Востока в 1897–1898 гг. СПб., б/г.; Он же. Лекции, читанные в 1889/1890 уч. гг. Курс. II. СПб., б/г.; Он же. История Востока. Пособие к лекциям по истории Востока. СПб., 1901.

11. *Веселовский Н.И.* Первобытныя древности. (История Южной России). Пособие к лекциям, читанным в Санкт-Петербургском Археологическом институте профессором Н.И. Веселовским СПб., 1901. 86 с.
12. *Фармаковский Б.В.* Н.И. Веселовский – археолог // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. XXV. 1921. С. 359–386.
13. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 95–96.
14. ОПН по факультету восточных языков Петербургского Университета в осеннем полугодии 1917 г. и в весеннем полугодии 1918 г. С. 269.
15. Востоковедение в Петрограде 1918–1922. Памятка коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. Пг., 1923. С. 10.
16. Санкт-Петербургский Университет. 275 лет... С. 145, 183.
17. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 69–70.
18. *Кошеленко Г.А.* Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2004. Т. 3. С. 269–285.
19. *Фармаковский Б.М.* Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока: лекции, читанные в СПбУ в 1907–1908 гг. Литография СПб, б/г. 432 с.; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 71–72.
20. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 75.
21. *Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. М., 1914. Вып. 56. С. 75–206.
22. *Залкинд Н.Г.* Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. М., 1974. 152 с.
23. *Невский В.В.* Кафедра геологии и этнографии в Петербургском Университете // Ученые записки ЛГУ. Сер. Геогр. Наук. Л., 1977. Вып. 25. С. 13–23.
24. *Петри Э.* Основы антропологии. СПб., 1890. 610 с.; *Он же.* Соматическая антропология. СПб., 1895–1897. 438 с.
25. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 117, 257–264.
26. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 131.
27. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 278.
28. *Лавров Л.И.* Памяти А.Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Т. V. С. 213; *Арутюнов С.А., Волкова Н.Г. Сергеева Г.А.* Вклад А.Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа // Советская Этнография. 1987. № 3. С. 61.
29. Востоковедение в Петрограде... С. 43–44.
30. История Ленинградского Университета. Очерки. Л., 1969. С. 227, 274, 291.
31. Этнограф-исследователь. 1927. Август. 1927. С. 2.
32. Ленинградский Университет за советские годы 1917–1947 гг. Л., 1948. С. 267.
33. *Станюкович Т.В.* Из истории этнографического образования. (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. V. С. 127–128.
34. *Арутюнов С.А., Волкова Н.Г. Сергеева Г.А.* Вклад А.Н. Генко... С. 71.
35. Справочник для поступающих в Ленинградский государственный Университет. Л., 1939. С. 17–18.
36. *Винников И.Н.* Вновь организованное этнографическое отделение на филологическом факультете Ленинградского Государственного Университета // Советская этнография, сб. статей. М., 1938. С. 232–233.
37. *Решетов А.М.* Кафедра этнографии в структуре филфака // Материалы XXXI Всероссийской научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Секция филологического факультета, 10–16 марта 2001 г. Вып. 10. С. 36–37.
38. *Шагинян А.К.* И истории армяноведения... С. 32.
39. *Решетов А.М.* Кафедра этнографии... С. 38.
40. *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском Университете... С. 194.
41. *Петрущевский И.П.* Восточный научно-исследовательский институт Ленинградского Университета // Вестник ЛГУ. 1948. № 1. С. 157–159.
42. История Ленинградского Университета, 1819–1969. Очерки / Гадло А.В., Ежов В.А., Малышев М.О., Овсянкин В.А. и др.; Отв. ред.: Мавродин В.В.; Прил.: Иванова А.Л., Комаров В.М., Кононова Н.Н., Марченко Г.М. Л., 1969. С. 392.
43. *Айбабин А.И.* Памяти Александра Вильямовича Гадло // Материалы по археологии и этнографии Таврии. 2002. Вып. 9. С. 634–635; *Дворниченко А.Ю.* Александр Вильямович

Гадло (1937–2002) – исследователь древностей Крыма и Кавказа // Гадло А.В. Предистория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 3–20.

44. Гадло А.В. Кавказоведение в системе этнографического образования в Санкт-Петербургском Университете // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября, 2001. Тезисы докладов. М., 2001. С. 67.

V.A. Dmitriev

ON THE HISTORY OF CAUCASIAN TEACHING AT ST. PETERSBURG UNIVERSITY

The article represents the principle of teaching Caucasian studies at St. Petersburg University in the XIX–XXI centuries. There are two types of courses: language training of the Caucasian peoples and studying ethnography of Caucasian peoples. Teaching methods varied depending on the understanding of the goals of university science in Russia.

Keywords: St. Petersburg University, Caucasus studies, faculty.

И.Х. Тхамокова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАКОВ И НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В статье показано, что во второй половине XVII в. отношения между казачеством и соседними народами были сложными и противоречивыми, включавшими как сотрудничество и взаимопомощь, так и противоречия и конфликты. Ситуация усугублялась влиянием царских властей и Ирана, которые по разным причинам враждовали с теми или иными группами казачества и втягивали в это противостояние народы региона. Результатом явилось сокращение территории расселения терского и гребенского казачества и уход казаков-раскольников с Астрахани.

Ключевые слова: Северный Кавказ, казаки, кабардинцы, чеченцы, брагунцы, кумыки.

Очень многие авторы, изучавшие историю и этнографию казачества, более или менее подробно описывали отношения этой группы с соседними народами, но, тем не менее, возможности расширения наших знаний по этой теме еще далеко не исчерпаны. В статье рассматриваются взаимоотношения между казаками и народами Северного Кавказа во второй половине XVII в. и связанные с этим изменения в расселении как той, так и другой стороны.

К середине XVII в. казаки при их небольшой численности занимали обширную территорию, и их соседями были многие народы Кавказа. Это создавало условия как для торговых, экономических и дружеских связей между ними, так и для противоречий и конфликтов.

В 1651 г. на берегах Терека было расположено более 10 казачьих городков: Ищерский, Наурский, Калиновский, Верхний и Нижний Червлёный, Аристов, Оскин, Шевелев, Яковлев, Уразов и другие¹. Самые верхние (по течению Терека) казачьи городки отделяло от кабардинских сел небольшое расстояние. В степях между Тереком и Волгой кочевали ногайцы и калмыки, их тоже можно считать соседями казаков.

Казаки жили также и «в гребенях», но точное количество и расположение их городков неизвестны. В 10 верстах от Османовской дороги, которая соединяла Дагестан с Кабардой и северо-западным Кавказом и проходила «меж двух гребеней», т.е. между Терским и Сунженским хребтами, находилось несколько казачьих городков, в том числе, как можно понять из документов, городки Сергеев и Сунгуров (1650 г.)².

В документах 30–40 гг. содержатся также сведения о казачьих городках на реках Быстрой, Белой, Черной и Гремячей. По мнению Е.Н. Кушевой, с которым в целом можно согласиться, эти реки – притоки Сунжи, т.е. казаки жили не только на левом, но и на правом берегу этой реки и по ее притокам. На сравнительно небольшом расстоянии от них находились села вайнахов – окочан, шибутян, мичкизян и др. В тот же период казачьи городки располагались также и на другой реке Быстрой – южной протоке Терека, недалеко от города Терки³. Соседями казаков были кумыки, которые нередко конфликтовали с ними.

Казаки занимали стратегически важные точки, позволявшие контролировать переправы через Терек и Сунжу, а также важнейшую для региона Османовскую дорогу, что прекрасно понимали терские воеводы, которые считали казаков

опорой своей власти: «И казачьи городки по Терку и по Сунше сидят в тех местах в которые через Суншу и Терек кумыцкие люди ходят в Кабарду и в Малой Нагай и в Азов для своих торгов и ясырей и всяких дел и ис Кабарды и из Малого Ногаю и из Азова в кумыки теми ж месты проходят и русской и всякой ясырь провозят а ис кумык продают в шаховы города а толко де терских и гребенских атаманов и казаков по рекам по Терку и по Сунше не будет и не толко де Суншинскому острогу и Терскому городу от государевых непослушников вперед быть будет опасно»⁴.

Казаки считали себя полноправными хозяевами занятой ими земли и не допускали, чтобы соседние народы переселялись на эту землю или даже на прилегающие к ней территории. Они предпочитали сохранять определенную дистанцию между своими городками и поселениями других жителей Кавказа. При этом казаки пользовались полной поддержкой терских воевод. Когда в 1648 г. «уварские люди», т.е. аварцы, попытались обосноваться по соседству с казаками, то казаки обратились за помощью в Терки, и воевода князь Оболенский «по челобитью терских и гребенских атаманов и казаков» приказал «тех уварских людей городки разорить... и после де того уварские люди на те места для селитьбы не бывали»⁵.

Хотя эти городки «уварских людей» просуществовали недолго, но вопрос о месте их расположения представляет большой интерес. По мнению Я.З. Ахмадова, они находились в междуречье Терека и Сунжи⁶. Это вполне обоснованное предположение, если исходить из уже процитированного документа, который сообщает только о том, что «поселились было на Сунше реке уварские люди», не уточняя место их жительства. Однако есть еще один документ, который содержит больше подробностей об этом событии. Прежде всего, из него следует, что «уварскими людьми» были представители знатного аварского рода Турловых «Загаштока да Алибек да Галихан мурзы». Они обратились в Терки с просьбой разрешить им «поселитца блиско гребенских казачих городков на прежнем их отцовском месте на чеченском юрту»⁷. Упоминание «чеченского юрта» совершенно меняет картину происходящего. Если он находился там же, где впоследствии располагался аул Чечен, то значит, братья хотели обосноваться не в междуречье Терека и Сунжи и даже не на правом берегу Сунжи, а, скорее, за Сунжой, на некотором расстоянии от нее, на реке Аргун. Впрочем, нам неизвестен размер участка, который собирались занять Турловы. Не исключено, что он доходил и до Сунжи. Получается, что казаки, стремившиеся не допустить туда «уварских людей», пытались контролировать не только междуречье Терека и Сунжи, но и немалые территории сунженского правобережья.

Дальнейшие события описаны в этом документе примерно так же, как и в предыдущем. Казаки выступили против поселения аварцев в этом месте, опасаясь возможных нападений на казачьи городки. Когда Турловы, вопреки запрету воеводы, все же поселились «на чеченском юрту», то к ним был послан из Терок военный отряд. Переселенцы вынуждены были покинуть свой городок, после чего он был разрушен, а скошенное сено сожжено⁸. Турловы отступили, но ненадолго.

Два года спустя, в 1650 г., попытку переселиться на Сунжу предприняли барагунцы или барагунцы – жители небольшого владения, находившегося в Северном Дагестане. Как стало известно терским воеводам, переселил их на Сунжу живший в Терках князь Муцал «без государева указа». В своей челобитной он объяснил, что в 1649 г. «ондреевский Казаналп мурза собрався с своими ратными людьми и с уварцы и с мичкизы и ходил с войною на его двоюродных братьев на барагунских на Ильдар мурзу Куденетова з братью и на их владение. И их повоевали и разорили до основанья. И жен их и детей и животы поимали и поневолили в холопство. А иных де многих узденей их побил до смерти а жен и детей многих роздал в горы»⁹. А поскольку у Муцала был царский указ о переселении сел его брата Будадея из Кабарды на Сунжу, то он решил вместо этих сел поселить там

брагунцев, чтобы спасти их от полного уничтожения, «и те де барагунцы на том месте до государева указу и поселились»¹⁰.

Брагунцы обосновались недалеко от устья Сунжи и казачьих городков, что вызвало беспокойство казаков и даже терских горожан. Они опасались, что «от тех де барагунцов терским всяким служилым людем и атаманом и казаком будет утеснение большое и ни для какова де промыслу и по дрова проезду им не будет а будет де барагунцы на том месте живучи сами воровать и не станут и те де барагунцы на терских атаманов и казаков и на всяких терских русских людей учнут воровских людей подводит а наперед сего в тех местах на Сунше реке никакие иноземцы не живали»¹¹.

И в этом случае терские воеводы поддержали казаков. Они послали к брагунцам стрелецкого голову и толмача, чтобы убедить их вернуться на прежнее место жительства. Однако брагунцы их «не послушали и с того де места не пошли и они де воеводы тех барагунских мурз с их владеньем с того места вневолю сослать не смели»¹².

Воеводы обратились в Москву, и вопрос решался на самом высоком уровне: царь «указал и бояре приговорили барагунских мурз со всем их владеньем с Сунши реки сослать на старые их места где они наперед сего кочевали а будет те барагунцы с того места итти не похотят и тех барагунцов указал государь с того места сослать и вневолю а на Сунше реке для береженья от приходу воинских людей велено поставить острог стоялой...»¹³.

Однако брагунцы не спешили выполнять царский указ, и в 1651 г., когда в очередной раз строилась Сунженская крепость, они еще жили на Сунже, в 2 верстах от острога. Они даже помогли в его строительстве, предоставив 700 быков и телеги для перевозки леса¹⁴. А напротив острога, на левом берегу Терека, находилось несколько казачьих городков, брагунцы были их близкими соседями. В 1651 г. брагунцы защищали Сунженский острог вместе с князем Муцалом, «с ратными людьми и с терскими и з гребенскими атаманы и казаки» от «кумытцких и кизылбашских ратных людей»¹⁵, т.е. были соратниками казаков и терских воевод. В этот раз острог удалось отстоять.

В 1653 г., когда поход дагестанских и иранских войск на Сунжу повторился, брагунцы все еще жили недалеко от Сунженского острога. Кроме того, в этот период на Сунже находилось также село кабардинского князя Шангирея Урусханова: «жил он, Шангирей-мурза, кабаком своим по Сунше-реке»¹⁶. Где именно находилось это село, и когда оно там появилось, об этом точных сведений нет. Известно только, что сыновья князя Жансоха Эльмурза и Урусхан после конфликта с Алегукой Шогенуковым переселились в Дагестан, в аул Эндери¹⁷.

В этот раз Сунженский острог вместе со стрельцами и терскими казаками защищали брагунцы, а также Урусхан и Шангирей со своими людьми¹⁸. Брагунцы и кабардинцы опять воевали на стороне воевод и казаков. Однако брагунцы спустя несколько дней вступили в переговоры с осаждавшими и покинули острог: «во всем государю изменили, из государева Суншинского острогу вон вышли к ним, кумытцким мурзам в рать»¹⁹. После этого брагунцы надолго ушли с Сунжи²⁰.

Во время этого похода дагестанские и иранские «ратные люди» сожгли многие казачьи городки, уничтожение которых и было, видимо, одной из главных их целей. Правители Ирана и различных дагестанских владений неоднократно жаловались в Терки и в Москву на казаков, которые препятствовали торговым связям народов Северного Кавказа, грабили купцов. Один такой случай произошел в 1650 г., когда «несколько ширванских и дагыстанских торговых людей собрався ехали в Черкасы с торгом и собрався де терские казаки животы их и товар и всякую рухлядь погромили без остатку»²¹. Караван сопровождал сын князя Муцала Кантемир, однако это не остановило казаков. По его словам, на караван напали 60 казаков или даже больше²².

Когда терские и астраханские воеводы расследовали это дело, то казаки оправдывались тем, что незадолго до того у них угнали «ис под верхнева Черленова городка тарковские кумыченя лошади»²³. По их версии, они узнали в купеческом караване угнанных у них лошадей, и, когда их не удалось вернуть, они отбили их силой, «а животов де никаких не имывали»²⁴. Однако Кантемир и купцы утверждали, что караван был полностью разграблен.

Воеводы в очередной раз поддерживали казаков. Они «корованных погромных животов на терских и гребенских атаманах и казаках не описав о том государю править и наказания учинить не смели потому чтоб тем терских и гребенских атаманов и казаков не оскорбить и с реки не согнать...»²⁵. Неизвестно, руководствовались ли воеводы в данном случае исключительно государственными интересами, или у них были еще какие-то причины для того, чтобы с таким усердием защищать казаков.

Из Москвы пришло распоряжение потребовать у казаков, чтобы они возвращали захваченные вещи и «чтоб они атаманы и казаки торговых иноземцов и нико негде не грабили не побивали и с торговым иноземцом ни с кем задоров ни в чем не чинили чтоб от их задоров у великого государя с шахом в том ссоры не учинилось»²⁶. О наказании виновных речи не было. Видимо, власти настолько дорожили казаками как своей надежной опорой, что закрывали глаза на их действия, которые могли поставить под угрозу добрососедские отношения с Ираном.

Шемахинский Хосров-хан, чьи купцы были в пострадавшем караване, требовал у терских воевод возврата награбленного, но ему ответили, что похищенное имущество не найдено²⁷, и возложили ответственность за случившееся на него самого, поскольку он не обратился заблаговременно к воеводам с просьбой беспрепятственно пропустить караван²⁸.

После этого погрома и состоялся в 1651 г. первый, а в 1653 г. второй совместный поход шемахинских и дагестанских «воинских людей» на Сунжу, в результате которых казаки понесли большой ущерб. Одним из главных организаторов военных действий был Хосров-хан. Помощь ему оказали правители нескольких дагестанских владений. Возможно, они отчасти действовали под давлением Ирана, хотя у них были и собственные причины для конфликта с казаками их союзниками. Это были Тарковский шамхал Сурхай (чьи люди пострадали при разгроме каравана), Казаналип Эндиреевский (враждовавший с брагунцами) и кайтагский уцмий Амирхан-Султан²⁹.

Многие казачьи городки были разрушены, и часть из них никогда больше не была восстановлена. Во второй половине XVII в. происходит уменьшение количества казачьих городков и значительное сокращение территории расселения терско-гребенского «вольного» казачества.

В этот период уже не упоминаются казачьи городки на реке Быстрой, т. е. на юго-восточной окраине казачьих земель. Сокращалась территория казачества и на северо-западе. В 1682 г., по свидетельству грузинских послов, ближайшим к Кабарде казачьим городком был Червлёный³⁰. Это означает, что ни Наурского, ни Ищерского, ни Калиновского городков уже не существовало.

В источниках второй половины XVII в. нет также никаких сведений и о казачьих городках на правобережье Сунжи, но есть сообщения о появлении там новых поселений народов Кавказа. Уже в 1658 г., т.е. через 10 лет после первой попытки занять «чеченский юрт», три брата Турловых снова жили в том же месте. Опасаясь, видимо, что их опять могут изгнать оттуда казаки и воеводы, они обратились в Москву при посредничестве грузинского царя Теймураза и сообщили, что «аманаты де их взяты на Терек, а ныне де они живут великого государя на земле на Чачане. И о той земле били челом они великому государю, чтоб тое землю ево государевы люди у них не отымали и не обижали и рыбу б им всякую ловить. И как и иные черкасы и казаки великому государю служат, так бы им государеву службу

служить»³¹. Им удалось получить царскую грамоту, ограждавшую их от обид и позволявшую ловить рыбу. В этот раз казаки не смогли им помешать, и Турловы остались в «на чеченском юрту». Туда же переселялись жители соседних вайнахских обществ. По названию села их стали именовать «чеченскими людьми»³² или чеченцами. Спустя какое-то время это название относилось уже к жителям нескольких сел, а еще позже – к целому народу.

К концу XVII в. казаки оставили правобережье Сунжи и большую часть терско-сунженского междуречья. К сожалению, отсутствие источников не позволяет глубже изучить проблемы, связанные с этим процессом. Известен только его результат. Вместо небольших городков, разбросанных на обширной территории, казачество оказалось сконцентрированным в нескольких крупных поселениях на Тереке.

В тот же период на Кавказе появляются донские казаки – участники восстания С. Разина и раскольники. В 1668 г. 100 пришедших с Дона казаков остановились в 50 верстах от гребенских городков, 400 были на Куме и ожидали прихода еще двух тысяч человек³³. Воеводы хотели послать против этих «воровских казаков» князя Каспулата Муцаловича, но он ответил, что «за малолюдством» идти ему в этот поход не с кем.

В 1688 г. на Куме появились раскольники, переселившиеся туда с Дона³⁴. Они оказались соседями кабардинцев. Они просили у князя Мисоста разрешения поселиться «под Бечтовыми горами», однако он «в том урочище места им не дал, а велел было им жить в старопостроенном городе Можарах...»³⁵. Мисост не позволил раскольникам обосноваться в Пятигорье, он тоже, видимо, хотел сохранить дистанцию между своими селами и их городками. Они «сделали свой земляной городок со всяким строением в урочищах промеж рек Кумы и Домзлы, повыше Маслова Кута...»³⁶. Раскольники сохраняли хорошие отношения с князем Мисостом, получали от него продовольствие: «хлебные запасы дает им и меняет кабардинский князь Месеуст»³⁷.

Поддержка, которую оказывал князь Мисост раскольникам, вызывала недовольство властей. Астраханский воевода писал «к Горским и к Кабардинским владельцам... чтоб они воров и расколщиков казаков во владенья свои не пускали и места им под селидбу не давали и никуды их мимо своих владений не пропускали; а где они ныне поселились, и их бы с того места сбили, чтоб нигде им пристанища не дать, и с ними не соединятца, и воровство б их искоренили»³⁸. Однако организовать борьбу с раскольниками долгое время не удавалось.

В начале 1690 г. они жили «в подданстве у шевкала»³⁹ и оставались «под владеньем Будай шевкала на реке Аграхане»⁴⁰ несколько лет. Они нападали на корабли, плававшие в Каспийском море, захватывали продовольствие, предназначавшееся для города Терки. Их союзниками были ногайцы и кумыки⁴¹. Жители города оказались в очень сложной ситуации: стоило им выйти за городские стены, как их могли ограбить, убить, взять в плен⁴². Кроме того, город пострадал эпидемии чумы. Жители Терок, в том числе и самые высокопоставленные, покидали город: «А княгиня Таука Салтанбековна и мурзы Дивей и Алдигирей Черкаские и иные мурзы и окоченя, покиня город, живут в улусех на реке Кизларе от города в дальних местех»⁴³.

Таука Салтанбековна, мать боярина Михаила Алегуковича Черкасского, который занимал высокие должности в Москве, пользовалась большим влиянием. В 1691 г. царскому посланцу Ивану Басову было приказано по приезде в Терки посоветоваться по поводу казаков-раскольников «со вдовою княгинею Таукою Салтанбековною, и как она в том деле прикажет ему поступить, и ему так велено и делать...»⁴⁴.

В 1692 г., когда раскольники решили уйти с Аграхани на Кубань или в Крым, терский стрелецкий голова Сербин, чтобы разбить их, обратился за помощью к

Тауке Салтанбековне. Именно она сыграла решающую роль в разгроме казаков, поскольку ее слушались не только в Терках, но и в соседних кавказских владениях: «княиня, собрав узденей своих наскоро, послали к Муртазалею и к брату его Амирхану и приказала им, чтоб они служа великим государем их царскому величеству, не отпусая таких воров в Крым, учинили над ними промысел. И Муртазалиев брат Амирхан, собрався с своими чеченцами, также и княинены уздени, догнав тех воровских казаков осадили на реке Сунче и учинили с ними бой и тех воровских казаков розбили, жен их и детей побрали в полон, а иных из них побили и живьем взяли...»⁴⁵. Только небольшой группе раскольников удалось уйти на Кубань, за ними в погоню отправился Амирхан вместе с чеченцами и кумыками. Властям все же удалось привлечь некоторые народы и их элиту к борьбе с раскольниками.

Взаимоотношения народов Северного Кавказа и казаков во второй половине XVII в. были непростыми и определялись как интересами обеих сторон, которые нередко вступали в противоречия, так и влиянием царских властей и Ирана, которые добивались в одном случае преследования донских казаков-раскольников, в другом – войны с терскими и гребенскими казаками, грабившими купеческие караваны. Итогом действия столь разнонаправленных сил явилось сокращение количества казачьих городков и территории расселения терского и гребенского казачества, а также уход донских казаков-раскольников с Аграхани на Кубань.

Примечания

1. Кабардино-Русские отношения в XVI–XVIII веках. Документы и материалы в 2 томах. Т. 1. XVI–XVII вв. Нальчик, 2006. С. 488 (№ 193); Статейный список посла Толочанова в Имеретию. 1650–1652 гг. Тбилиси, 1970. С. 262–263; Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997. С. 172, 175.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 29.
3. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 71; Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887 г. М., 1887. Кн. 2. С. 302, 304, 312, 317.
4. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 32.
5. Там же. Л. 8.
6. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII вв. Грозный, 2009. С. 220.
7. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 93.
8. Там же. Л. 95–98.
9. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 2.
10. Там же. Л. 3.
11. Там же. Л. 9–10.
12. Там же. Л. 5.
13. Там же. Л. 10.
14. Кабардино-русские отношения... С. 487–488 (№ 193).
15. Там же. С. 491 (№ 195).
16. Там же. С. 501 (№ 199).
17. Там же. С. 609.
18. Там же. С. 506–507 (№ 200).
19. Там же. С. 502 (№ 199).
20. Там же. С. 508–509 (№ 200).
21. РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 21.
22. Там же. Л. 30.
23. Там же. Л. 24–25.
24. Там же. Л. 25–26.

25. Там же. Л. 31.
26. Там же. Л. 42.
27. Там же. Л. 87.
28. Там же Л. 30.
29. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в контексте русско-иранского противоборства на Кавказе в 50-х гг. XVII в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 81–82.
30. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). В. I. Тбилиси, 1974. С. 82.
31. Русско-чеченские отношения... С. 200.
32. Там же. С. 220.
33. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. 1645–1676. СПб., 1842. Т. 4. С. 383.
34. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. 2. С. 943. (№ 1310).
35. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 228.
36. Там же. С. 242.
37. Там же.
38. Там же. С. 272.
39. Там же. С. 277.
40. Русско-чеченские отношения... С. 251.
41. Там же. С. 249, 252.
42. Там же. С.254.
43. Там же. С. 253.
44. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 164.
45. Русско-чеченские отношения... С. 256.

I.H. Tkhamokova

RELATIONSHIP OF COSSACKS AND PEOPLE THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY

Article proves that in the second half of the XVII relation between the Cossacks and the next people were difficult and contradictory, including both cooperation and mutual aid, and contradictions and the conflicts. The situation was aggravated with influence of the authorities of Russia and Iran which for various reasons were at enmity with these or those groups of the Cossacks and involved the people of the region in this opposition. Reduction of the territory of resettlement of tersky and the grebensky Cossacks and leaving of Cossack dissenters from Agrakhan was result.

Keywords: North Caucasus, Cossacks, Kabardians, Chechens, Bragunets, Kumyks.

М.Х. Гугова

ЖЕНСКАЯ ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ

В статье предлагается постановка задачи изучения военной истории, включающей женщину в активное поле исследования. Анализируются проблемы трансформации повседневной жизни и традиционных ментальных представлений кавказской женщины в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: женское военное пространство; женский военный опыт; женская военная повседневность; стратегии выживания; трансформация этнической ментальности; материнство.

Великая Отечественная война на наших глазах превращается из истории, пережитой нашими отцами и дедами – ее героями и очевидцами, в академическое знание о далеком прошлом. Представители военного поколения еще живут среди нас, и осталось не так много времени, чтобы позволить им сказать свои слова Истории, к которой они когда-то принадлежали. Нам представляется очень важным включить в круг научного познания вопросы о том, как война изменила образ жизни людей, их сознание, повседневный быт и поведенческие фреймы. Это позволит по-иному взглянуть на историю Великой Отечественной, состоящую не только из побед и отступлений, героизма солдат и мудрости полководцев, но и из боли, переживаний, унижений, терпения, выживания, ожидания и прочих «неисторических», в привычном смысле, категорий, создающих и фон войны, и смысл цели, во имя которой она ведется. Так, тема «женщина и война» является одной из самых малоисследованных в современной исторической литературе: сражения, битвы и ратные подвиги испокон веку считались уделом мужским, а женщинам предназначалось иное: беречь домашний очаг, поднимать детей, и ждать мужчин, уходивших на войну. О войне мы знаем очень много – и многого не знаем. Женская военная повседневность оставалась вне исследовательского дискурса историков. В данной статье мы предлагаем постановку задачи изучения военной истории, включающую женщин в активное поле исследования.

Расхожей стала фраза: «у войны не женское лицо». Она является, с одной стороны, главным тезисом несовместимости понятий «женщина» и «война», ментальной и профессиональной монополии мужчин на ведение войны, но, с другой стороны, этот трогательный в отношении женской страдательной позиции лозунг невольно умалчивает их роль в событиях последней войны. А между тем, в период Великой Отечественной войны в армии служило 800 тысяч женщин¹, а просились на фронт еще больше. Не все они оказались на передовой; были и вспомогательные службы, где требовалось заменить ушедших на фронт мужчин. Сознание спокойно воспринимает женщину в роли медсестры, телефонистки, радистки и в прочих военных профессиях, т.е. в ролях, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница – это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула ее на этот шаг, желание самой защищать отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей.

Феномен участия женщин в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, которая определяла восприятие фронтовой действительности. Если мужчине война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила мужской быт войны. То, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, противоречило ее женскому естеству.

Другая сторона феномена – неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом, к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают, что женщина обладает более тонкой организацией, чем мужчина. Самой природой в женщине заложена функция материнства, продолжения человеческого рода. Тем противоестественнее словосочетание женщина-солдат, женщина – несущая смерть...

Актуальность исследования женской военной повседневности состоит в создании новой истории Великой Отечественной войны – истории, увиденной глазами женщин, как ее субъектов. Этот исследовательский прием позволит существенно дополнить официальные источники, изучить прежде скрытые для науки свидетельства «обыденного человека», не всегда солдата войны, но всегда – ее очевидца, участника, жертвы, изменившего в чрезвычайной ситуации привычные нормы жизни и выработавшего опыт выживания и продления жизни. В науке и обыденном сознании сложилось мнение, что женщина, в основном отстраненная от активных боевых действий, остается в стороне от военных событий. Наше исследование должно заполнить образовавшуюся лакуну, создав широкое полотно женской военной повседневности – того фона, на котором совершается героика войны, и отследив отдаленные последствия для социума в целом после завершения военных действий как таковых.

Женщинам было уделено определенное внимание в советской официальной историографии войны, заключавшийся в описании их участия в военных действиях, овладении ими мужскими профессиями, рассказах о неординарных женщинах и о героических женских судьбах. При этом их собственный голос вряд ли когда-либо был услышан, а женская военная повседневность оставалась вне исследовательского дискурса историков. Решения о том, кого и что именно нужно помнить, долгое время принимались как партией, так и самими историками. Более того, ни в советское время, ни в перестроечный период, вплоть до сегодняшнего дня, беспрецедентный героизм советских женщин не был предметом внимания (за исключением нескольких исследований) и не был адекватно представлен ни на страницах учебников, ни в залах музеев Великой Отечественной войны.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в исследовании темы несомненную научную значимость имеют достижения отечественной исторической науки. В первую очередь это такие фундаментальные труды, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза», издания «История второй мировой войны 1939–1945», «Советский тыл в Великой Отечественной войне» в двух книгах: «Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны», «Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне»².

Значительное место в опубликованной литературе отводится военной экономике, созданию слаженного военного хозяйства, превращению страны в единый лагерь, единству фронта и тыла, величайшему подвигу рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции, раскрыто всемирно-историческое значение победы над фашизмом.

Изучение «женского фактора» периода Великой Отечественной войны получило отражение в основательных исследованиях В.С. Мурманцевой³, Ю.Н. Ивановой⁴, мемуарах участниц войны. Часть материалов об участии

женщин в военных действиях 1941–1945 гг. можно почерпнуть в официальной историографии Второй мировой войны: воспоминаниях военачальников (Чуйков В.И., Рокоссовский К.К. и др.), рядовых бойцов, рассказах, очерках, именах женщин-героев, отраженных в энциклопедическом труде «Герои Советского Союза», и целом ряде публикаций, которые можно квалифицировать в качестве источников⁵.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вышло немало агитационно-публицистических очерков (в т.ч. в виде брошюр), в которых настойчиво педалировалась тема традиционности в России женского героизма, самопожертвования, самоотдачи. Этот мотив прозвучал и в первой диссертации о русских женщинах-врачах, защищенной в трудных условиях войны⁶.

В послевоенные годы в науке наступило время осмысления сделанного, и того, что предстояло сделать. Л. Карасёва и Н.Д. Араловец издали работы о роли женщин в жизни общества и их подвигах в годы войны⁷. Занятость женщин страны в годы войны частично нашла отражение в книгах: П. Москатова – о трудовом героизме рабочих; Ф. Гладкова – о новаторах производства; И. Кузьмина – о стахановском движении; Г. Евстафьева – о социалистическом соревновании; А.А. Вознесенского – о развитии экономики страны; Н.Л. Бурденко, В.Н. Швецова, Ф.М. Сатрапинского, М.К. Кузьмина, А.А. Шибкова – о медиках⁸.

Были опубликованы также брошюры, журнальные статьи, в той или иной степени отражающие деятельность населения Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны. Среди них выделяются работы: Д. Трунова – о деятельности комсомольцев и молодёжи Дагестана; А.А. Асауляк – о здравоохранении Ставрополя, С.И. Огурцова – периоде оккупации края⁹.

Отдельные проблемы деятельности женщин региона являлись предметом изучения в ряде научных работ. В.И. Четина исследовала труд женщин в колхозном производстве страны¹⁰. Были защищены кандидатские диссертации, посвященные деятельности парторганизаций краёв и республик региона в годы войны: Г.П. Иванова, Н.И. Ковпака – Краснодарского края; В.М. Глухова – Адыгейской автономной области; Х.Т. Чибирова – Северо-Осетинской АССР; К.А. Опишанской – Ставропольского края; И.К. Керимова – Дагестанской АССР; И.В. Давыдова – Кабардинской АО¹¹. В них нашла отражение работа партийных органов с женскими кадрами. В целом, историография проблемы находилась в стадии своего становления.

Однако, уже в этот период был накоплен определённый материал по истории региона в годы Великой Отечественной войны, в котором отражалась и деятельность женщин.

Важной базой для исследования являются коллективные работы по истории партийных и комсомольских организаций субъектов региона; истории краёв, республик, городов, предприятий и учреждений Северного Кавказа; сборники статей, написанные на богатом документальном и архивном материале.

Предлагаемый в исследовании подход может положить начало новым масштабным исследованиям гендерной антропологии в период войны, значения женского вклада в военные победы и поражения, что особо актуально в отношении истории кавказских народов, находящихся в настоящий момент в нестабильной политической ситуации.

Конкретная задача, на решение которой направлен наш научный интерес, заключается в постановке новой проблемы, пока мало популярной у историков – женской военной повседневности: на фронте, в тылу, на оккупированных территориях, в частности, на территории Кабардино-Балкарии. Обращение к методологическим установкам истории повседневности, устной истории, реконструкции микромиров, позволяет сконцентрировать исследовательский интерес на небольшой территории нашей республики, в истории которой отразились все проблемы

большой страны. Кроме того, наш выбор обусловлен задачей выявления механизмов гендерного сдвига стереотипных половых ролей, тем более явных и заметных на фоне трансформации (сначала в процессе «раскрепощения горянки», потом в условиях военной экстремальности) самобытной традиционной культуры коренного населения – кабардинцев и балкарцев. Кавказская патриархальная идеология – это мифология воинов, где место женщины ясно и жестко определено – это дом, ее оружие – ножницы и игла, дело всей жизни – рождение и воспитание новых поколений воинов. Во время войны традиция еще более обостряла разницу этих двух миров. По образному выражению Ж. Папич, война – это мир мужчин, где мужчины и женщины разведены по разным зонам – это поля сражений и убежища¹². Когда судьба нации в опасности, женщине традиционно отводилось пространство между материнством и символом «родины-матери». Еще за два-три десятка лет до Второй мировой войны участие женщин в военных действиях наравне с мужчинами было немыслимо, в Великобритании такая возможность исключалась абсолютно, в России была исключительным прецедентом.

Таким образом, вопросы, стоящие перед аналогичными исследованиями других областей страны, становятся более выпуклыми, а ответы на них – более иллюстративными: менялись ли в традиционном сознании представления о «достойном» и «недостойном», правильном и героическом, и как влияла война на стереотипы женского поведения, манеру одеваться, взаимоотношения с окружающим миром, воспитание детей? Следующие важные вопросы исследования – определить, как женщины адаптировались к жизни в условиях вражеской оккупации? Каким был партизанский и фронтовой быт? Каковы женские стратегии выживания, виды работ и средств существования?

Решение поставленных задач позволит положить начало исследованию, позволяющему обеспечить: комплексный анализ теоретико-методологических, историографических и конкретно-исторических аспектов проблемы «женщины и война» в пределах одной республики – Кабардино-Балкарии, население которой в 30–40-х гг. XX в. переживало сложный период социально-экономической и политической модернизации. Особое значение имеет анализ трансформационных процессов традиционных культурных ценностей в результате социалистической эмансипации. Сосредоточение внимания на истории нашей республики, кроме прочего, также обусловлено тем, что историческая память ее коренного населения была отягощена грузом национальных обид в связи с его колонизацией в середине XIX века и депортацией балкарцев в 1944 г. Должна быть рассмотрена и проблема «гендер и нация», так как война и оккупация могли стать провокаторами реваншистских настроений некогда покоренных народов и явились поводом для переселения целого народа.

Таким образом, впервые в новейшей историографии Северного Кавказа ставится задача проведения исследования женского военного пространства, женского военного опыта и женской военной повседневности, женских стратегий выживания в период войны и, в том числе, на оккупированных территориях (1942–1943 гг.). Новой исследовательской задачей является концентрация внимания на рассмотрении вопроса женской повседневности в годы Великой Отечественной войны на Северном Кавказе, а точнее, в Кабардино-Балкарии, территория которой была оккупирована немцами, а часть населения подвергнута депортации.

Выбор этого региона также обусловлен и тем, что:

1) на Северном Кавказе сохранились традиционные черты доиндустриальной культуры, включая особенности женского статуса, стереотипы телесных репрезентаций гендерно-маркированного поведения и занятий;

2) накануне Великой Отечественной войны в борьбе за женское равноправие происходит смена привычного порядка вещей в связи с вовлечением женщины в общественное производство;

3) война послужила мощным импульсом для развития политики социальной эмансипации, ускоренной экстремальными условиями военного времени.

Обращение к методологическим установкам истории повседневности, устной истории позволяет рассмотреть механизмы гендерного сдвига привычных половых ролей, тем более явных и заметных на фоне трансформации традиционной культуры у народов Северного Кавказа: изменение представлений о «достойном» и «недостойном», о героическом и обыденном, о способах адаптации горянки к жизни в условиях вражеской оккупации.

Вторая мировая война, как событие первоочередной важности европейской истории XX в., остается актуальной историографической темой в течение последних десятилетий, как в России, так и за рубежом. Однако, исторические исследования женской повседневности, женских репрезентаций в экстремальных условиях войны, тем более в специфической этнокультурной среде, сохранившей архаические традиции в отношении к женщине – не были осуществлены в российской науке. При этом, исследование повседневности, проблем «женщины и война», «женщины и нация», общие гендерные исследования успешно развиваются во многих странах уже около пятидесяти лет, открывая новые научные горизонты в целом ряде дисциплин – этнографии, истории, антропологии, культурологии, и даже позволяют синтезировать новые смежные направления в изучении человеческого общества.

На современном этапе развития историографии Великой Отечественной войны наибольшее развитие тема участия женщин в Великой Отечественной войне получила в Белоруссии, в научном проекте Европейского Гуманитарного университета под руководством Елены Гаповой «Женщина. Память. Война».

Женская роль в Великой Отечественной войне освещена в монографиях В.С. Мурманцевой «Женщины в солдатских шинелях» и «Советские женщины в Великой Отечественной войне»; Ю.Н. Ивановой «Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах»; Г.В. Воробьевой, В.И. Шамко «Героизм женщин Советской Украины в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»; И.Н. Ворониной, Л.Т. Макарова «Ратный и трудовой подвиг советских женщин»; Е. Голубова «Героини войны»; Л.П. Овчинниковой «Женщины в солдатских шинелях» и др.

В современной российской историографии нет исследований женского участия в Великой Отечественной войне в ракурсе истории повседневности, позволяющей взглянуть на события войны глазами женщин, через их личные переживания, через анализ гендерной структуры общества, сдвига гендерных статусов. Проведение такого исследования должно быть актуально для Северного Кавказа, население которого пережило все стадии ведения войны: прохождение линии фронта по территории Кавказа, оккупация Северо-Западного и частично Центрального районов Кавказа, их освобождение от врага, идеологические и политические последствия обвинений в адрес целых народов в пособничестве оккупантам. Наше исследование стремится дать возможность сказать свое слово тем, кто хранил молчание в течение столь долгого времени, тем, кто не был героем войны, но был «обыкновенным» человеком, тем, кто сражался и стремился выжить в военные годы и сформировать наиболее полную картину военной повседневности женщин Кабардино-Балкарии в годы великой Отечественной войны¹³.

Опыт выживания в экстремальных условиях, принятие на себя не только заложенных традицией, воспитанием и природой обязанностей, но и абсолютно противоположных им ролей – солдата, пахаря, физически сильного мужчины – вот «женское» лицо войны. Однако все это имеет женское эмоциональное наполнение, усиливавшее фон их переживаний, их ответственности за конкретные детские жизни, их готовности к выживанию покалеченных мужей, их пожизненная верность памяти погибших. Именно учет этих, не учитываемых

официальной историографией женских качеств, позволяет определить причины и уровень сопротивления оккупантам, помощь фронту в тылу, личные стимулы каждого отдельного человека в борьбе с завоевателями. Только понимание подобных аспектов истории и интерес к «ускользающему настоящему», проведение «качественных» исследований (в дополнение к анализу фактов на основе использования методов количественной обработки данных), написанных на основе интервью, фронтовых писем, воспоминаний очевидцев, дает нам возможность написать правдивую картину прошедшей великой войны в одном из регионов Советского Союза.

Примечания

1. *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. С. 256.

2. История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). В 6-ти томах. М., 1961–1965; История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти томах. М., 1975–1982; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. X: СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; Советский тыл в Великой Отечественной войне в 2-х кн. М., 1974; *Бугай Н.Ф.* Репрессированные народы России: чеченцы, ингуши. М., 1994; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; *Анисков В.Т.* Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. М., 1979; *Земсков В.Н.* Ведущая сила всенародной борьбы. М., 1986; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР 1930–1960. М., 2003 и др.

3. *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974; 2-е изд. М., 1979; *Она же.* Женщины в солдатских шинелях. М., 1971; *Она же.* Женщины – воины Малой земли // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 177–179 и др.

4. *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002; *Она же.* Женщины России в войнах Отечества. М., 1993; *Она же.* И на Руси были амазонки // Армия. 1992. № 5. С. 43–47 и др.

5. Советская женщина – защитница Родины. Иваново, 1942; *Чечнева М.П.* Боевые подруги мои. М., 1975; Женщины в СССР // Сборник статей. М., 1967; Женщины города Ленина: Очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады. Л., 1944 и др.

6. *Розова К.Л.* История первых русских женщин-врачей. Дисс. канд. ист. наук. М., 1945.

7. *Араловец Н.Д.* Женщины – великая сила советского общества, М., 1947; *Она же.* Женский труд в промышленности СССР. М., 1954; *Карасёва Л.* Славные дочери нашей Родины. М., 1946.

8. *Кузьминов И.* Стахановское движение в период Великой Отечественной войны. М., 1943; *Евстафьев Г.* Социалистическое соревнование – источник силы, роста экономической и военной мощи СССР. М., 1944; *Москатов П.* Трудовой героизм рабочего класса СССР. М., 1944; *Бурденко Н.Л.* Советская военная хирургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1946; *Вознесенский А.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948; *Кузьмин М.К.* Медики – герои Советского Союза. М., 1942; *Шибков А.А.* Женщины России в медицинской школе и на войне. Л., 1957; *Сатрапинский Ф.В.* Подвиг – героев медиков в годы Великой Отечественной войны. Л., 1961 и др.

9. *Трунов Д.* Комсомол Дагестана в Великой Отечественной войне. Махачкала, 1943; *Асауляк А.А.* Здравоохранение в Ставропольском крае. Ставрополь. 1947; *Огурцов С.И.* Варвары. Ставрополь. 1949; *Мартынов М.* Бершанская Е.Д. – первая женщина командир гвардейского авиаполка // Работница. 1943. № 3. С. 12; *Филонович Ю.* Письма из Ставрополя, Партизанка А. Шилина // Смена. 1943. № 13–14. С. 5–7 и др.

10. *Четина В.И.* Женский труд в колхозном производстве в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. 1953.

11. *Иванов Г.П.* Комсомол Кубани в Великой Отечественной войне (июнь 1941 – май 1945). Краснодар, 1948; *Глухов В.М.* Адыгя в дни Великой Отечественной войны. Майкоп, 1949; *Ковпак Н.И.* Краснодарская партийная организация в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1951; *Чибиров Х.Т.* Северо-Осетинская парторганизация в период

Великой Отечественной войны. Ростов, 1953; Керимов И.К. Дагестан в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала, 1954; Давыдов И.В. Кабардинская партийная организация в период Великой Отечественной войны. Ростов, 1954.

12. Панич Ж. Национализм, война, гендер // Гендерные исследования. М., 1999. № 2.

13. См.: Гугова М.Х. Война глазами женщины в исторической памяти народов Северного Кавказа: постановка проблемы // Народы Юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2012. С. 420–424; Гугова М.Х. Женщина в частной жизни и публичном пространстве в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Гендерное равноправие в России. СПб., 2008. С. 81–84; Гугова М.Х., Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Женское лицо в зеркале войны // Известия КБГУ. Нальчик, 2012. Т. 2. № 2. С. 42–45; Гугова М.Х., Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Женские суеверия и страхи в условиях военной повседневности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, КБНЦ РАН. Нальчик, 2012. № 6. С. 93–97; Гугова М.Х., Текуева М.А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2012. № 46. С. 77–82; Гугова М.Х., Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Стереотипы траурного поведения кавказских женщин в военные годы (1941–1945 гг.) // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой победы): Материалы международной конференции, 12–14 марта 2015. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 200–204.

М.Н. Gugova

WOMEN'S MILITARY DAILY: HISTORY OF STUDY, SOURCES AND METHODS

The article states the problem of studying military history, including a woman in the active field of research, and analyzes the problems of daily life and transformation of traditional mentality of Caucasian women in the extreme conditions of World War II.

Keywords: female military space; female military experience; female military every day; survival strategies; the transformation of ethnic mentality; motherhood.

А.С. Мирзоев

РОЛЬ КАБАРДИНСКОЙ ЛОШАДИ В ЧЕРКЕССКОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена рассмотрению роли лошади в истории черкесов, где образ воина-всадника стал одним из символов их национальной идентичности. Рассмотрены исторические условия зарождения и формирования породы лошадей, ставшей известной с XIX века как кабардинская, современное состояние кабардинского коневодства и его перспективы. В статье делается акцент на исторической и этнологической стороне проблемы.

Ключевые слова: символ всадника-воина, коневодство, панцирная конница.

Кабардинской породе лошадей было посвящено значительное количество научных исследований специалистов разных научных направлений в дореволюционный, советский и современный период. Специалистами в области сельскохозяйственных, биологических наук, истории, этнологии, фольклористике было посвящено много научных трудов данному предмету. Из дореволюционных, советских и современных российских исследователей освещавших данную проблему в своих работах в русле исторической, этнологической науки следует отметить Хан-Гирея¹, И. Мердера², С. Броневского³, Д. Кодзокова⁴, В.П. Пожидаева⁵, В.К. Гарданова⁶, Б.А. Калоева⁷, С.Х. Мафедзева⁸, Б.Х. Бгажнокова⁹, А.С. Марзей¹⁰, Л.Х. Ашибокова¹¹, З.А. Кожева¹².

Народы, стремящиеся обрести свое лицо в мировом сообществе, должны иметь свои национальные символы. У одних они существуют издавна, у других их нет, и они создают их заново, заимствуют или же воскрешают исчезнувшие в прошлом. Например, когда мы говорим Испания – мы вспоминаем корриду, фиесту; Америка – джинсы, ковбоев, кока-колу; Мексика – текилу; Англия – скачки; Шотландия – виски; Бразилия – футбол и т.д. Когда Норвегия получила в начале века (1905 г.) национальную независимость, то перед молодым норвежским государством возникла проблема. У Норвегии как самостоятельного государства не было в прошлом славной политической истории, которой можно было гордиться. Не было у норвежцев никаких особых достижений и в современности, ни в сфере спорта, ни в сфере культуры. Нации были необходимы национальные символы, которые могли стать узнаваемыми, и которым можно было гордиться. Через них норвежцы как народ, и Норвегия как государство, должны были стать известны миру. После того, как выбор был сделан, Норвегия, не жалея никаких затрат, стала серьезно заниматься «покорением» Арктики и Антарктики (Северный и Южный полюсы Земли).

Национальными символами Норвегии стали всемирно известные полярные исследователи Фритьоф Нансен и Руаль Амундсен. Совершенно очевидно, что от «покорения» земель, находящихся за полярным кругом Норвегия никакой материальной отдачи не получила, но она получила другое: весь мир узнал через эти символы страну.

Если говорить о черкесах – народе с древней самобытной культурой и историей, то среди множества национальных адыгских символов выделяется символ воина-всадника. Конь в жизни черкесов играл столь значительную роль, что в метафорическом языке адыгских историко-героических песен спешиться (епсыхын)

означает быть убитым, как и само слово – пеший (лъэс) означает погибшего. О том, на сколько понятия «черкес» и «всадник» стали синонимичны, свидетельствует и то, что когда адыги хотели спросить о внешности человека, они говорили: «Шыфэ лЫфэкІэ сыт хуэдэ?» – «Каков вид коня-седока?». Рыцарей, не ведающих страха, бескомпромиссных в следовании своим идеалам, смело идущих навстречу опасностям – обозначают метафорой – шышхьэмыгъазэ (не поворачивающий в сторону голову коня). О погибших героях говорят «в этот день он спешился», «на конных носилках нашел покой»¹³.

Как образно выразился польский волонтер полковник Теофил Лапинский, принимавший участие в Кавказской войне (1763–1864 гг.) на стороне горцев, лошадь – это другое «я» черкеса¹⁴. Это не просто животное, а верный спутник и друг на пути чести и славы. Адыги даже говорят, что в жилах лошади течет человеческая кровь. Такое отношение становится понятным, если учесть исторические условия существования черкесского этноса, вынужденного постоянно противостоять многочисленным завоевателям-кочевникам, которые подобно морскому прибою волна за волной накатывали на Кавказ.

Являясь древнейшим оседлым земледельческим народом Кавказа, черкесы создали собственную породу лошадей, которая была предназначена для войны и являлась, прежде всего, боевой лошадью. Черкесы, не будучи кочевниками, стали по существу, «конным» народом. Если не каждый черкес, то, как минимум, каждая семья держала несколько голов лошадей. В силу того, что наибольшего развития коневодство получило в Кабарде, выведенная черкесами порода лошадей стала известна в иноязычной среде как «кабардинская», хотя сами они ее называют «адыгэш» – «черкесская лошадь». В период расцвета черкесского коневодства существовало большое число отдельных породных групп, известных по фамилиям разводивших их коннозаводчиков. Это шолох, бечкан, кундет, более поздние лоо, трам, абук, жерешти, есен и многие другие. Наиболее громкой репутацией пользовались лошади шолоховской породной группы. Их выведение фольклорная традиция приписывает старшему князю Кабарды Шолоху Тепсарукову из рода Талостановых (1605–1616 гг.)¹⁵. Лошади шолоховской породы отличались оптимальным сочетанием боевых качеств, необходимых верховой лошади (выносливостью, резвостью, прыгучестью, исключительно крепкими копытами)¹⁶. Фамильное тавро (каб. дамыгъэ) княжеского рода Талостановых было одновременно знаком собственности и играло роль своеобразного свидетельства племенного, чистопородного происхождения. За подделку этого знака знаменитого породного типа могли наказать столь же строго, как за тягчайшие уголовные преступления. Согласно преданиям кабардинцев при жизни создателя этой породной группы князя Шолоха Тепсарукова велся очень жесткий селекционный отбор – количество кобыл этой породы никогда не превышало 200 голов.

В историко-героических песнях адыгов имена знаменитых наездников, часто упоминаются вместе с названиями знаменитых пород лошадей, владельцами которых они были. Лошади этих известных пород делили славу со своими хозяевами. Так, К.Ф. Сталь, перечисляя знаменитых предводителей черкесов во время Кавказской войны, об одном из них сообщает: «Не менее Магомет-Аша (Магомета Атажукина. – А.М.) славился в горах и его бывший конь Трамовского завода»¹⁷. Известный предводитель беглых кабардинцев князь Аслангери Хамурзин был обладателем коня знаменитой шолоховской породы¹⁸.

По свидетельству Т. Лапинского, в середине XIX в., несмотря на то, что численность поголовья лошадей в ходе Кавказской войны резко сократилось, она все равно оставалась довольно значительной. Относительно причерноморских черкесов (шапсуги, абадзехи, натахайцы) он сообщает, что здесь мало семей, которые имеют больше 12–15 лошадей, но зато мало и таких, которые совсем не имеют лошадей. «В общем, можно считать, что в среднем на каждый двор приходится

4 лошади, что составит для всей страны около 200 тысяч. На равнине число лошадей вдвое больше, чем в горах»¹⁹.

У живущих на равнинах и предгорьях темиргоевцев, бесланеевцев и, особенно, кабардинцев, развитие коневодства имело большие масштабы, чем у остальных черкесов. В XVIII – начале XIX вв. кабардинцы, занимавшие равнины и предгорья Центрального Кавказа, держали огромные табуны прекрасных верховых лошадей. В это время из всех северокавказских народов они имели наибольшие мобилизационные возможности и могли выставить самую большую по численности и лучшую по качеству кавалерию. Об ее высоких боевых качествах свидетельствовали многие русские военные, служившие на Кавказе и видевшие непосредственно в деле кабардинскую конницу. Вот как описывал русский военный историк В.А. Потто кабардинское ополчение из числа добровольцев, которое собрали в 1812 г., предполагая использовать в войне с Наполеоном. «Всем были известны превосходные боевые качества этой природной и, без сомнения, лучшей конницы в мире. Глядя на них можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в шашки»²⁰.

Отличительной чертой военной тактики черкесов являлось то, что они при обороне своей территории использовали наступательную тактику. Черкесы редко обороняли свои поселения. При внешней угрозе они заблаговременно эвакуировали свои семьи, имущество и скот в труднодоступные места, в леса и горы. Затем противник, в случае его большого численного превосходства подвергался серии внезапных, стремительных атак, после чего столь же молниеносно происходило отступление, зачастую ложное, призванное заманивать противника в засады. Черкесская конница, в отличие от конницы кочевников, например, монгольской, одинаково уверенно действовала как на равнине, так и в горах. Для такой тактики внезапных нападений и быстрых отходов, были необходимы специально подготовленные лошади. Кабардинская лошадь, удачно сочетавшая в себе выносливость и резвость, идеально была приспособлена к тактике скоротечных набегов. Русский офицер Ф.Ф. Торнау рассказывал о случае времен Кавказской войны, когда князя-абреки Карамурзины во время одного из своих набегов за Кубань в течение осенней ночи за 14 часов проскакали более ста шестидесяти верст. На такое способна была только добрая черкесская лошадь²¹.

Говоря о черкесской лошади, нельзя не сказать о таком традиционном черкесском институте как наездничество или зеклуэ. Зеклуэ – это военный поход за пределы своей Родины за добычей и славой. Чем дальше за пределы родины совершался поход, тем он был престижнее. Отсюда и широкая география походов: Днепр, Волга, Дон, Дунай, Малая и Средняя Азия, Закавказье, о чем свидетельствуют народные предания и исторические источники²². Именно с выведением кабардинской породы лошадей, военные походы приобрели большой размах и именно в этом, на наш взгляд, одна из причин расцвета черкесского наездничества в XV–XVI вв.

Качества, выработанные у кабардинской лошади, определялись целыми комплексами факторов:

- исторические, политические условия существования черкесского этноса: постоянные войны, столкновения с агрессорами (мощными государствами и кочевниками), милитаризованный быт, развитый институт военных походов-набегов;
- круглогодичное табунное содержание и специфические природно-географические, климатические условия. Только на территории исторической Кабарды находится пять природно-климатических поясов. В течение круглого года табуны находились на богатом подножном корме. Зимой и весной они паслись в степной зоне, перемещаясь постепенно в сторону гор, самые жаркие летние месяцы и начало осени лошади содержались на высокогорных альпийских лугах;

– связи с Ближневосточным регионом, откуда ввозились жеребцы благородных арабских, персидских кровей для периодического освежения крови местных пород;

– специальная система содержания, выучки и выездки лошадей.

Все эти факторы обусловили появление «кабардинской» породы лошадей отличающейся рядом таких специфических качеств как выносливость, резвость, смелость, внимательность, чуткость, прыгучесть, поворотливость, послушность, крепкие ноги и копыта и др.

Кабардинская лошадь, по-нашему мнению, сыграла значительную роль, в том, что на этнополитической карте Северного Кавказа появилось такое этно-территориальное образование как Кабарда. После прихода на Северный Кавказ в XII в. монголов, этнополитическая ситуация в регионе резко меняется: аланы и тюрки-кипчаки сходят с исторической арены, а на Центральном Кавказе с XV в. источниками четко фиксируется новое политическое образование – Кабарда, которое очень быстро усиливается, а с начала XVI в. политически доминирует на Северном Кавказе. Возникает вопрос: как оно появилось? Может быть, татары добровольно уступили предгорья и равнины Центрального Кавказа кабардинцам? Сомнительно. Скорее всего, право на эти территории кабардинцы или, как их еще называли пятигорские черкесы, отвоевали силой. При этом чтобы противостоять численно превосходящим кочевникам, у черкесов должна была иметься более боеспособная кавалерия, одинаково приспособленная к сражениям на равнине и в горах. Именно такими необходимыми качествами обладала кабардинская лошадь.

К сожалению, историки почти не располагают источниками периода XII–XIV вв., которые могли бы пролить свет на характер взаимоотношений татаро-монголов и восточных черкесов (кабардинцев) в период господства Золотой Орды. В конце XV в. с распадом Золотой Орды на ряд политических самостоятельных объединений (Крымское, Астраханское, Казанское ханства, Большая Орда, Большой и Малый Ногай, Московское княжество) одновременно на авансцену политической истории выходит и Кабарда. Большинство из этих образований, а также Турция предпринимали неоднократные попытки подчинить Кабарду. При этом пятигорские черкесы вели не только оборонительные войны, но и сами предпринимали активные наступательные действия. Как свидетельствуют источники, Кабарда, наряду с Крымским ханством и Московским княжеством, приняла активное участие в ликвидации самого нежизнеспособного преемника Золотой Орды – Большой Орды. Именно пятигорские черкесы (кабардинцы) нанесли в 1501 г. решающий удар, приведший к исчезновению с политической карты Большой Орды²³. Кроме того, Кабарда умело использовала политические противоречия между ханствами, так и внутри них. Историческая хроника сохранила сведения о том, что в первой половине XVI в. кабардинцы дважды (1532 и в 1547 гг.) захватывали столицу Астраханского ханства и сажали на Астраханский престол своих ставленников ханов Ак-Кубека и Ямгурчи²⁴.

То, что эти ханы, а также многие крымские, ногайские, калмыцкие, дагестанские владельцы находились в династическом (через брак) союзе с кабардинскими удельными князьями, свидетельствует о политическом влиянии, которым пользовались кабардинские князья на Северном Кавказе. Заключенный в свое время (1557 г.) династический брак царя Ивана IV (Грозного) с дочерью владетельного кабардинского князя Темрюка Идарова одной из своих целей, по нашему мнению, имел получение в качестве военной помощи так называемых «панцирников» – кабардинской дворянской конницы. Ее значение и боеспособность определялись не столько количеством, сколько качеством. Помимо прекрасных качеств верховых лошадей, а также боевой, профессиональной подготовки всадников, немаловажное значение имело первоклассное для того времени оборонительное и наступательное оружие кабардинцев. Кабардинские панцири были почти неуязвимы не

только для холодного, но и для существовавшего тогда не нарезного огнестрельного оружия. Даже небольшой конный отряд панцирников представлял в ту эпоху значительную военную единицу.

Высокие воинские качества кабардинской панцирной конницы нашли отражение во многих исторических источниках. Бывший в начале XVIII в. в Кабарде астраханский губернатор Артемий Волинский, сообщил: «Только одно могу похвалить, что все такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двухсот»²⁵.

Действительно в истории Кабарды множество примеров, когда кабардинская конница наносила сокрушительное поражение превосходящей ее в несколько раз по численности крымско-татарскому войску. Самый известный исторический случай – битва 1708 г. при горе Канжал, где 7 тысяч кабардинцев разгромило разным сведениям от 30 до 60 тысяч крымских татар²⁶. Таким образом, в период средневековья и позже, не было никакой тяжелой или легкой кавалерии, способной сразиться с черкесской конницей.

С появлением регулярных армий с новой тактикой и вооружением типа русской армии, когда она начала со времени правления Екатерины II планомерное завоевание Кавказа, роль кавалерии резко упала. Артиллерия и пехотные каре свели на нет возможности черкесской конницы в открытом поле. Но в тактике партизанской войны, скоротечных набегов ее роль во время Кавказской войны оставалась значительной. Именно в это время появился запрет на употребление в пищу конины, ибо черкесы считали, что лошадь наравне с людьми участвует в священной войне-газавате: «Шыр къэзэуатым хэтш».

Таким образом, мы постарались вкратце, насколько это возможно в рамках статьи, показать, какую роль играла кабардинская лошадь в героическом прошлом адыгского народа. Лошадь верно служила черкесам столетиями и, если в их истории есть славные страницы, то в этом и ее заслуга.

С потерей черкесами национальной независимости начался закономерный процесс утери этносом своих национальных атрибутов, символов как материального, так и духовного плана. За периодом расцвета кабардинского коневодства, который падает на XVI–XVIII вв., последовал длительный период упадка и деградации. Кавказская война и разрушение традиционной культуры черкесов поставили породу на грань исчезновения. В годы Кавказской войны черкесское коневодство пережило тяжелейший кризис. Резко сократились пастбищные угодья, сократилось поголовье лошадей, ухудшилось их качество. Чистопородный тип кабардинской лошади стал размываться другими породными элементами. Перспективы сохранения в чистом виде кабардинской породы оказались весьма проблематичны. Только благодаря усилиям отдельных коннозаводчиков ее удалось сохранить²⁷.

Одним из кабардинских коннозаводчиков, проделавших огромную работу по сохранению традиций кабардинского коневодства, был Д.С. Кодзоков (1818–1893 гг.). Благодаря его усилиям на левом берегу Малки был учрежден Кабардинский конный рассадник, трансформировавшийся позднее в Терскую (иначе Ашабовскую) государственную заводскую конюшню²⁸. Правительственные меры и старания энтузиастов постепенно восстановили кабардинское коневодство. Кабарда стала превращаться в основного поставщика верховых лошадей для казачьих войск Северного Кавказа²⁹. Общее конское поголовье Кабарды за последнее десятилетие XIX в. выросло более чем в два с половиной раза и достигло 124 412 (при численности кабардинцев чуть более ста тысяч)³⁰.

Однако события Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей затем Гражданской войны (1918–1921 гг.) вновь нанесли тяжелые потери кабардинскому коневодству. Значительное количество лошадей погибло. Лучший племенной материал кабардинской породы оказался разграбленным и разбросанным по всей стране³¹. С установлением Советской власти новые руководители государства обратили

внимание на необходимость восстановления кабардинской породы. Это было продиктовано потребностями армии в строевых лошадях. Лучшая часть поголовья кабардинских лошадей была собрана в организованные в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии заводы (Малкинский и Мало-Карачаевский). Кратковременный расцвет кабардинского коневодства до Второй мировой войны (1939–1945 гг.) падает на 30-е гг.³²

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) и временная оккупация Кабардино-Балкарии немецкими войсками (август 1942 – 11 января 1943 гг.) нанесли всем отраслям хозяйства республики и особенно коневодству огромный урон. Поголовье лошадей сократилось более чем в два с половиной раза³³. Часть лучших племенных жеребцов была вывезена в Германию. Значительное количество кабардинских лошадей, спасая от разграбления оккупационными войсками, перенесли в Грузию, где они и остались.

В послевоенный период кабардинское коневодство уже не имело былой экономической мотивации, так как Советская армия стала полностью механизированной. Однако оно развивалось по инерции, как элемент национальной культуры и спорта. Благодаря усилиям коневодов – хранителей лучших национальных традиций (Анзор Бирсов, Тяляше Шогенов, Хажмурат Калмыков, Темиркан Шوماхов, Шухайб Баев, Темиркан Вороков, Ибрагим Бацев, Хабиж Кармов, Али Хоконов, Кадыр Балагов и многие др.) кабардинское коневодство сохранилось в послевоенные десятилетия³⁴.

В 90-е гг. XX в. в результате разрушительных реформ, как и другие отрасли народного хозяйства, коневодство пришло в полный упадок. Для Кабардино-Балкарии угроза потери одной из лучших отечественных пород – кабардинской, была реальной. При ликвидации колхозов и совхозов, некоторые недобросовестные руководители стали избавляться от поголовья кабардинских лошадей, распродавая их за бесценок скупщикам или же отправляя на мясокомбинаты. Происходил массовый вывоз из республики поголовья кабардинской породы (по несколько тысяч в год) в другие регионы и за пределы Российской Федерации. Из 21 тысячи голов чистопородных особей в начале 90-х гг. к 1997 г. в Кабардино-Балкарской республике оставалось около 3 тысяч голов кабардинской породы. Государство практически ушло из отрасли, отсутствие в течение многих лет государственных мер по первичному зоотехническому учету, селекционной работы, составлению и учету государственных племенных книг, сокращение и распыление конского поголовья в мелких частных хозяйствах, фактически сделали сохранение породы проблематичным. В условиях фактической смены общественно-экономической формации, форм собственности, ликвидации многих хозяйств речь шла уже не о сохранении достигнутых в предыдущие годы результатов в области коневодства, а о сохранении породы как таковой. Тем не менее, благодаря, отдельным энтузиастам, скупивших в расформированных колхозах и совхозах качественное поголовье лошадей минимальный производящий состав лошадей кабардинской породы (около 3000 голов) был сохранен. К ним относятся коневладельцы КБР: Зекореев Гумар (Зольский р-н, с. Каменомостское), Нахушев Барсуль (Зольский р-н, с. Верхний Куркужин), Мальбахов Ауэс (Баксанский р-н, с. Куба), Зекореев Борис (Зольский р-н, с. Каменомостское), Пшуков Алик (Зольский р-н, с. Приречное), Шогенов Абдулах (Зольский р-н, с. Зольское), Темботов Лостанаш (Баксанский р-н, с. Кызбурун-1), Шаов Аслан (г. Баксан), Хагасов Мурат (Терский р-н, с. Плановское), Гупзежев А.Х. (Лескенский р-н, с. Старый Урух), Шогенов Хасан (Чегемский р-н, с. Чегем-2), Уришев Борис (Зольский р-н, с. Совхозное), Яганов Ибрагим (Чегемский р-н, с. Нартан).

К началу 2000-х гг. положение в отрасли оставалось тяжелым. В начале 2006 г., оценив создавшуюся ситуацию в коневодстве и конном спорте, специалисты и

коннозаводчики были вынуждены обратиться к президенту А.Б. Канокову и правительству Кабардино-Балкарской республики с просьбой принять неотложные меры по возрождению кабардинской породы и конного спорта, после чего был предпринят ряд комплексных мер.

Несмотря на трудности и значительные потери кабардинской породы в перестроечный период, начиная с 2007 г., наметилась определенная тенденция к стабилизации и развитию этой традиционной отрасли народного хозяйства. В настоящее время лошадей кабардинской породы разводят в 4 регионах России и 9 странах Евросоюза, где их высоко ценят за уникальные приспособительные качества к экстремальным условиям окружающей среды, а также за высочайший уровень общей и специальной выносливости. Кабардинские лошади постоянно подтверждают свое лидерство в дистанционных конных пробегах и многодневных переходах³⁵.

Несмотря на серьезные потери в ходе военно-политических и социальных коллизий XIX–XX вв. кабардинская порода сохранилась. По мнению ведущих специалистов страны, есть уверенность в том, что при объединении усилий заводчиков породы, энтузиастов, научных сотрудников и специалистов, меценатов, при весомой поддержке и заинтересованном внимании со стороны руководителей государственной и региональной власти, кабардинская порода вернет свою былую историческую известность и будет иметь спрос не только на территории Российской Федерации, но и в зарубежных странах, покоряя сердца все большего числа любителей и почитателей красоты, выносливости и преданности этих уникальных лошадей³⁶.

Примечания

1. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.
2. Мердер И. Конская торговля в России. С.-Петербург, 1880.
3. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
4. Кодзоков Д. Заметка о кавказском коневодстве // Черкесская лошадь. Коневодство и коннозаводство. Нальчик, 2008. С. 99–106.
5. Пожидаев В.П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925.
6. Гарданов В.К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // УЗ КБНИИ. 1965. Т. 23. С. 78–111.
7. Калоев Б.Д. Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993.
8. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX в. Нальчик, 1991.
9. Бгъэжънокъуэ Бэрэсбиш. Шыр лым и гъуджэщ // Щэнгуазэ. Налшык, 1990. № 1. Июнь. С. 4; № 2. Июль. С. 4–5; № 4. Сентябрь. С. 5; № 5. Сентябрь. С. 5.
10. Марзей А.С. Черкесское наездничество «Зекгуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 2004.
11. Аишбоков Л.Х. Кабардинские аргамаки и современное коневодство. Нальчик, 2008.
12. Кожев З.А. Черкесское (адыгское) коневодство и всадническая традиция // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. XI. С. 3–26.
13. Марзей А.С. Указ. соч. С. 167.
14. Латинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995. С. 56.
15. Налоева Е.Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник. Родословная карта № V. Нальчик: «Печатный двор», 2015.
16. Кожев З.А. Указ. соч. С. 9.
17. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 239.
18. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. С. 198.

19. *Латинский Т. (Тэффик-бей)*. Указ. соч. С. 58.
20. *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 653.
21. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик, 1992. № 3. С. 3–42.
22. *Марзей А.С.* Указ. соч. С. 34.
23. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 71–73.
24. Там же. С. 98–102.
25. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 45–46.
26. Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 21, 22, 23, 218, 220.
27. *Кожев З.А., Мирзоев А.С.* Кабардинская порода лошадей: ретроспектива, современное состояние, перспективы сохранения и развития // Качество, инновации, образование. М., 2016. № 8–10 (135–137) август-октябрь. С. 231.
28. *Кодзоков Д.* Указ. соч. С. 99–105.
29. *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды // Черкесская лошадь. Коневодство и коннозаводство. Нальчик, 2008. С. 247–248.
30. *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С. 155.
31. *Христианович В.П.* Указ. соч. С. 241.
32. *Семенов Х.Б.* Шагди. Нальчик. 1986. С. 24.
33. Там же.
34. *Ашибоков Л.Х.* Указ. соч. С. 47.
35. Там же. С. 48–49.
36. *Калашиников В.В., Ковешников В.С., Амиоков Х.К.* Зоотехнические характеристики лошадей кабардинской породы, внесенных в Дополнение к VII тому Госплемкниги // Государственная книга племенных лошадей кабардинской породы. Дополнение к VII тому. ВНИИ коневодства, 2015. Рязань, 2015. С. 19.

A.S. Mirzoev

THE ROLE OF KABARDIAN HORSE IN CHIRCASSIAN HISTORY

The article is devoted to the role of a horse in the history of circassians, where the image of a warrior-rider became one of the symbols of their national identity. In the article are considered the historical conditions of the origin and formation of the breed of horses that have become known since the XIX century as the kabardian, modern state of kabardian horse-breeding and its prospects. The article focuses on the historical and ethnological aspects of the problem.

Keywords: symbol warrior horseman, horse breeding, horse brigandine.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 008.009.39

Г.Д. Базиева

ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ*

В статье рассматриваются проблемы культурной модернизации в контексте современных тенденций повышения роли этноконфессиональных традиций в процессах формирования национальной самоидентификации.

Ключевые слова: модернизация, трансформация, традиционное искусство, культурное наследие, социокультурное пространство, ислам, Кабардино-Балкария.

Рассматривая современное развитие различных «не-западных» обществ, С. Хантингтон выделил три основных направления модернизации: вестернизация без модернизации, в которой превалирует внешнее, иногда операциональное усвоение западного опыта, что ведет к разрушению собственных культурных традиций, второе направление – это модернизация без вестернизации, так называемая постмодернизация. По этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, которые модернизировались, не теряя своей культурной идентичности. Третья форма развития, по мнению Хантингтона, – догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы (по этой модели развиваются Россия и другие страны). «Экспансия Запада повлекла за собой модернизацию и вестернизацию не-западных обществ. Ответную реакцию политических и интеллектуальных лидеров этих обществ на влияние Запада можно отнести к одному из трех вариантов: отторжение как модернизации, так и вестернизации; принятие и того, и другого с распростертыми объятиями; принятие первого и отторжение второго»¹.

В России ориентация на традиционные ценности (особенно в последние 5–10 лет) усиливается в связи с неустойчивостью западной культурной модели. Процесс модернизации, безусловно, не может рассматриваться как создание некоторого «образца», основанного на тех или иных стандартах других стран. Этот процесс в каждом государстве и регионе носит не только противоречивый характер, но и специфические социальные, экономические и культурные черты. Через выявление основных противоречий можно системно представить общие характерные черты развития социокультурного пространства региона.

Первое противоречие состоит в стремлении сохранить национальную самобытность, с одной стороны, и нивелирующими глобализационными процессами, с другой. *Второе противоречие* связано с конфессиональностью, которая, в отличие от других регионов РФ, на Северном Кавказе в отдельных проявлениях носит более ортодоксальный характер. При этом важно учитывать менталитет мусульманских народов, а также уровень их «вхождения» в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Этнокультурные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции» №16-01-00126.

культурное пространство РФ. Народы Северного Кавказа в силу специфических черт менталитета, связанных как с сильными традиционными институтами, так и с влиянием ислама, отличаются по мироощущению и мирочувствованию от других, даже мусульманских народов, РФ. С чем это связано? Безусловно, здесь сказывается уникальное геополитическое положение, а также особенности духовного и экономического развития региона. Практика последних десятилетий свидетельствует, что «несмотря на интегративные процессы всесторонней модернизации и глобализации, в мире продолжают развиваться центробежные тенденции усиления роли и значения национального (этнического) фактора. Более того, процессы модернизации и глобализации становятся необходимым условием для его проявления»².

Главным постулатом новой парадигмы модернизации является, как отмечает Э.А. Паин, «признание возможностей многообразия моделей исторического развития, обуславливающего различие модернизационных трансформаций в зависимости от стартовых условий, исторического опыта и особенностей культуры разных стран»³. Э. Паин предлагает различать два разных феномена – социально-политический и культурный традиционализм. Последний не только не препятствует развитию модернизационных структур, но и является одним из условий модернизации⁴.

Культурное наследие и современность

Как известно, интерес к этническим ценностям возрастает в переломные исторические эпохи, в момент «переоценки ценностей», когда поток быстро сменяющих друг друга событий сметает в пути все «старое» и отжитое, увлекая новыми направлениями. Таких эпох в истории было немало, и обращение к культурному наследию стало своеобразной устойчивой традицией, насчитывающей уже не одно столетие. Эта традиция характерна и для настоящего периода. Данное явление в какой-то степени закономерно: культурное наследие – целостный социально-культурный феномен со сложными внутренними взаимосвязями и активным взаимодействием с различными сферами социальной практики человека.

В этнической культуре сосредоточен практический, нравственный, эстетический опыт народа, без освоения которого становится невозможным построение плодотворной культурной политики, основной задачей которой является не только воспитание национального самосознания, но и толерантного отношения к культурным ценностям всех народов, проживающих на территории РФ. Целесообразность такого освоения продиктована общественно-исторической природой этнических культур, их «аккумулятивным» характером, способностью сохранять, удерживать в своем содержании общественно значимые достижения социальной практики. Именно в национальной картине мира, по удачному выражению Г.Д. Гачева, отражена «целостность национальной жизни: и природа и стихия, и быт и фольклор, и язык, и образность поэзии, соотношение пространства и времени и их координат: даль, ширь, верх, низ, откос, дорога и т.п. – т.е. выявляется как бы выбор, основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов»⁵.

По сравнению с другими социальными субъектами этнические (национальные) культуры являются основными субъектами культуры человечества. Более того, этническая культура – первый исторический субъект культуры, так как первоначально культура создавалась как культура локальных-традиционных обществ. В дальнейшем появляются различные субкультуры, детерминированные различными условиями жизни, мировоззрением и прочей возникшей в классовом обществе дифференциацией. Интеграционные процессы в социокультурной сфере

должны способствовать не однообразию и нивелированию всех интегрирующихся элементов, а, напротив, росту разнообразия в общей целостности.

«Народы и иные этнические общности в Российской Федерации имеют право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания. Политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях»⁶.

Организация культурной жизни в Кабардино-Балкарии предполагает программное регулирование, координирующее развитие этнических культур всех народов, населяющих республику, с этой целью были открыты национально-культурные центры и объединения, а также разработан ряд законов и программ, способствующих сохранению культурного наследия, активному развитию всех видов творческой деятельности в современный период («Закон о культуре» (1993, 2001), «О народных промыслах» (2001), «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры народов КБР» (2003) и др.).

В современный период вопросы развития этнической культуры начинают связываться с проблемой сохранения национального культурного наследия и художественных традиций. В этой связи начинает активно решаться ряд задач, необходимых для сохранения традиционной культуры, в том числе и наиболее значительных центров национально художественных промыслов, проведение в них комплексных исследований, популяризация высочайшей ценности их искусства. Однако в развитии национального художественного творчества существует ряд актуальных проблем. Например, в настоящий период старые промысловые очаги с богатыми художественными традициями начинают уступать место индивидуальному творчеству, не всегда последовательно развивающему традиционное художественное наследие, акцентируя внимание на стилизации предметов традиционного искусства. Такая разнородность нередко приводит к тому, что понимание культурных и творческих задач промыслов становится достаточно размытым. Между тем, в период значительных социально-культурных изменений и модернизации необходима четкая производственная организация НХП, которая способствовала бы развитию новых граней, нового уровня развития традиционного искусства.

В целях развития народного художественного творчества в 2001 г. в г. Нальчике был открыт Республиканский центр народных художественных промыслов и ремесел. Под эгидой республиканского центра функционируют творческие лаборатории по золотошвейному делу (В. Мастафов), художественной обработке дерева (А. Урусов), холодной ковке металлов (зав. народный мастер России А. Пазов), обработке металлов и ювелирных изделий (зав. Р. Курданов), пошиву национального и сценического костюма (зав. М. Хацукова), историко-этнографической реконструкции снаряжения и вооружения «Путь всадника». Центр курирует также деятельность районных творческих лабораторий («Центр национальных ремесел и досуга» в ДК с. Верхний Баксан Эльбрусского района, лаборатория по производству войлочных шапок и резьбе по дереву в ДК с.Лечинкай Чегемского района, студия народных промыслов «Арджен» по плетению и производству изделий из камыша в Прохладненском районе, студия по производству изделий из шерсти, художественной обработки кости и рога, резьбе по дереву в Черекском районе, изготовление изделий из камыша, художественная обработка металла и дерева в Урванском районе, студия шорно-седельного ремесла, обработка камня, металлов, изготовление изделий из камня, резьба по дереву в Терском районе, кружок «Золотошвейка» в сел. Каменноостское Зольского района и др.).

В работе центра большое внимание уделяется пропаганде традиционного искусства, реализации продукции НХП, привлечению талантов для работы в

сфере традиционных художественных промыслов. В 2016 г. в связи с передачей ряда помещений ЦНХПиР на ул. Кабардинской активизировалась работа центра по популяризации предметов прикладного искусства в качестве сувенирной продукции. Реализация изделий НХП производится как в художественных салонах, так и на специально предназначенных рынках республики. Однако, несмотря на то, что количество художественных салонов возрастает, качество изделий падает. Это проявляется как в использовании синтетических материалов, так и в упрощении стилистических, цветовых и композиционных решений. Выполнение продукции по трафаретным образцам нивелирует традиционное искусство, лишает его продукцию своеобразие. Появляется тенденция к тиражированному производству продукции с национальным колоритом, понимаемом весьма упрощенно (войлочные и керамические изделия с надписями «Кавказ», «Эльбрус», «Нальчик», изображением танцующей пары на фоне гор – стали излюбленным образцом для тиражирования). Традиции народного искусства – знаки и символы художественного мировоззрения народа, приобретающие в современном искусстве важное значение.

Одна из ведущих тенденций советского периода в развитии не только традиционных, но и нетрадиционных видов народного искусства заключалась в создании производственных предприятий (фабрика коврово-художественных изделий «Горянка», Нальчикский завод художественных изделий и др.). Продукция данных предприятий проходила экспертизу, отличалась высоким качеством и долговечностью. В современный период из народных художественных промыслов, развивающихся зачастую в рамках индивидуального предпринимательства, уходит коллективное начало, лежащее в основе его развития.

Социальные и культурные перемены оказались неожиданными для многих художников, мастеров и ремесленников, выявив ряд проблем в развитии НХП: отсутствие единой эффективной системы государственной поддержки народных художественных промыслов на федеральном, региональном и местном уровнях; неразвитость организационной инфраструктуры сбыта изделий народных художественных промыслов на внутреннем и зарубежном рынках; снижение профессионального уровня подготовки кадров и отсутствие эффективной системы переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере народных художественных промыслов и, как результат, сокращение численности профессионалов в отрасли, угроза утраты художественно-стилевых особенностей и традиций.

В ряде субъектов Российской Федерации утверждены региональные целевые программы, направленные на поддержку организаций народных художественных промыслов. В Кабардино-Балкарии на данный момент помощь этой сфере оказывается в рамках РЦП «Развитие культуры в Кабардино-Балкарской республике» на 2013–2018 гг., утвержденной Постановлением Правительства КБР № 14-ПП от 14 января 2013 г.

Проблемы сохранения традиционных художественных промыслов носят межотраслевой, межведомственный и межрегиональный характер и их решение может быть обеспечено только на основе скоординированного сочетания различных источников финансирования и комплексного осуществления мероприятий, реализуемых на федеральном, региональном и местном уровнях власти.

В современный период художественные промыслы заметно изменились по своему характеру, составу мастеров и исполнителей, по уровню и способу производства. НХП становятся предметом творческих экспериментов. Ввиду того, что коллективное начало в развитии традиционного искусства Кабардино-Балкарии практически сведено к минимуму, более активно развиваются не столько народные художественные промыслы, сколько декоративно-прикладное искусство (ДПИ).

В пластичности, вариативности традиционного искусства художники-прикладники видят возможность его трансформации, приспособления к изменениям социокультурного контекста. В ходе исторического развития изменения происходили

всегда и были продиктованы не только внешним воздействием, но и внутренней логикой функционирования и развития типовых элементов. Характер изменений, степень сохранения, трансформации или исчезновения отдельных элементов культуры зависит от многих факторов, в том числе от способности традиционных культур к самосохранению и воспроизводству, а также от общекультурных характеристик.

Традиции народного искусства – знаки и символы художественного мировоззрения народа, приобретающие в современном искусстве важное значение. По мнению Б.Х. Мальбахова, «было бы целесообразно более широкое участие профессиональных художников в развитии ряда традиционных и тем более отсутствовавших у нас видов прикладного искусства»⁷. Разнообразное по образной концепции и стилевым приемам, декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии, в целом, демонстрирует многосторонность творческих исканий. Чувство современности – неотъемлемая часть народного искусства, так как свободный выбор тех или иных традиций определяет большую изменчивость и подвижность. Более того, новое нередко становится традицией, обретая устойчивые формы и каноны. Однако, такая трансформация может происходить только через проверку коллективным опытом, «поскольку народное искусство есть традиция, есть сама преемственность, несущая родовой опыт»⁸.

В настоящий период на Северном Кавказе наблюдается как стремление к активной дифференциации в художественной культуре, так и консолидационные тенденции. Так, вырабатывается единство в орнаментальной культуре, стиле и тематике изделий народных художественных промыслов. Устойчивая определенность, известная простота форм народного творчества обеспечивают доступность и легкость в овладении его содержанием, а также способствует включению личности в творческий процесс. В народном творчестве каждой нации существуют наиболее развитые жанры и формы, в которых сложились наиболее прочные традиции. Неравномерность в развитии жанров народного творчества объясняется особенностями социально-экономического и бытового уклада народа, а также исторически сложившимися тенденциями к определенным формам и жанрам.

«Творческое варьирование – одна из форм проявления народного творчества, основной метод воспроизведения типового образца изделия народного художественного промысла, который предусматривает внесение изменений и дополнений в композиционное, цветовое, орнаментальное, пластическое и иное художественное решение изделия, не приводящих к снижению художественного уровня и качества изготовления изделия народного художественного промысла в сравнении с его типовым образцом»⁹, – отмечается в законе КБР «О народных художественных промыслах».

Стихийность развития художественных процессов в постсоветский период привела к осознанию необходимости формирования культурной политики, призванной направлять, прогнозировать, анализировать проблемы и тенденции, актуальные для сохранения культурного наследия, в целом, и традиционных ремесел, в частности. В современный период как на федеральном, так и на республиканском уровне необходимо разрабатывать новые эффективные механизмы поддержки культуры и искусства, которые должны будут способствовать сохранению и приумножению культурного наследия и развитию профессионального искусства.

Модернизация и религия

В настоящий период не только представители религиозной философии неомизма, теологического экзистенциализма, мусульманского фундаментализма и т.д., но и иррелигиозные философы, в особенности культурологи, нередко

утверждают, что религии принадлежит важная роль в формировании фундаментальных культурных ценностей. Ведь в религиозных учениях заложены основы нравственности, уважения к законам, принципы служения общему благу. «Переживший жестокие гонения в тоталитарном государстве,.. ислам в России возрождается прежде всего как культура и нравственность, как система традиционных семейных и внутриобщинных отношений, основанных на авторитете старших, на высокой морали, оберегающей общество от пьянства, наркомании, от негативных последствий «сексуальной революции» второй половины XX века»¹⁰.

Проблемы религиозного (исламского) возрождения и их влияние на современную этническую картину кавказского региона рассматриваются в исследованиях А.В. Малашенко, М.В. Иордана, С.М. Червонной, И.Л. Бабич, А.А. Ярлыкапова, С.И. Аккиевой¹¹ и др. В данных исследованиях религиозная традиция понимается не только как механизм закрепления и передачи конкретных религиозно-конфессиональных ценностей, но и как способ национальной самоидентификации и социального самовыражения. «Многогранные исследования приводят к выводу, что возрождается не столько мусульманская религиозность, сколько именно мусульманская культурная традиция, которая в самосознании народа часто выступает как национальная культурная традиция, как форма сохранения этнической идентичности»¹².

В национальном самосознании исламская культура, как правило, не противопоставляется народным обычаям, а напротив, служит духовной опорой, путем к нравственному совершенствованию. 14–16 декабря 2007 года в Нальчике состоялась научно-практическая конференция «Ислам в истории и культуре народов Кавказа: традиции и новые пути осмысления», организованная Министерством науки и образования РФ, Кубанским госуниверситетом, Северо-Кавказским исламским университетом им. Абу Ханифа и Кабардино-Балкарским институтом гуманитарных исследований. На конференции поднимался ряд актуальных вопросов, в том числе о перспективах сосуществования различных конфессий в современном поликультурном пространстве РФ. Участники конференции были единодушны в том, что для осуществления позитивных перспектив необходимо создание атмосферы конструктивного диалога во всех сферах духовной культуры.

Особое внимание на конференции было уделено проблемам, связанным с качеством религиозного образования. В 2007 году Кабардино-Балкарский исламский институт изменил свой статус и получил новое название: «Северо-Кавказский исламский университет им. Абу Ханифа». В России в настоящий период шесть таких университетов: в Москве, Казани, Уфе, Махачкале, Нижнем Новгороде и Нальчике. Все остальные исламские учебные заведения являются филиалами данных университетов и должны работать в тесном взаимодействии. Каждый исламский университет в свою очередь прикреплен к светскому учебному заведению, что должно способствовать улучшению качества образования. В ноябре 2007 года в рамках реализации программы по приданию статуса государственных дипломов духовных учебных заведений был подписан договор о сотрудничестве Северо-Кавказского исламского университета с Кубанским госуниверситетом. Такое сотрудничество будет способствовать созданию условий для переподготовки преподавателей православных и исламских учебных заведений с целью получения более углубленного светского образования.

Как справедливо отмечает А.В. Малашенко, исследующий вопросы формирования и развития ислама на Юге России, важным фактором северокавказского социокультурного бытия является «межконфессиональный диалог, который если не предотвращал конфликты, то во всяком случае снижал степень их агрессивности»¹³.

Целью ежегодного международного миротворческого форума «Ислам – религия мира и созидания», проводимого в г. Гудермесе, является активизация деятельности мусульманского сообщества РФ и других государств по противодействию религиозному экстремизму и терроризму, а также по поддержанию усилий органов государственной власти и общественных организаций в проведении политики толерантности и взаимного уважения друг к другу представителей всех народов и конфессий. В числе вопросов, рассматривающихся на форуме, центральное место занимали проблемы религиозной этики, место ислама в формировании современного политического либерализма, перспективы сотрудничества мусульманского духовенства и религиозных организаций других конфессий, исламских общественных и правозащитных организаций с органами государственной власти по противодействию религиозно-политическому экстремизму и терроризму.

По мнению С. Хантингтона, одной из причин подъема религиозного фундаментализма являются процессы чрезмерной модернизации и вестернизации культур. Хотя, как отмечает ученый, «шариат ничего не говорит об изменениях, сопровождающих модернизацию, таких как переход от сельскохозяйственного уклада к индустриальному, от села к городу, от социальной стабильности к социальному изменению; не вмешивается он и в такие области, как всеобщее образование, резкое развитие коммуникаций, новые формы транспорта или здравоохранение»¹⁴.

В рамках научно-практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман (Северный Кавказ, Поволжье)» был издан сборник статей «Ислам и право в России», в котором, в частности, были отмечены расхождения в трактовке религиозных вопросов между новыми мусульманами и ДУМ КБР. «Лидеры молодых мусульман в целях модернизации исламской жизни стали рассматривать кабардинскую и балкарскую культуру как некое культурное пространство, которое требует анализа с точки зрения исламского хадиса о том, что в новую исламскую культуру можно взять только те традиции горцев, которые не противоречат исламу. К этому анализу привлечена местная научная интеллигенция»¹⁵.

В работе научно-практической конференция «Национальная культура и ислам» (29 мая 2008 г.), проведенной в КБИГИ, принимали участие не только ученые, но и духовные лица. Актуальность тематики конференции была связана с проблемой, связанной со степенью и качеством взаимоотношений традиционной и исламской культур. На конференции были приняты рекомендации, в числе которых: необходимость разработки научно обоснованной программы по формированию толерантных взаимоотношений между людьми различных конфессий и самими конфессиями, по гармонизации религиозных и традиционных обрядов. Научная общественность пришла к выводу, что в ходе исторического взаимодействия исламских и национальных традиций, произошел их органический синтез, что определило своеобразие национального мироощущения и мировосприятия, традиций и обычаев, обрядов и ритуалов, нравственных устоев и уклада жизни кабардинцев и балкарцев.

Средства массовой коммуникации КБР освещают, в основном, те или иные позитивные явления в религиозной сфере. «К сожалению, – как отмечает С.И. Аккиева, – в настоящее время на радио не обсуждаются острые вопросы мусульманских общин, проблемы исламского экстремизма. Причина такого положения дел кроется в позиции самого ДУМ, не желающего поднимать сложные вопросы, действуя по принципу «нет вопросов – нет проблем»¹⁶.

В 2011 г. в Нальчике было начато строительство Исламского центра (на средства Фонда поддержки исламской культуры). Отношение населения КБР к

данному факту было неоднозначным (в частности, возникали вопросы: не станет ли светский город наводнен мужчинами «в тюбетейках» и женщинами в хиджабах, не спровоцирует ли деятельность центра появление новой волны исламского экстремизма и др.). По мнению Р. Кучмезова, представителя исламского духовенства КБР, государство обязательно должно контролировать такие крупные конфессии, как мусульманство и православие, и содействовать их развитию, иначе эту нишу займут другие, в том числе и зарубежные фонды и компании. «Учебные заведения должны открывать мы сами, иначе американцы нам наоткрывают школ. Они ведь уже создали концепцию облегченного ислама: намаз пять раз в день делать вовсе не обязательно, можно меньше, а водка и вино – не харам. Не откроем университет мы – откроют они или позовут учиться к себе. А уж чему научат — неизвестно!»¹⁷. В социальных сетях жители г. Нальчика открыто обсуждали данный вопрос. «Какой институт? В нашей республике религия была всегда и всегда наши бабушки молились, но прекрасно обходились без Института, никогда не носили хиджаб, просто повязывали платок и то только после замужества. Бог внутри нас и не надо выставлять это наружу...»¹⁸, негативных реакций на строительство центра было значительно больше, чем толерантных, что объяснялось, с нашей точки зрения тем, что в национальном самосознании мусульман КБР «исламская культура не противопоставлена традиционной, но реализуется не в качестве ортодоксальной догмы, а как духовная и мировоззренческая модель»¹⁹. В результате острой полемики и под влиянием общественности здание Исламского центра в 2015 г. было передано Дворцу детского творчества «Солнечный город».

В настоящий период в республике более 100 мечетей и 10 православных церквей. Широкою просветительскую и издательскую деятельность осуществляет Православная церковь КБР. В храмах Кабардино-Балкарии работают воскресные школы для взрослых и детей. В Соборе Симеона Столпника в Нальчике действует Православный духовно-просветительский центр, главная цель которого – духовно-нравственное воспитание. Несмотря на ряд проблем в сфере религиозного образования, очевидна его важная роль в противодействии экстремизму и мракобесию.

Взросшая потребность в формировании религиозного сознания и исторической памяти обусловлена тем, что трансформационный переход от одной модели общества к другой сопровождается бурными процессами в духовной жизни общества, приводит к существенным изменениям в общественном сознании, в том числе и в исторических, религиозных, морально-ценностных и поведенческих ориентациях. В настоящий период этнические и религиозные традиции понимаются не только как механизм закрепления и передачи конкретных этноконфессиональных ценностей, но и как способ национальной самоидентификации и социального самовыражения.

Примечания

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 35.
2. Киекбаев М.Д. Национальный фактор в условиях современной глобализации // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Оренбург, 2002. С. 218.
3. Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. № 6. 2009. С. 41–42.
4. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003. С. 19.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988. С. 21.
6. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). Статья 20 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870 (Дата обращения: 10.02.2017).

7. Мальбахов Б.Х. Роль профессиональных художников в развитии народного искусства // Материалы творческой конференции к 50-летию Союза художников Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2007. С. 43.
8. Некрасова М.А. Народное искусство как проблема коллективного и индивидуального, традиции и новизны // Проблемы народного искусства. М., 1982. С. 29.
9. Закон КБР «О народных художественных промыслах» от 18 января 2001 // Сборник законов и постановлений (январь – май 2001 года). Нальчик, 2001. С. 174–175.
10. Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Исламский мир в контексте актуальных проблем культурной и этнической антропологии // Ислам в Евразии. Под ред. М.В. Иордана. М., 2001. С. 19.
11. Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001; Ислам в России: современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульм. народов России // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Отв. ред. С.М. Червонная. М., 1997; Ислам в Евразии / Под. ред. М.В. Иордана. М., 2001; Ислам и этническая мобилизация: нац. движения в тюркском мире // Сост. С.М. Червонная. Под ред. М.Н. Губогло. М., 1998; Червонная С.М. Тюркский мир юго-восточной Европы. Крым – Северный Кавказ. Берлин, 2000; Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в Кабардино-Балкарии. М., 2003; Ислам и право в России // Сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. Вып. 1–4. М., 2004; Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарии. М., 2009.
12. Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Исламский мир в контексте актуальных проблем культурной и этнической антропологии // Ислам в Евразии / Под ред. М.В. Иордана. М., 2001. С. 19.
13. Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 34.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... С. 47.
15. Бабич И.Л. Исламские организации и религиозная политика властей // Ислам и право в России. В 4-х вып. М., 2003. Вып. 3. С. 104.
16. Аккиева С. И. Ислам в Кабардино-Балкарии. М., 2009. С. 67.
17. Правильный ислам. В Нальчике откроется Северо-Кавказский исламский университет. URL: <http://smartnews.ru/regions/sevkav/4353.html>копия (Дата обращения: 29.05.2014).
18. Там же.
19. Базиева Г.Д. Национальная культура в сравнительной перспективе // Вопросы культурологии. № 8. 2012. С. 61.

G.D. Bazieva

ETHNIC CULTURES IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION

In article problems of cultural modernization in the context of current trends of increase in a role of ethnoconfessional traditions in the processes of forming of national self-identification are considered.

Keywords: Modernization and transformation, ethnic and religious traditions, traditional art, cultural heritage, social-cultural space, Islam, Kabardino-Balkaria.

Л.Х. Сабанчиева

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье анализируются общественно значимые традиции межличностных отношений в семье у народов Северо-Западного Кавказа, направленные на повышение статуса отца и матери и понижение уровня жестокого обращения в семье. Дано авторское видение гуманизации семейных отношений средствами этнической семейной культуры.

Ключевые слова: этническая семейная культура, статус отца и матери, методы социализации, межличностные семейные отношения, гуманизация семейных отношений.

Исследование семьи и семейных отношений невозможно без выявления специфических элементов традиционной культуры. Замечено, что хотя все социальные институты являются универсальными, являясь характерными для большинства народов, для их бытования существенна и другая сторона – традиционность, обуславливающая их специфичность и самобытность жизни народа¹.

Культура, как известно, не передается от родителей генетически, а приобретает в течение жизни. Семейная культура народов Северного Кавказа издавна базировалась на народных традициях – адатах, а примерно с XVIII в. – и шариате.

Собранные в адатах веками этические нормы в целом очерчивали социокультурное поле базовой личности. Следование этим нормам давало человеку больше шансов достичь жизненного успеха, нежели их нарушение. Непременным качеством зрелой личности считалось его удачное семейное положение и рождение детей. Наличие собственной семьи являлось ключом к социальному успеху. В традиционных обществах статус отца и матери был выше, чем бездетных. Так, например, у адыгов правом голоса на народном собрании – «Хаса» – обладали только главы семейств, по мнению Ю.Ю. Карпова, например, полноправным членом мужского сообщества молодой кабардинец становился после свадьбы². Такого же мнения относительно мужчин традиционного общества придерживался И. Кон³.

Схожими были требования и к базовой личности женщины. Если в молодой семье в течение первых двух лет не было детей, к замужней женщине применяли различные меры по устранению бесплодия, так как она считалась виновной в отсутствии детей. Она охотно применяла все процедуры языческого и исламского характера. Сноха была заинтересована в рождении детей, так как материнство повышало ее статус в семье. Кроме того женщины, будучи замужем и проживая вместе со своими мужьями, находились в наибольшей социальной, психологической и физической безопасности. Такая же безопасность распространялась и на рожденных в браке детей.

Поскольку семья – многослойное образование, отношения в ней в зависимости от типа и состава осуществляются на нескольких уровнях. Поэтому проблема требует системного подхода. В виду этого гуманизация семейных отношений предполагает гармонизацию отношений между всеми членами семьи.

Устойчивость традиционной семьи основывалась на четком распределении ролей в семье⁴. Определяющей областью традиционной семейной культуры народов Северного Кавказа являлась проблема отношения к старшему поколению,

т.е. в большесемейной иерархии воспринимавшихся старшими родителями, поэтому возникновение конфликтов на этом уровне носило наиболее болезненный характер. Эти отношения в семьях народов Северо-Западного Кавказа строились и сейчас в своем большинстве строятся на главном принципе народных традиций – уважении к старшим. В прошлом, независимо от того, проживало ли старшее поколение со своими женатыми и замужними детьми или нет, ему младшее поколение должно было выказывать особое отношение, в некоторых семьях даже пиететное. Одним из инструментов поддержания высокого статуса старших родителей был семейный этикет, изобиловавший «работавшими» на старших нормами различного рода коммуникативных табу (избеганий)⁵.

Сегодня, по нашим наблюдениям, несмотря на нуклеаризацию семьи, еще сохраняющиеся у северокавказских народов довольно крепкие межпоколенные связи, а также соблюдение некоторых элементов коммуникативного табу в семейных отношениях, касающихся как старшего поколения, так и их детей, и внуков, способствуют гуманизации семейных отношений. В большинстве семей принято прислушиваться к мнению старших, культивируется любовь и уважение к ним.

На первый взгляд может показаться, что статус старших родителей у северокавказских народов по-прежнему высок и незыблем. Увы, об обратном свидетельствует появившаяся в последние годы в Северо-Кавказских республиках незначительная прослойка пожилых людей в домах престарелых. Это дает основание утверждать, что возникает не свойственный народам Северо-Западного Кавказа метод решения конфликта между старшим и последующими поколениями и снижении нравственного авторитета старейшины семьи. Другой уровень отношений, являющийся стабилизирующим фактором семьи – это отношения между детьми и их родителями, а также другими взрослыми членами семьи.

В последние годы тема прав детей и подростков, опасности, которой они подвергаются, рост числа преступлений, связанных с детьми, стала предметом внимания общественности и правоохранительных органов.

Наряду с уличными преступлениями и насилием над детьми, которые активно обсуждаются в обществе, растет число латентных преступлений, совершающихся над детьми их самыми близкими родственниками – как правило, родителями. Здесь уместно будет вспомнить об этнопедагогических методах социализации северокавказских народов и ценности детей. В первую очередь, необходимо указать, что у них главной целью брака являлось создание семьи для рождения детей, поэтому культурные механизмы регулирования половых отношений формировались вокруг их репродуктивной функции. Из этого следует, что дети были желанными. Бережное и уважительное отношение к детям было определяющим правилом матери и отца, а также, что важно, и других членов семьи, что значительно влияло на повышение их статуса. Одной из положительных черт традиционного северокавказского общества было отношение к чужим детям. Вокруг не было чужих детей: каждый вправе был оценить поведение ребенка или подростка не только положительно, но и негативно.

Если в прошлом семейные отношения, в том числе и семейное насилие, направленное на детей, регулировались адатом и шариатом, в современном обществе данная проблема имеет достаточное социально-правовое обеспечение. В 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, которая явилась международным правовым актом, провозгласившим права и свободы человека, в том числе право на жизнь без насилия. В 1959 г. ООН приняла Декларацию прав ребенка, объявив, что ребенку принадлежат все права, указанные в Декларации прав человека. В 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила международную Конвенцию о правах ребенка, которая вступила в силу для СССР в 1990 г. Целый ряд статей Конвенции легитимируют специальные меры для признания прав ребенка на здоровое развитие, защиту от разного

рода посягательств, включая жестокое обращение и сексуальное совращение, обеспечение помощи детям, пострадавшим от насилия, в том числе совершенного родителями.

И в российском законодательстве предусмотрены соответствующие статьи, в том числе в Конституции, Семейном кодексе (1995 г.) и Уголовном кодексе (1996 г.), законе «Об образовании» (1992 г.), законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998 г.). За последние годы был принят обширный свод законов, указов президента РФ и постановлений правительства, направленных на обеспечение основных прав детей и женщин (в том числе: Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (изменения от 21 ноября 2011 г., 29 февраля 2012 г.), Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (изменения и дополнения от 30 декабря 2012 г.).

Как видим, правовая база очень обширна. Несмотря на это, кроме правовой защиты современное общество может предложить и много традиционных средств, направленных на гуманизацию семейных отношений и повышение авторитета отца и матери. В этом смысле семейные традиции народов Северо-Западного Кавказа, которые еще существуют в остаточном виде можно укреплять и расширять. Наверное, не случайно, что по статистическим данным среди всех федеральных округов уровень преступлений, связанных с жестоким обращением с детьми в 2010 г. в Северо-Кавказском федеральном округе ниже всего. Для сравнения: в СКФО он равен 1,2 на 100 тыс. населения, тогда как в Сибирском и Дальневосточном округах – 5,2⁶. Правда, здесь на статистику в сторону понижения незначительно могут влиять менталитет северокавказских народов с их сохраняющейся привычкой не обращаться в органы правосудия по проблеме жестокого обращения в семье, и сокрытие преступлений самими органами.

В заключение можно указать, что в целях успешного решения обозначенной проблемы нужно в полную силу использовать профилактический потенциал заинтересованных сторон, скоординированного с общественными и государственными структурами, связанных с защитой прав и интересов всех членов семьи независимо от их пола и возраста. Предпринимаемые меры должны способствовать решению не только бытовых проблем семьи, но и обеспечивать надлежащий досуг и внутрисемейную коммуникацию членов семьи.

Необходимо добиваться того, чтобы специалисты учреждений социальной защиты населения, образования, здравоохранения, отделов опеки и попечительства, органов МВД и сами родители не скрывали случаи жестокого обращения в семье, а выявляли их и работали с ними. Данные меры будут способствовать укреплению семьи и повышению статуса отца и матери, а это – один из факторов устойчивого развития общества.

Примечания

1. *Протопопов С.С.* Отцовство как феномен традиционной культуры якутов: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2008 // URL: <http://pandia.ru/393800/> (Дата обращения: 26.05.2016).

2. *Карпов Ю.Ю.* Джигит и Волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 96.

3. *Кон И.С.* Отцовство как компонент мужской идентичности // <http://www.archipelag.ru/authors/Kon/?library=2737> (Дата обращения: 08.08.2016).

4. *Мафедзев С.Х.* Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1984.
5. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; *Мусукаев А.И., Перицц А.И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992; *Маремшаова И.И.* Менталитет в семейных и общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. Нальчик: Книга, 1999. 236 с.; *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003; *Бгажноков Б.Х.* Семья и традиционный семейный быт адыгов // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 31–110.
6. *Харламов В.С.* Распространенность в России жестокого обращения с детьми в свете криминологии семейных отношений // Евразийский юридический журнал. Уголовное право и криминология. 2012. № 2 (45) // URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=2845:2012-03-15-04-13-53&catid=101:2010-06-03-10-59-29&Itemid=196 (Дата обращения: 21.07.2016).

L.H. Sabanchieva

PROBLEMS OF MODERN TRANSFORMATIONS OF THE FAMILY RELATIONS IN THE NORTH CAUCASUS

The article analyzes public interest tradition of interpersonal relations in the family of the Northwest Caucasus, aimed at improving the status of the father and mother and the lowering of domestic abuse. Given the author's vision of the humanization of family relationships means the family of ethnic culture.

Keywords: ethnic family culture, the status of the father and mother, the methods of socialization, interpersonal family relationships, family relationships humanization.

З.М. Кешева

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КБР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье рассматриваются проблемы развития профессиональной танцевальной культуры народов КБР в конце XX – начале XXI в. на примере ансамбля танца «Кабардинка». Основное внимание автор акцентирует на внутренних факторах, повлиявших на изменения, произошедшие в этой области культуры.

Ключевые слова: танцевальная культура, ансамбль, «Кабардинка», народы КБР; духовная культура.

На рубеже XX–XXI вв. назрела необходимость глубокого научного исследования тех противоречивых художественных процессов, которые сегодня происходят в культуре народов разных регионов страны. Эти процессы в значительной степени влияют на формирование этнических ценностных ориентиров и форм передачи. Актуальность изучения богатейшего и уникального художественного опыта российских народов значительно усиливается в связи с нарастающей глобализацией жизни людей в поликультурной России. Не случайно, что современную историю и культуру наиболее полно характеризует мышление в рамках региональных категорий культуры, истории и национальных традиций, которые оказывают сопротивление глобализации¹.

Проблемы существования традиционных культур российских народов в контексте поисков современной этнической и общероссийской идентичности относятся к числу наиболее острых и современных. Поскольку искусство является одним из проявлений самосознания народа, то его значимость в формировании современной рациональной культурной коммуникации представляется чрезвычайно важной. В этом отношении профессиональная танцевальная культура народов Кабардино-Балкарии является весьма репрезентативной.

Предметом исследования данной статьи является анализ развития профессиональной танцевальной культуры народов КБР с историко-этнологической точки зрения на примере Государственного ансамбля танца «Кабардинка». Периоды развития ансамбля во второй половине XX – начале XXI в. можно четко разделить на так называемые «Ульбашевский» – 1961–1989 гг., «Думанишевский» – 1991–1998 гг. и «Атабиевский» – 1998–2000-е гг.

К началу 90-х гг. XX в. Государственный ансамбль танца «Кабардинка» являлся прославленным коллективом, который побывал в 56 странах Азии, Европы, Австралии, Африки, Латинской Америки, стал лауреатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957 г.), а также всесоюзных конкурсов и фестивалей. «Кабардинка» имела множество дипломов и два Ордена Независимости 1 степени Иорданского Хашимитского Королевства (1981, 1985 гг.). Однако в творческом плане ансамбль перестал развиваться и переживал некоторый кризис.

В середине 80-х гг. XX в. в стране и в республике стали происходить значительные социально-политические и культурные перемены, которые требовали и внутри ансамблевых реформ. На фоне роста национального самосознания и стремления наций к возрождению своей самобытности, «Кабардинка» конца 80-х гг. была хоть и высокопрофессиональным, но обезличенным коллективом,

стояла в ряду многих похожих друг на друга танцевальных коллективов Северного Кавказа. Это касалось и костюмов, и музыки, и характера исполняемых танцев. В постановках ансамбля почти не ощущалось глубокое фольклорное начало.

В кризисный период, в 1991 г. главным балетмейстером «Кабардинки» был назначен Ауладин Думанишев. Ему сразу пришлось заняться кадровыми вопросами, искать и привлекать к работе молодых талантливых исполнителей, танцоров, артистов балета, профессиональных музыкантов для оркестровой группы ансамбля, обновлять фольклорный материал, вернуть «Кабардинке» самобытность, её подлинно адыгское «лицо»².

По мнению А. Думанишева, у одних народов в культуре преобладает музыка, у некоторых доминирует вокал, у третьих – хореография. У адыгов – триединство музыки, танцев и песни, соединение, сплав, созвучие и гармония этих трех составляющих народной культуры. Творчество нового художественного руководителя было направлено на воссоединение этого триединства, отражающего дух народа.

Думанишев отмечал: «Мы пытаемся «очистить» музыку и наши танцы от чуждых элементов. Кадры мы выбрали именно с требованием, чтобы они могли играть на сугубо национальных музыкальных инструментах, ибо музыка первична. Если она не дает почувствовать характер танца, то его невозможно поставить»³. У Думанишева музыка не была простым сопровождением к танцу, она несла в себе мощный семантический заряд, отражала философию адыгского танца, где каждое движение, каждый взмах руки, легкий поворот головы имел особое значение, нес на себе особую смысловую нагрузку. Значительная работа была проделана в плане исследования музыкального фольклора адыгов. Идеи черпались в «Народных песнях и инструментальных наигрышах адыгов», издании, которое долгие годы было не востребовано хореографами-постановщиками.

До периода демократизации советского, затем российского общества сложилась своеобразная система, которая запрещала так называемую аристократическую, дворянскую культуру. Дело было скорее не в высоком происхождении, а особом образе жизни и поведенческих норм адыгов, находивших отражение в аристократическом княжеском духе адыгского танца, который возродил А. Думанишев, при активном творческом участии единомышленников. Увлеченность историей, этнографией и искусством народа передалась всему коллективу, который воспитывался на лучших народных традициях.

С приходом Думанишева в «Кабардинке» появилась инструментальная группа. В нее входили аккордеон, национальная гармоника, кларнет, гобой, шикапшина, апашина, пшинакаб, ударные – доул, трещотка и т.д. Таким образом, помимо эстетической с точки зрения звучания музыки функции, проводилась работа по возвращению в активную творческую жизнь аутентичных инструментов. Каждый извлекаемый на них звук имел огромное значение, так как вносил свою краску в многоцветную палитру «симфонического» звучания. Музыкальный руководитель З. Хапажев провел большую работу по подбору, и аранжировке танцевальных мелодий, произведений современных адыгских композиторов. В игре оркестра стало преобладать полифоническое начало, характерное для адыгской народной вокально-инструментальной музыки. Расширилась и амплитуда используемого музыкального материала⁴.

Огромное значение Думанишев придавал и внешней составляющей. Для новой программы известный адыгский художник Р. Цримов создал эскизы костюмов на основе обширного исторического материала, костюмы воссоздавались по картинам, ни одна деталь не должна была быть упущена из внимания, т.к. малейшее отклонение могло нарушить целостную полифоническую картину восприятия танца, изменить его конкретно исторический контекст. Костюм, являясь ценным этнографическим источником, должен был соответствовать эпохе и характеру

танца. По традиции, благодаря содействию Ю. Темирканова, костюмы были сшиты в Мариинском театре Санкт-Петербурга⁵.

Премьера новой программы ансамбля «Кабардинка» состоялась 14 августа 1993 г. Она явилась результатом кропотливой творческой работы всего коллектива и произвела фурор среди истинных ценителей этнической культуры. Зрителям была представлена полностью обновленная, тщательно отрепетированная программа. Она воспринималась не как набор танцев, которые шли друг за другом. Уровень представления программы был гораздо выше, танцы были объединены в целостное действо, в котором не было мелочей. Режиссерами танцевального спектакля были знаменитые адыгские театральные деятели и режиссеры Р. Фиров и М. Кубатиев.

Согласно общепринятой традиции танцевальные концерты всегда начинались с «Массового исламаея», однако и в этом вопросе «Кабардинка» Думанишева пошла нестандартным путем. Концерт начинался культовым адыгским танцем «Кафа», который состоял из двух частей: Классической кафы и Дворянской кафы (солисты Ф. Кудасева и А. Битоков). Это тоже было новшеством. До этого момента в «Кафу» механически вставлялся сольный кусок.

В до перестроечный период само словосочетание «Дворянская кафа» было невообразимо. Танец с таким названием не мог существовать в пролетарской культуре. Регенерированная кафа в постановке А. Думанишева была проникнута духом аристократизма, полна внутренней силы и гармонии, несла в себе мощный эстетический и энергетический заряд. Суть состояла не в безупречной чистоте линий и слаженных движениях (казалось, что танцоры даже дышат одновременно). Коллектив смог донести до зрителя главное – внутреннюю красоту сложнейшего в исполнении танца. Кафу не берется ставить ни один танцевальный коллектив, имея в своем репертуаре танцы разных народов Кавказа. При всей своей кажущейся простоте, кафа заставляет исполнителя на протяжении всего танца быть в напряжении.

Согласно легенде, впервые увидев море, адыги были настолько очарованы зрелищем прилива и отлива, что создали танец, в котором движения танцоров имитировали игру волн, бьющихся о скалу. Скала символизировала мужскую силу и постоянство, а в ласковой волне люди видели женское начало. С тех пор в кафе исполнители то движутся навстречу друг другу, то расходятся. Интересной находкой явилось появление солистки на пхъа вакъа. Этот этнографический элемент в кабардинской профессиональной хореографии был применен впервые. Девушки высшего сословия в праздничные дни надевали так называемые высокие ходули, украшенные серебряными накладками и обшитые бархатом. В период постановки «Уоркъ къафэ» Думанишев нашел в архиве КБИГИ словесное описание танца и обнаружил, что у каждого рода были свои особые музыка и танец, передававшиеся из поколения в поколение (например, «Къуэшырокъуэхэ я къафэ» – кафа Кашироковых, «Атажыкъуэхэ я къафэ» – кафа Атажукиных и т.д.). Элементом, берущим начало в древних ритуальных плясках с песнопениями, явилось голосовое сопровождение танца, исполнявшееся всеми артистами ансамбля, привнесло дополнительную патриархальность и архаичность в цветовую палитру «Уоркъ къафэ». Многоголосие и полифоничность музыкального сопровождения, полного разнообразных украшений и мелизмов, создавало впечатление торжественности. Темп кафы был подчеркнут медленным и позволял ощутить все полнозвучие мелодических переливов и многовариантность повторов.

В 1992 г. ансамбль «Кабардинка» по приглашению «Адыгъэ хасэ» побывал с гастролями в Турции. В поездке был рожден замысел постановки Убыхского танца («Убых Лъапэрышэ»), элементы которого были сохранены представителями черкесской диаспоры Турции. На премьерном показе программы летом 1993 г. «Убыхский танец» пользовался наибольшим успехом. Удачным приемом являлось применение деревянных брусочков, которые подстукивали в зеркальном пунктирном ритме.

«На фоне различных адыгских языческих символов разворачивалось красочное зрелище. Оно необычно и отличалось своеобразием древнего адыгского быта»⁶. В ансамбле было несколько танцоров, обладавших сильными голосовыми данными. Их унисонное пение широко использовалось для придания дополнительной красочности музыкального сопровождения «Убыхского танца». Иногда в кульминационные моменты музыкальное сопровождение вовсе замолкало и оставался только острый ритм стучащего дерева или мужское голосовое сопровождение. Эти элементы, привнесенные в танец, помогали ощутить на уровне подсознания невидимую нить, соединявшую современных адыгов с искусством и культурой предков.

Интересны замысел и постановка танцев «Гуащэ Иэсэ» («Прием молодых дворянок у княгини») и «Гуащэ гьасэ» («Обучение молодых девушек шитью и этикету») в исполнении женской группы ансамбля. В некоторых танцевальных коллективах девичьи танцы рассматриваются как своеобразная пауза, дающая возможность мужской группе, испытывающей, как правило, большие физические нагрузки, чем женская группа, отдохнуть. Внимание зрителя во время лирических девичьих танцев ослаблено. Картинки адыгского этикета «Гуащэ гьасэ» (солистка А. Шортанова) и «Гуащэ Иэсэ» с самого начала вызывали интерес и смотрелись на едином дыхании, несмотря на отсутствие головокружительных трюков. В этих хореографических, театрализованных постановках ощущалось глубокое эстетическое, нравственное начало и выраженная адыгская этнопринадлежность. Атрибут старинного быта пхъа вакъа и адыгские трещотки (пхъацIыч) были удачно вплетены в танец и обыграны.

Присутствовал в новой программе и компонент классического балета. Выпукло и образно были сыграны характеры в миниатюре «Адиюх» по мотивам известной народной песни (балетмейстер-постановщик Р. Пачев, солисты: Ф. Кудиева и Т. Шабатуков). До Думанишева в программах национальных хореографических коллективов подобные постановки не осуществлялись.

«Танец моздокских кабардинцев» отличался динамизмом и красочностью, «Удж-хэш» – слаженностью движений и колоритным мужским кварто-квинтовым ежью. Бжедугский исламей – отточенностью пластики солистов М. Ягановой и Р. Ашинова. Кабардинский исламей и Гилякстанский пляс – технической сложностью исполнения.

Самым впечатляющим и образным танцем, венчавшим программу был «Созереш» – композиция по мотивам фольклора адыгов. Начавшись с языческого ритуала поклонения богу солнца Созерешу, танец вылился в большой общеадыгский джэгу, где был представлен каждый адыгский субэтнос. Присутствие в танце жреца, распорядителя игр, распорядителя танцев со всеми подобающими традиционными атрибутами создавало ощущение реальности происходившего действа.

В музыкальном сопровождении к танцам было много находок, ранее не использовавшихся. Например, созданная в 30-е гг. XX в. популярная «Колхозная кафа» Арсения Аврамова стала основой музыкального сопровождения танцевальной картины «У родника». «Избрав для музыкального вступления к композиции «Созереш» отрывок из увертюры Х. Карданова «В родном краю» ансамбль сделал удачный выбор. Это произведение, ранее исполнявшееся только симфоническим оркестром, предстало в новых национальных красках. Как известно, музыкально-танцевальный быт моздокских кабардинцев претерпел влияние соседних народов – ингушей и осетин. Этот своеобразный симбиоз кабардинской кантиленной мелодии с синкопированными ритмами ингушской музыки был отражен в аранжировке «Танца Моздокских кабардинцев»⁷.

Новая программа «Кабардинки» по мнению многих специалистов вобрала в себя дух адыгского народа, своеобразный музыкально-поэтический, хореографический мир. Композитор А. Дауров образно назвал ее «симфонией адыгского танца, освобожденного от эклектичности. Словно стряхнули пыль с яркого художественного полотна, и оно засияло своими волшебными красками»⁸.

Признанием заслуг коллектива явилось присвоение ему звания «академический» в 1994 г. «Кабардинка» первой среди северокавказских коллективов была удостоена почетной награды. М. Яганова и Р. Ашинов получили звание народных артистов Адыгеи, а Ф. Кудиева и А. Битоков – народных артистов КБР.

Ансамблю было предоставлено новое помещение для репетиций – Курзал, с большой сценой, костюмерными, удобными комнатами для переодевания. Конечно, для полного комфорта не хватало душевых, так необходимых после изматывающих репетиций, но после неприспособленного тесного помещения на ул. Кабардинской, которое долгие годы служило «Кабардинке» репетиционной базой, Курзал стал существенным улучшением «жилищных условий» ансамбля.

Помимо репетиционной и концертной деятельности ансамбль в 90-е годы совершил ряд зарубежных гастролей в Бельгию, Голландию, Турцию, Сирию, Иорданию.

Следует отметить, что новую программу «Кабардинки» приняли не все зрители и специалисты. Многим она показалась скучной, танцы чрезмерно затянутыми и чинными, лишенными привычной зрителю живости. Проявлялись претензии к костюмам и танцевальной атрибутике. Часть зрителей, привыкшая к более свободным, быстрым танцам, с непременными выкриками танцующих и головокружительными кульбитами, не поняла и не приняла новую концепцию подхода к народной хореографии.

Деятельность «Кабардинки» Думанишева, на чей-то взгляд про- националистическая, была направлена на привлечение внимания к проблеме самосохранения и этнической самоидентификации кабардинского народа как части адыгского сообщества посредством культурного возрождения.

12 сентября 1998 г. было принято постановление Правительства КБР № 454 «О реформировании деятельности учреждений искусства и культуры»⁹. В 1998 г. в КБР функционировало 14 профессиональных творческих коллективов, но после финансового кризиса в августе 1998 г. было решено, что бюджет не позволяет содержать на балансе такое количество профессиональных коллективов в небольшой республике. Действительно, культура нуждалась в реформировании, но тщательно продуманном, взвешенном, так как во всех коллективах, подлежавших расформированию, сложился свой микроклимат, внутренний мир, устоявшиеся отношения, определены приоритеты. Тем более, что проблема касалась людей творческих, с обостренным чувством восприятия. Для них механическое присоединение к чужим коллективам со своими внутренними особенностями и, возможно, иным видением искусства, создавшаяся ситуация была весьма болезненной и травматичной. Вследствие постановления в КБР осталось 9 профессиональных творческих коллективов. Работники муниципального ансамбля танца «Кавказ» присоединялись к ГААТ «Кабардинка», с назначением нового художественного руководителя И. Атабиева, ранее возглавлявшего муниципальный ансамбль народного танца «Кавказ». Несколько работников «Кабардинки» уволились по собственному желанию и среди них А. Думанишев.

Муниципальный ансамбль народного танца «Кавказ» был создан в июне 1991 г. Его основной костяк составили танцоры, ушедшие из ансамбля «Кабардинка», не согласные с постановочной и идейной концепцией А. Думанишева. Если у Думанишева основной целью являлось исследование и проникновение вглубь адыгского хореографического искусства, то «Кавказ» ставил своей задачей консолидацию творчества различных горских народов Кавказа, соответственно и состав ансамбля был интернациональным.

Художественный руководитель и постановщик танцев И.Х. Атабиев в свое время он закончил Культпросветучилище и с 1980 года работал в ансамбле «Кабардинка», с большим успехом исполнял сложный танец с кинжалами. В 1986 г. Атабиеву было присвоено звание Заслуженного артиста КБАССР¹⁰. В 1988 г. поступил в ГИТИС на режиссерско-балетмейстерский факультет. С 1989

по 1991 г. являлся художественным руководителем ансамбля «Кабардинка», затем возглавил ансамбль «Дружба» при Москонцерте. С 1992 г. – руководитель ансамбля танца «Кавказ». Премьерный показ программы ансамбля состоялся 26 февраля 1993 г. и был признан успешным. Бывшие работники ансамбля «Кабардинка», отработавшие по 9, 10, 13 лет наряду с молодыми начинающими танцорами представили насыщенную, разнообразную программу. Название ансамбля «Кавказ» полностью соответствовало содержанию представленного действия. Коллективу удалось показать национальный колорит каждого народного танца. Коллектив занял свою нишу в многоцветной палитре хореографических коллективов республики. За период своего существования до присоединения в 1998 г. к ГААТ «Кабардинка» «Кавказ» получил престижную награду «Крылатый Альп», побывал с гастрольями в Сингапуре, США, Испании, Турции¹¹.

В результате аттестации, проведенной в «Кабардинке» в июле 1999 г., из ансамбля приказом художественного руководителя И. Атабиева «в связи с обнаруженным несоответствием выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации» были уволены 10 артистов балета¹². Хотя Положение о проведении аттестации, утвержденное Министерством культуры КБР от 10 июля 1999 г., т.е. за несколько дней до аттестации, предусматривало, что сроки, график проведения, состав аттестации комиссий должен доводиться до работников не позднее, чем за 2 недели до начала аттестации. В данном случае эти условия выполнены не были. Члены профкома К. Балкаров и З. Хурзокова были уволены без согласия рескома профсоюза работников культуры¹³. Несколько уволенных работников обратились в Нальчикский городской суд, и начался длительный судебный марафон. Данное дело рассматривалось также в Верховном Суде КБР, Президиуме Верховного суда КБР. Судебная коллегия Верховного суда РФ определила, что в ансамбле фактически имело место сокращение штатов на основании Постановления правительства КБР «О реформировании деятельности учреждений искусства и культуры» и что данное дело нуждается в пересмотре. В итоге все точки были расставлены лишь в 2002 г. По решению суда все незаконно уволенные работники ансамбля подлежали восстановлению с выплатой зарплаты за вынужденный прогул.

Эти события были далеки от творческих проблем, а у «Кабардинки» их было немало. В краткие сроки новому руководителю И. Атабиеву нужно было организовать работу во вновь созданном коллективе. Основной костяк ансамбля составили танцоры бывшего «Кавказа», их было преобладающее большинство. Естественно, у нового руководителя было свое видение танцевальной культуры, своя концепция, которая явилась продолжением того, что было наработано в прежние годы «Кавказом». И. Атабиев, долгие годы проработавший танцовщиком под началом М. Ульбашева, а потом, на короткий период до назначения А. Думанишева, сменивший его на посту руководителя, являлся последователем устоявшейся хореографической школы.

Коллективом была проделана большая работа, поставлена новая программа, которая, исходя из названий танцев, была составлена, как и у Думанишева, из кабардинских, адыгских танцев. Презентация новой программы ГААТ «Кабардинка» состоялась 20 декабря 2001 г. и вызвала разноречивые мнения. М. Ульбашев, художественный руководитель государственного фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария» оценил хорошую сценическую культуру и дисциплину. Понравился ему и подбор танцоров. К. Балкаров, бывший танцор «Кабардинки» отметил, что ансамбль утратил свое лицо, а новая программа почти целиком составлена из элементов, заимствованных у других танцевальных коллективов. Специфика же «Кабардинки», по его мнению, требовала самостоятельных находок. Если у Ульбашева был свой колорит, а у Думанишева – театральность, Атабиеву еще предстоял поиск своего стиля. Балетмейстеру Л. Нагудовой, бывшей танцовщице «Кабардинки», напротив, очень понравилась насыщенная интересная программа, красивые рисунки танцев «Удж-хэш», «Удж»

и хореографической композиции «Сказание о Щолэхъу». В резкой форме высказался о новой программе «Кабардинки» доктор исторических наук Б. Бгажноков. Он отметил «полное искажение идеологии и этикета адыгского танца, снижение творческого уровня по всем параметрам. Это касается и костюмов, и хореографии, и особенно музыки, которая является синтезом популярных, поверхностных общекавказских мелодий»¹⁴.

В период 2000–2010-х гг. ГААТ «Кабардинка» продолжает активную творческую и репетиционную деятельность, однако с эстетической и этнографической точки зрения коллектив практически перестал развиваться. В 2010-х гг. «Кабардинка» не показывает новых интересных аутентичных постановок.

По общепринятой традиции, от которой в свое время отказался Думанишев, концерт «Кабардинки» образца 2010-х гг. начинается с «Приветственного ислама». Постановка тоже вполне традиционная, тем более удивительно, что на сцене коллектив смотрится не вполне академично, хотя носит высокое звание «Государственный академический ансамбль танца», которым, как указано ранее, коллектив был удостоен при Думанишеве. Музыкальное сопровождение утратило индивидуальность. У Думанишева музыке была свойственна трансцендентальность, она выходила за рамки простого сопровождения танцам, выполняя порой ведущую функцию. Атабиев относится к музыкальному сопровождению стереотипно, так, как это принято в основной массе северокавказских хореографических коллективов. Музыкальное оформление часто состоит из реминисценций и стилизаций, в нем не ощущается когерентность с глубинными пластами народной музыки.

В «Танце с кинжалами» (солист М. Увижев) не наблюдается интересных находок, но исполнение профессиональное и качественное. Музыкальное сопровождение не отлаженное, не слышно других инструментов кроме гармоник и ударных. В «Кафе» стилистика выдержана, но темп исполнения несколько ускорен, музыкальное сопровождение слишком прямолинейное, давящее, плоское, нет того эффекта многомерности, симфоничности звучания, как в Думанишевской «Кабардинке».

В кабардинском народном круговом танце «Удж хешт» большие сомнения вызывает внешний вид танцоров. Из-под черески видна нижняя рубашка, и если это замысел постановщика, то вряд ли он правомерен. В «Танце причерноморских адыгов» применяется синкопированный ритм, есть дух и настрой, но большим недостатком является то, что даже 8 человек не держат линию, исполнение несколько небрежное, музыкальное сопровождение слишком прямолинейное, давящее.

Хореографическая картинка «Отверженные» по повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» (солисты – С. и А. Гучаевы, А. Кануков) исполнена профессионально, хорошо выставлен свет, органично звучит скрипка. «Танец моздокских кабардинцев» исполняют 4 пары. В Думанишевском варианте было 6 пар, что выглядело более логично. Много молодежи, но она несколько «разнокалиберная», не «станцованная». Танец очень техничный, но некоторые танцоры откровенно не дотягивают, присутствует несогласованность в действиях.

Шуточная картина «Свидание», «Танец дагестанских девушек», хореографическая композиция «Старый горский обычай» – это вполне узнаваемые, традиционные танцы с одним и тем же сюжетом, но под разными названиями, как и у многих кавказских коллективов.

В целом, следует отметить, что постановщиками, хореографами, музыкантами и танцорами современной «Кабардинки» осуществляется большая профессиональная работа. Это тяжелый труд, который плохо оплачивается, поэтому люди вынуждены работать в нескольких местах, чтобы поддерживать достойное существование. Но, тем не менее, прославленный коллектив, имеющий за плечами многолетнюю историю и опыт, должен поддерживать высокий уровень. Общим замечанием к программе современной «Кабардинки» является то, что в ряде

моментов создается впечатление небрежности исполнения, это очень заметно, когда ансамблю нужно показать синхронную линию.

Таким образом, проанализировав профессиональную танцевальную культуру народов Кабардино-Балкарии в конце XX – начале XXI в. на примере ансамбля «Кабардинка» можно сделать вывод о том, что эта область культуры развивалась неравномерно. В начале 1990-х гг. был сделан качественный скачок, поменялось отношение к танцевальному материалу, стали исследоваться глубинные этнические пласты, которые затем находили претворение в сценических постановках, но в дальнейшем, творческие поиски были прекращены, и профессиональная танцевальная культура КБР стала практически схожей в целом с северокавказской.

Примечания

1. Кешева З.М., Ошроев Р.Г. Проблемы локального социокультурного общества в условиях глобализации // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье : коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России, 2–5 июля 2015 года / Под. ред. В.В. Карлова, Е.А. Окладниковой. М.–Берлин, 2016. С. 72.
2. Печонов В. Кабардинка – наша гордость и краса // Кабардино-Балкарская правда. 1997. 12 июня.
3. Там же.
4. Дауров А. Симфония адыгского танца // Кабардино-Балкарская правда. 1994. 16 августа.
5. Кешева З.М. Танцевальная культура кабардинцев как источник формирования современного этнокультурного бренда // Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред. В.К. Мальковой и В.А. Тишкова. М., 2010. С. 169.
6. Дауров А. Симфония адыгского танца//Кабардино-Балкарская правда. 1994. 16 августа.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Постановление Правительства КБР № 454 // Кабардино-Балкарская правда. 1998. 13 сентября.
11. Аппаева Ж. За каждым номером – овации // Кабардино-Балкарская правда. 2000. 29 апреля.
12. Там же.
13. Гусейнов О. «Кабардинка»: конфликт не исчерпан // Газета Юга. 2000. 31 августа.
14. Там же.
15. «Кабардинка»: аплодировали не все // Газета Юга. 2001. 27 декабря.

Z.M. Kesheva

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL DANCE CULTURE OF THE PEOPLE OF THE CBD IN THE LATE XX - BEGINNING OF XXI CENTURY

The article deals with the problems of development of professional dance culture of the peoples of the CBD at the end of XX – beginning of XXI century. the example of «Kabardinka» Dance Ensemble. The focus of the author focuses on internal factors affecting the changes in the field of culture.

Keywords: dance culture, the ensemble, “Kabardinka” KBR nations; spiritual culture.

УДК 811.352.5

Р.Х. Дзуганова

СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА БЕСПРЕВЕРБНЫХ МОДЕЛЕЙ С СУФФИКСОМ *-kI* В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлена словоизменительная парадигма суффиксальных глаголов, выступающих без преверба с суффиксом *-kI*. Обнаружено, что в них суффикс *-kI* выполняет роль локального преверба, регулируя тем самым появление косвенного объекта, показателем которого является префикс *йэ-(e-)*. Наблюдается также семантическая специализация переходных и непереходных глаголов рассматриваемого ряда.

Ключевые слова: направительные суффиксы, локальные превербы, словообразовательные модели, косвенный объект.

В системе глагола кабардино-черкесского языка встречается ряд беспрефиксальных моделей, строящихся при помощи направительных суффиксов *-kI*, *-x*, *-lI*, *-жъэ*. Данная группа суффиксов по своему значению часто сопоставима с локальными превербами¹. Она объединена общим грамматическим значением: связью с косвенным объектом, показателем которого является префикс *йэ-(e-)*. Относительно последнего среди специалистов-адыгovedов нет единого мнения². По роли данного аффикса анализируемые глаголы с направительными суффиксами можно разделить на две группы.

Первая группа включает беспрефиксальные глаголы с направительными суффиксами *-kI*, *-x*, *-lI*, где появление того или иного суффикса сопровождается увеличением количества лиц в глаголе на одно – лицо косвенного объекта, показателем которого и выступает в них префикс *йэ-(e-)*.

С другой группой глаголов дело обстоит несколько иначе. Сюда входят модели, включающие направительный суффикс *-жъэ*. Последние, как правило, содержат *йэ-(e-)*, однако производный глагол не имеет косвенного объекта³.

В данной статье мы рассмотрим особенности словоизменительной парадигмы сложных глаголов, содержащих направительный суффикс *-kI*, поскольку именно они представляют собой наиболее продуктивный тип моделей.

Беспревербные модели, включающие суффикс *-kI*, отличаются своеобразием в функциональном плане. Семантический диапазон суффикса *-kI* в исследуемых моделях довольно разнообразен. Это направления «вокруг», «в сторону», «назад», «около», «вдоль» и др.

Как было отмечено, с помощью суффикса *-kI* безобъектные (одноличные) непереходные глаголы преобразовываются в объектные (двухличные) непереходные глаголы. Ср.: *ар ма-жэ* «он бежит» (одноличный непереходный глагол) и *ар абы йо-жэ-kI* «он обегает его» (двухличный непереходный глагол).

Ярко проявляется такая лексико-грамматическая особенность данных глаголов, как тесная связь переходных глаголов с пространственным различительным признаком «вокруг», что означает полный охват объекта признаком, заключенным в глагольной основе. Так, включаясь в состав объектных (двухличных) переходных глаголов со значением «вокруг», суффикс *-kI* влияет на увеличение

количества лиц в глаголе: последние становятся трехличными. Ср., например: *сэ ар сонхэ* «я застегиваю то» (двухличный переходный глагол), *сэ ар абы изонхэкI* «я застегиваю то вокруг него» (трехличный переходный глагол).

Словоизменительная парадигма переходных глаголов со значением «вокруг» отличается от парадигмы моделей с другими значениями. Прежде всего, они изменяются как по субъектному строю, так и по строю косвенного объекта и прямого объекта. Для таких глаголов, имеющих широкое употребление в языке, характерен направительный префикс *къ*⁴.

Субъектный строй:

сэ уэ ар узонхэкI «я обвязываю то вокруг тебя»
уэ сэ ар кыизонхэкI (*кызызонхэкI*) «ты обвязываешь то вокруг меня»
абы (абы) ар ирепхэкI «он обвязывает то вокруг него»
дэ уэ ар удопхэкI «мы обвязываем то вокруг тебя»
фэ сэ ар фызонхэкI «вы обвязываете то вокруг меня»
ахэм абы ар къранхэкI «они обвязывают то вокруг него»

Строй косвенного объекта:

абы сэ ар изонхэкI «я обвязываю то вокруг него»
абы уэ ар ибонхэкI «ты обвязываешь то вокруг него»
абы ар абы ирепхэкI «он обвязывает то вокруг него»
абы дэ ар идопхэкI «мы обвязываем то вокруг него»
абы фэ ар ивонхэкI «вы обвязываете то вокруг него»
абы ахэм ар иранхэкI «они обвязывают то вокруг него»

Строй прямого объекта:

абы сэ ар кыизепхэкI «он обвязывает то вокруг меня»
абы уэ ар кыуепхэкI «он обвязывает то вокруг тебя»
абы (абы) ар ирепхэкI «он обвязывает то вокруг него»
абы дэ ар кыидепхэкI «он обвязывает то вокруг нас»
абы фэ ар кыивепхэкI «он обвязывает то вокруг вас»
абы ахэм ар ярепхэкI «он обвязывает то вокруг них»

Ср. также словоизменительную парадигму глагола *е-шэ-кIы-н* «обмотать что-л. чем-л. вокруг чего-л.»

Субъектный строй:

сэ уэ ар узошэкI «я обматываю то вокруг тебя»
уэ сэ ар кыызошэкI «ты обматываешь то вокруг меня»
абы ар абы ирешэкI «он обматывает то вокруг него»
дэ уэ ар удошэкI «мы обматываем то вокруг тебя»
фэ сэ ар фызошэкI «я обматываю то вокруг вас»
ахэм абы ар къырашэкI «они обматывают то вокруг него»

Строй косвенного объекта:

абы сэ ар изошэкI «я обматываю то вокруг него»
абы уэ ар ибошэкI «ты обматываешь то вокруг него»
абы ар абы ирешэкI «он обматывает то вокруг него»
абы дэ ар идошэкI «мы обматываем то вокруг него»
абы фэ ар ивошэкI «вы обматываете то вокруг него»
абы ахэм ар ярешэкI «он обматывает то вокруг них»

Строй прямого объекта:

абы сэ ар кыызешэкI «он то вокруг меня обматывает»
абы уэ ар кыуешэкI «он то вокруг тебя обматывает»

абы (абы) ар ирешэкI «он то вокруг него обматывает»

абы дэ ар кыдешэкI «он то вокруг нас обматывает»

абы фэ ар кывешэкI «он то вокруг вас обматывает»

абы ахэм ар ярешэкI «он то вокруг них обматывает»

Если трехличные переходные глаголы с суффиксом *-кI* и с семантикой «вокруг» имеют три строя, то глаголы этой же группы с другими значениями изменяются лишь по строю косвенного объекта. В этих моделях суффикс *-кI* не влияет на количество лиц в глаголе, последние остаются двухличными. Ср., например: двухличный глагол *етхъуницIэкIын* «соскоблить что-л. сбоку»:

Строй косвенного объекта:

сэ ар изотхъуницIэкI «я соскабливаю что-л. в сторону»

уэ ар иботхъуницIэкI «ты соскабливаешь что-л. в сторону»

абы ар иретхъуницIэкI «он соскабливает что-л. в сторону»

дэ ар идотхъуницIэкI «мы соскабливаем что-л. в сторону»

фэ ар ивотхъуницIэкI «вы соскабливаете что-л. в сторону»

ахэм ар иратхъуницIэкI «они соскабливают что-л. в сторону»

Ср. также: парадигму глагола *ежъэкIын* «зачесать (волосы) набок»:

сэ ар изожъэкI «я зачесываю (волосы) набок»

уэ ар ибожъэкI «ты зачесываешь (волосы) набок»

абы ар ирежъэкI «он зачесывает (волосы) набок»

дэ ар идожъэкI «мы зачесываем (волосы) набок»

фэ ар ивожъэкI «вы зачесываете (волосы) набок»

ахэм ар иражъэкI «они зачесывают (волосы) набок»

Таким образом, включаясь в состав основ, суффикс *-кI* создает новые лексические единицы с одним из перечисленных различительных признаков.

Обращает на себя внимание тот факт, что переходные глаголы данной группы без деривационной морфемы *-кI* являются двухличными. Ср., например: *е-шэ-кIы-н* «вести кого-что-л. вокруг кого-чего-л.» (трехличный переходный глагол) и *е-шэ* «он его везет» (двухличный переходный глагол); *е-блэ-кIы-н* «обвешать кого-что-л. чем-л.» (трехличный переходный глагол) и *е-блэ* «он обвешивает кого-что-л.» (двухличный переходный глагол). *Уи шы сокур къезблэкIыницI*. «Привяжу (колокольцы Кахыпша) к гриве твоего коня».

Этого нельзя сказать о бесприставочных глаголах непереходного значения. Процесс преобразования последних в объектные (двухличные) происходит с участием суффикса *-кI*. Ср., например: *ар мэтиц* «он ползет» (одноличный непереходный глагол), но *ар абы йо-ницI-кI* «он ползет вокруг него» (двухличный непереходный глагол).

В рассматриваемой группе непереходных глаголов наблюдается еще одна своеобразная особенность. Небольшая группа глаголов, построенных с помощью суффикса *-кI*, выступают лишь во множественном числе. Ср., например: *тIысы-н* «садиться», но *е-тIысэ-кIы-н* «усесться около, вдоль, вокруг чего-л. (о многих)». Ср. также: *увы-н* «встать», но *е-увэ-кIы-н* «встать, окружив кого-что-л.».

В группу исследуемых моделей входит единственный пример двухсуффиксального глагола, где представлены суффиксы *-хъ* и *-кI* одновременно. Ср., например: *еутIыницI-хъэ-кIы-н* «направить кого-л. в какую-л. сторону» и *и-утIыницI-хъэ-н* «впустить кого-л. куда-л., внутрь чего-л.» (<*утIыныцIын* «отпустить»). Приведенный глагол, как и другие переходные трехличные глаголы, имеет все три строя, причем без дополнительного включения направительного префикса *къ-*. Ср.:

Субъектный строй:

узоутIыницIхъэкI «я направляю тебя в сторону или назад»

сыбоутIыницIхъэкI «ты направляешь меня в сторону, назад»

иреутIыницIхъэкI «он направляет его в сторону или назад»

удоутIыницIхъэкI «мы направляем тебя в сторону или назад»

сывоутЫптихъэкI «вы направляете меня в сторону или назад»
ираутЫптихъэкI «они направляют его в сторону или назад»

Строй косвенного объекта:

изоутЫптихъэкI «я направляю то в сторону»
ибоушЫптихъэкI «ты направляешь то в сторону»
иреутЫптихъэкI «он направляет то в сторону»
идоутЫптихъэкI «мы направляем то в сторону»
ивоутЫптихъэкI «вы направляете то в сторону»
ираутЫптихъэкI «они направляют то в сторону»

Строй прямого объекта:

среутЫптихъэкI «он направляет меня в сторону»
уреутЫптихъэкI «он направляет тебя в сторону»
иреутЫптихъэкI «он направляет его в сторону»
дреутЫптихъэкI «он направляет нас в сторону»
фреутЫптихъэкI «он направляет вас в сторону»
иреутЫптихъэкI «он направляет их в сторону»

С помощью суффикса *-кI* образуются беспрефиксальные отыменные глаголы. Ср., например: *е-фIэ-кIы-н* «превосходить кого-что-л.» (<*фIы-н*, «быть хорошим» <*фIы* «хороший»).

В отыменные глаголы в плане семантики суффикс *-кI* не вносит пространственную характеристику. Остается без изменения их значение «превосходить кого-что-л. в чём-л.». Ср.: *е-пэгэ-кIы-н* «относиться к кому-чему-л. с чувством превосходства» (<*пэгэ-н* «быть гордым» <*пэгэ* «гордый»). Как показывает материал, эти модели строятся исключительно от одноличных непереходных глаголов, становясь при этом двухличными.

Отыменные двухличные непереходные глаголы изменяются по субъектному строю и по строю косвенного объекта, как и отглагольные двухличные непереходные глаголы. Ср. парадигму глагола *епэгэкIын* «относиться к кому-либо свысока, высокомерно»:

Строй субъектный:

абы сэ сопэгэкI «я к нему отношусь свысока»
абы уэ уопэгэкI «ты к нему относишься свысока»
абы ар йопэгэкI «он к нему относится свысока»
абы дэ допэгэкI «мы к нему относимся свысока»
абы фэ фопэгэкI «вы к нему относитесь свысока»
абы ахэр йопэгэкI «они к нему относятся свысока»

Строй косвенного объекта:

ар сэ къызонпэгэкI «он относится ко мне свысока»
ар уэ къоппэгэкI «он относится к тебе свысока»
ар абы къоппэгэкI «он относится к нему свысока»
ар дэ къыдоппэгэкI «он к нам относится свысока»
ар фэ къывоппэгэкI «он к вам относится свысока»
ар ахэм йоппэгэкI «он к ним относится свысока»

В состав ряда беспрефиксальных глаголов анализируемой группы может включаться префикс *зэ-*, образуя при этом формы субъектной версии. Префикс *зэ-* чаще всего присоединяется к переходным трехличным глаголам со значением «вокруг», т. е. где происходит полный охват объекта признаком, заложенным в семантику глагольной основы. В таких случаях глагольная основа сохраняет характеристику «вокруг», но лишается косвенного объекта, в результате чего глагол становится двухличным. Ср., например: *сэ абы ар е-с-цIэкIлац* «я построил то вокруг него» (трехличный переходный глагол), но *абы ар зэ-р-и-цIэкIлац* (двухличный

переходный глагол). Как показывает материал, в форме субъектной версии переходность глагола не изменяется. *Сосрыкъуэ шэсац, пшагъуикI зрищIэкIац*⁵. «Наутро Сосруко сел на коня и окутался туманом».

Субъектная версия образуется также от немногих непереходных двухличных глаголов рассматриваемой группы. При этом непереходный глагол становится одноличным, лицо косвенного объекта отпадает. Ср.: *еплъэкIын* «оглядываться на кого-л., но *зеплъэкIын* «оглянуться».

Проведенные выше наблюдения позволяют сделать некоторые выводы.

Итак, включение суффикса *-kI* в состав беспревербных образований сопровождается появлением косвенного объекта, т.е. суффикс выполняет функцию локального преверба. Наблюдается семантическая дифференциация переходных и непереходных глаголов, содержащих суффикс *-kI*: двухличные переходные глаголы со значением «вокруг» становятся трехличными, имеют три строя: субъектный строй, строй косвенного объекта и строй прямого объекта; двухличные переходные глаголы, передающие другие значения, остаются двухличными. Такие глаголы изменяются лишь по строю косвенного объекта. Ряд беспревербных моделей рассматриваемой группы могут включать в свой состав префикс субъектной версии *зэ-/зы-*. При этом трехличный глагол, преобразовываясь в форму субъектной версии, теряет лицо косвенного объекта и становится двухличным; от ряда двухличных непереходных глаголов можно образовать форму субъектной версии, последние становятся одноличными.

Примечания

1. Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М. Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.

2. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. 372 с.; Эльбердов Х.У. Некоторые спорные вопросы грамматики кабардинского языка. Нальчик, 1959. 138 с.; Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971. 342 с.; Дзуганова Р.Х. Трудности разграничения двойственной природы префиксальной морфемы (йэ-)е- в кабардино-черкесском языке // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2007. № 14. С. 216–228.

3. Дзуганова Р.Х. Особенности функционирования направительного суффикса *-жэ* в глаголе кабардино-черкесского языка // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Тезисы докладов V Международной научной конференции. 2016. С. 83–85.

4. Дзуганова Р.Х. Способы суффиксального образования глаголов в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Типография Кабардино-Балкарского научного центра при Российской академии наук, 1998. 116 с.

5. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы, 1974. 415 с.

R.H. Dzuganova

WORD-CHANGE PARADIGM OF CONVERTABLE MODELS WITH SUFFIX-KI IN KABARDIAN-CHERKESSIAN LANGUAGE

In the article the inflectional paradigm of suffixal verbs appearing without a preverb with the suffix *-kI* is presented. It was found that in them the suffix *-kI* plays the role of a local preverb, thereby regulating the appearance of an indirect object, the indicator of which is the prefix *e-*. Semantic specialization of transitive and intransitive verbs of the considered series is also observed.

Keywords: directional suffixes, local preverbs, word-formation models, indirect object.

Б.А. Мусуков

АЛЛИТЕРАЦИЯ ИЛИ РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ КАК ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО СТИХА И ФОРМА УСИЛЕНИЯ КАЧЕСТВА

Статья посвящена исследованию ритмико-звуковой организации карачаево-балкарского стиха, относящейся к числу употребительных средств звукового повтора, в котором участвуют как гласные, так и согласные звуки, имеющие смысловозначительные особенности. В ней, наряду с вопросами лексико-синтаксического параллелизма в карачаево-балкарском стихосложении, рассматриваются вопросы грамматического параллелизма, связанные с наличием звукового тождества, полного или частичного, между словом его формой и формами слова.

Ключевые слова: аллитерация, ритмико-синтаксический параллелизм, форма усиления качества, лексико-синтаксический параллелизм, грамматический параллелизм, звуковая организация стиха.

Аллитерация как древний принцип звуковой организации стиха в карачаево-балкарской поэзии, как в начале, так и середине, является одним из способов его украшения. Аллитерация не распространяется на большое число строк. Преимущественно аллитерации подвергается начало двух-трех строк. В начале и середине стиха аллитерация употребляется не только как орнаментальное средство, но и выступает в главной ритмико-композиционной функции.

В поэзии К. Кулиева встречается наиболее законченная форма карачаево-балкарского аллитерационного стиха. Следует предположить, что грамматическое ударение, совпадавшее с ударением на конце слова, не имело особого значения в организации карачаево-балкарского аллитерационного стиха. Можно с достаточным основанием допустить, что факты аллитерирования звуков наиболее выразительно просматриваются в фольклорной поэзии карачаевцев и балкарцев, являясь следом исчезнувшей в древности аллитерационной системы тюркских народов.

При аллитерации, как способе стихосложения, звуковая организация текста наилучшим образом сопоставляется с его ритмической организацией. Анализ аллитерационного стиха свидетельствует о том, что его нужно связывать с той функцией, которую аллитерация в начале стиха осуществляет в качестве регулятора ритма.

Особенности карачаево-балкарского стиха, как и стиха других тюркских народов, характеризуются, по-видимому, «агглютинативным строем языка, в котором главенствует корневая смысловозначительная морфема, подчиняющая себе звуковую окраску следующих за ней аффиксов». Далее И.В. Стеблева пишет: «...Стихотворная практика тюркских народов показала, что агглютинативный строй языка не препятствует культивированию на его почве иноземных поэтических норм»¹.

Некоторые фонетические явления следует связать с агглютинативным строем тюркских языков, которые имеют отношение и к построению поэтической формы: редукция гласных, выпадение звуков или группы звуков внутри слова, метатеза, явление синдхи, а также явление фузии. При такой нестабильности гласных и согласных фонем языка, связанной и со словообразованием и со словоизменением, позиция корневой морфемы считается наиболее сильной, т.к. меньше всего

подвергается звуковым изменениям в потоке речи. В этой ситуации корневая морфема выступает главным словообразовательным материалом стихотворных строк.

Аллитерация звуков как фиксатор ритма соединяет корни слов, заключающих в себе основную семантическую наполняемость. Если у некоторых тюркских народов аллитерация или ритмико-синтаксический параллелизм, встречается в начале стиха с переходом от аллитерационного стиха к стиху с конечной рифмой, то в стихах балкарских поэтов, например, К. Кулиева, она встречается:

1) в начале:

Чалгъы тартхан кючлю къолларым

Ишсиз-кючсюз болдугъуз арып.

*‘Руки мои, держащие косу,
Стали безработными, уставшими’;*

2) в середине:

Танг атар-атмаз шахарлагъа кирейик.

Юйле къалай кюйгенлерин бир кёрейик

*‘Едва рассвет наступит, войдем в города.
Увидим, как горят дома’;*

3) в конце:

Сени кёп ачитханлагъа жалына,

Къуйругъунгу булгъайса ары-бери.

‘Заискивая перед теми, кто делал тебе много плохого,

Машешь хвостом в разные стороны’ также с сохранением конечной рифмы.

Появлению и развитию аллитерационной системы, как в различных стилях литературного языка, так и художественных текстах, включая и поэтические произведения, способствовала благоприятная для нее почва, условия реализации в них аллитерационной системы, принципиально новый способ образования стихотворной формы, основанной на взаимосвязи теории и практики поэзии. Аллитерация как способ звуковой организации стиха участвует в построении структуры ритма.

В ритмико-синтаксических поэтических словосочетаниях **ишсиз-кючсюз, атар-атмаз, ары-бери** аллитерируют: 1) два **ат-ат** (сс); 2) два конечных слога: **ры-ри** (сз). В этих усилительных конструкциях созвучие концов состоит: 1) из двух морфологических повторов; 2) звукового повтора согласных **-с-, -з-, -т-, -р-**.

Аллитерация используется как стилистический прием усиления звуковой выразительности стиха подбором, повторением одинаковых или однородных согласных звуков, слогов².

Аллитерация как ритмико-звуковая организация балкарского стиха относится к числу употребительных средств звукового повтора. В ритмико-синтаксическом параллелизме одновременно участвуют гласные и согласные звуки, однако согласные звуки в поэтике балкарского языка имеют больше смысловоразмыслительных особенностей, чем гласные звуки. Согласные звуки значительно чаще участвуют в фонетических преобразованиях, чем гласные звуки, выполняя доминирующую роль в передаче определенной информации. Аллитерация является отличительной особенностью не только карачаево-балкарского стиха, но и всей тюркской поэзии в целом. По мнению исследователей тюркской аллитерационной системы, аллитерация является результатом ритмико-синтаксического параллелизма и вытекает из него.

В процессах аллитерации в карачаево-балкарском языке контекстуально участвуют и «сдвоенные наименования» в виде сочетания усилительных частиц, придающих конструкциям экспрессию, семантические оттенки, и атрибутивных компонентов. Например: **дум-къара** ‘совершенно-черный’, **къап-къара** ‘черный-пречерный’, **ап/аппа-акъ** ‘белый-пребелый’³.

Среди балкарских поэтов аллитерация как языковое явление наиболее часто встречается в поэзии К. Кулиева и И. Бабаева, выражающих черты карачаево-балкарского стиха. Аллитерация употребляется в их стихах в различных формах и

проявлениях. Поэты всесторонне применяют фонетические средства балкарского языка, достигая особенной выразительности в стихах с помощью художественного подбора согласных звуков.

Аллитерация 'как синтаксическое явление употребляется во всех позициях стихотворной строки, отличающейся лексико-семантической устойчивостью. Аллитерация согласного **-к** в середине слова применяется К. Кулиевым наиболее часто:

*Ат аякъ тауушугъуз кѣп жерни
Титирете, кече-кюн бардыгъыз...
'Вы шли днем и ночью,
Сотрясая землю лошадиными копытами...'*

В этом четверостишии, повторяясь, в начале двух строк употребляется согласная фонема **-к** в составе усительной конструкции **кече-кюн** 'день и ночь, днем и ночью', образуя двухстрочную аллитерацию. Во второй строке представлена горизонтальная аллитерация согласного **-к**: **титирете, кече-кюн бардыгъыз**. В некоторых стихотворениях поэта отмечаются случаи удвоенной аллитерации, когда повторяются звуки в начале и внутри строк, например:

*Бек уллу адамлыкды ол,
Бек уллу батырлыкды ол.
'Это очень большая человечность,
Это очень большое мужество'.*

Аллитерацию согласного **-к** в начале слова можно увидеть и в другом стихотворении поэта:

*Анам! Тапханым олду – тюшдюм
Мени кюл-кѣмюр этер отха.
'Мать! То, что я нашел – это,
Попал я в огонь испепеляющий'.*

Здесь во второй строке согласный **-к** повторяется дважды, чем акцентируется внимание читателя на реальных предметах или образе. Аллитерационный повтор в усительной конструкции **кюл-кѣмюр**, наряду с лексико-синтаксическим параллелизмом, способствует более конкретному и обобщенному восприятию художественного образа, придает тексту особую эстетическую содержательность⁴.

К числу характерных особенностей тюркского стиха относится аллитерация или рифма.

В.В. Радлов, присоединяясь в целом к известной в тюркологии точке зрения, называет аллитерацией созвучие отдельных согласных в любой части слова. Для созвучия гласных фонем он применяет термин «*vokalischer Gleichklang*»⁵.

Т. Ковальский подразумевает под аллитерацией любые созвучия, имеющие место только в начале слова. Определяя характерные особенности тюркского стиха, он впервые в тюркологии сделал попытку системного исследования и сумел проследить за их развитием. Рассматривая значение рифмы и аллитерации, а также их возникновение в тюркских стихах, он приводит некоторые случаи образования и употребления аллитерации и рифмы⁶.

А.М. Щербак, придерживаясь в основном традиционной точки зрения, рассматривает «аллитерацию как точное или приблизительное созвучие любых начальных звуков или звуковых групп (resp. слогов), а также как созвучие определенных качественных признаков, исходящее от первого слога каждого стиха или каждой строфы и основанное на законе гармонии гласных»⁷.

Аллитерация как звуковая организация карачаево-балкарского стиха является дополнительным средством в построении стиха, заключающимся в повторении начальных согласных или гласных звуков лексических единиц.

В структурно-композиционном плане аллитерация в карачаево-балкарском языке состоит из междусловной или внутренней (полной и неполной), в зависимости от включающих в себя слов. Внутренняя аллитерация соединяет в составе одной строки слова, расположенные по соседству или на двух строках, находящиеся рядом и разделенные другими словами (строки 1, 4):

*Жыр да сюеди таза жюреклени,
Къанатлы сюеди чууакъ бийикни,
Кёк сюеди тумансыз ачыкъ жерни,
Жер сюеди жулдузла жаннган кёкню.*

*Песня любит чистые сердца,
Птица любит ясные высоты,
Небо любит безоблачное, ясное небо,
Земля любит небо, освещенное звездами*⁸.

Или, например, как в карачаево-балкарской загадке:

*Тау артында – Тауай,
Тау аллында – Шауай.*

*‘В Закавказье – Тауай,
Перед Закавказьем – Шауай’;*¹⁰

четверостишии К. Кулиева:

*Таулары элтип баргъан
Кибик мюйюзлеринде.
Киредиле арбазгъа
Ёюзле тынч, эрине*

*‘Словно унося горы
На своих рогах,
Заходят во двор
Волы тихо, лениво*⁸.

Междустиховая или строфическая аллитерация объединяет обычно два или четыре стиха, как в карачаево-балкарской загадке:

*Таудан-тюзден жыйылама,
Минг тешикге кьюлама,
Мени чайкъап ашайдыла,
Мени махтап жашайдыла*

*‘Собираюсь я из гор-степей,
В тысячу скважин вливаюсь я,
Едят меня взбалтывая,
Живут меня хваля’*¹⁰.

*Сенг-сенг сенг бара.
Сегиз теке тенг бара,
Суу агъачы сууда бара
Сакъалчыгъы бура бара.*

*'Идут с шумом сенг-сенг, сенг,
Восемь козлов идут ровно,
Коромысло идет в воде,
Бородку идет вращая'¹⁰.*

Междусловная аллитерация, употребляемая в стихотворениях в ряде случаев, служит в основном для эстетического воздействия, украшая структуру стиха.

Исследуя сферу применения аллитерации в карачаево-балкарском языке, следует отметить, что аллитерация как ритмическое явление встречается главным образом в жанрах народной песни, имея широкое распространение.

В некоторых случаях обе разновидности аллитерации употребляются, сочетаясь, вместе, например, как в карачаево-балкарской загадке. Внешняя аллитерация объединяет соседние строки, в особенности – их начальные слова (строки 1–3):

**Сууда – терек ауанасы.
Къарайдыла чапыракъла
Суугъа бла ауанагъа.
Ауананы сюе суу.**

*'В воде – тень дерева.
Смотрят листья
На воду и на тень.
Вода любит тень'⁸.*

С другой стороны, в поэзии К. Кулиева, как и других поэтов, конечная рифма может усиливаться аллитерацией рифмующихся (созвучных) слов (строки 1, 3, 4): [т. 2, с. 335] или еще более объемным звуковым параллелизмом: ср. стихи К.Кулиева:

**Кёп шахарлада тургъанма,
Энтда кёп жерге барырма.
Мен таулу элде туугъанма,
Таулу эллий къалырма** (строки 1–3: ... **тургъанма: туугъанма**).

*'Бывал я во многих городах,
Еще бываю во многих местах.
Я родился в балкарском селе,
Остануль балкарцем в селе'⁸.*

Особо важное значение в стихосложении отводится грамматическому параллелизму: наличию звукового тождества, полного или частичного, между словом и его формой или формами слова. В результате повторения слова или его варьирующей грамматической формы возникают глубокие созвучия аллитерирующих фонем:

**Кёк, санга баи урабыз,
Биз баи къуса турабыз.
Сау бал жауун,
Сен чомарт жаудунг**
*'Небо, тебе мы поклоняемся,
Мы стоим колосясь,
Спасибо тебе дождь.
Ты щедро полил землю'⁸.*

Помимо словесного повторения в карачаево-балкарском языке встречается и повторение с вариацией аффикса, например, в случае со словами **жауун** «дождь»

и **жаудунг** «полил дождь» в первом случае употребляется вариация отглагольного аффикса **-ун**, а во втором – вариации формообразующих аффиксов **-ду** (показатель времени) и **-унг** (аффикса 2 л.ед.ч.), в форме которого ведется повествование⁹.

В карачаево-балкарском богатырском эпосе активно употребляется и рифма грамматическая, построенная на синтаксическом параллелизме конечных слов стиха, большей частью глагольная или глагольно-именная (предикативные причастия и деепричастия), исходя из того, что в тюркских языках предложения заканчиваются предикативной формой.

**Ёрюзмек баргъанды, къара орамланы жырып,
Бошагъады алайда эмегенлени кырып.**

*‘Ёрюзмек шел по черным улицам, разрывая их
Уничтожил он там всех великанов’¹¹*

**Жаны-къаны отдан болгъанд къралып,
Къолу жетсе, таш эригенд, кызырып**

*‘Душа его, кровь были созданы из огня,
Если рукой тронет, плавился камень, краснея’¹¹*

В эпических стихах форма на **-ып/--ип-** выступает как предикативное деепричастие прошедшего времени, употребляемое для выражения сопутствующего действия.

**Кёп айланганд къара орамда абына,
Амалсыздан жер Тейриге табына.**

*‘Много ходил он по черным улицам, спотыкаясь
От безысходности поклоняясь земному богу’¹¹*

**Ариулугу ташны-тауну жарыта,
Хар бир затны ол кесине къарата.**

*‘Красотой своей покоряя камни и горы,
Он заставляет смотреть на себя’¹¹*

В карачаево-балкарском народном стихе с течением времени произошли качественные изменения, связанные с отказом от традиционного синтаксического параллелизма, как от реликтового явления. Однако эти изменения не затронули одну сторону стиха, связанную с этим языковым явлением: «строка почти всегда семантически и синтаксически завершена – мысль начинается и кончается в одной строке с соответствующим грамматическим оформлением»¹².

В ритмически-звуковой структуре стиха рифма указывает на границу строки, на конец ритмического ряда. Абсолютным окончанием строки выступает последний слог рифмующегося слова.

Значительная часть рифм в фольклорных стихах образуется с помощью употребления аффиксов, которые при рифмующихся основах сохраняют единую форму, другими словами, в их составе гласные и согласные фонемы либо полностью тождественны, либо при отдельных несовпадениях фонологически совпадают.

Грамматическая рифма в народном карачаево-балкарском стихе, произвольно образованная под влиянием *синтаксического параллелизма*, могла охватить несколько последних слогов в конце стиха, в результате чего отмечается тенденция к расширению рифмы, «к тому, чтобы рифмовать не только последний («ударный») слог, а два или три слога, т.е. не один аффикс, а целую одинаковую группу аффиксов»¹³.

Таким образом, исследуя сферу применения аллитерации в карачаево-балкарском языке, следует отметить, что ритмико-синтаксический параллелизм как фонетическое явление встречается главным образом в жанрах народной песни, имея широкое распространение.

Примечания

1. *Стеблева И.В.* Происхождение и развитие тюркской аллитерационной системы в связи с историческим родством тюркских и монгольских языков. СТ. 1971. № 6. С. 80–84.
2. Словарь русского языка в четырех томах. М.: «Русский язык», 1985. Т. I. С. 32.
3. *Мусуков Б.А.* «Сдвоенные наименования» с цветовыми компонентами в тюркских языках // Профессор Н.К. Дмитриев и актуальные проблемы тюркологии: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 324–330.
4. *Мусуков Б.А.* Лексико-семантическое поле цветообозначающих прилагательных в поэзии К. Кулиева // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 3(105). С. 76–78.
5. *Radloff W.* Über die Formen der Rede bei den altaischen Tataren. «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft». 1866. Bd. IV. S. 85–114.
6. *Kowalski T.* Ze studiów nad iormą, poezji ludów tureckich. Krakow, 1921.
7. *Щербак А.М.* Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. 1961. № 2. С. 143.
8. *Кулиев К.* Жазгъанларыны юч томлу жыйымдыгы. Экинчи тому. Назмула (1962–1970) (собрание сочинений в 3-х томах. Т. 2. Стихи). Нальчик: Эльбрус, 1981. 624 с. С. 155; 162; 182; 464; 335.
9. *Мусуков Б.А.* Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. Нальчик, 2016. 305 с. С. 246.
10. *Алийланы С.* Къарачай халкъны Эл берген жомакълары. Черкесск, 1984. С. 124.
11. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 656 с. С. 91; 297; 69; 72.
12. *Векилов А.П.* Основные принципы азербайджанского народного стихосложения. СТ. 1979. № 1. С. 38.
13. *Жирмунский В.М.* О тюркском народном стихе. Некоторые проблемы теории. В его кн.: «Тюркский героический эпос». Л., 1974. С. 656–657.

B.A. Musukov

ALLITERATION OR RITMIKO-SYNTACTIC PARALLELISM AS SOUND ORGANIZATION OF THE BALKAR VERSE AND FORM OF STRENGTHENING OF QUALITY

Article is devoted to a research of the ritmiko-sound organization of the Balkar verse which is among common means of sound repetition in which both vowels, and the consonants having smyslorazlichitelny features participate. In it, along with questions of leksiko-syntactic overlapping in the Balkar versification, the questions of grammatical overlapping connected with existence of the sound identity full or partial between the word and its form or forms of the word are considered.

Keywords: ritmiko-syntactic overlapping, quality strengthening form, alliteration, leksiko-syntactic overlapping, grammatical overlapping, sound organization of a verse.

Д.М. Кумыкова

ЛАКУНАРНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается явление лакунарности в области фразеологии кабардино-черкесского и русского языков. Обосновывается разграничение таких понятий, как абсолютная и относительная лакунарность. Характеризуются основные факторы появления фразеологических лакунарных единиц. Показано, что лакунарные фразеологические единицы аккумулируют в себе информацию не только о культурных традициях народа-носителя языка, но и об особенностях его мировосприятия, о формах языковой концептуализации действительности.

Ключевые слова: лакунарность, лакунарные единицы, межъязыковые лакуны, фразеологические единицы, межкультурная коммуникация

Понятие «лакуна» вошло в широкий лингвистический обиход с середины XX века благодаря работам А. Мальблана, Ж. Вине и Ж. Дарбельне. Ж. Вине отмечал: «Лакуна возникает всякий раз, когда означаемое исходного языка не находит себе устойчивого означающего в языке перевода – например, отсутствие [во французском языке] единого слова для передачи [значения английского слова] shallow»¹. В отечественной лингвистике предпосылки становления лакунологии заложены этнопсихолингвистическими исследованиями Ю.А. Сорокина. Именно ему принадлежит заслуга введения в научный обиход современного научного понятия «лакуна»².

В многочисленных исследованиях данное понятие получает различные трактовки, общим для которых является значение пустоты, незаполненности, «отсутствие требуемой единицы или формы в речевой синтагме или системной парадигмы»³. Так, лакуна – это «отсутствие какой-либо единицы в одном языке при ее наличии в другом»⁴, «пустая клетка в системе именования»⁵, «идеальное содержимое, представляющее собой виртуальную единицу, занимающую место в языковой системе»⁶, «слово, словосочетание, грамматическая категория, бытующие в одном из языков и не встречающиеся в другом»⁷. Во многих случаях неопределённым остается вопрос о том, где обнаруживается лакуна: в рассматриваемом языке (в терминах переводоведения – исходном языке (ИЯ)) или в сопоставляемом языке (переводящем языке (ПЯ)), или же в когнитивном мире носителей языка*.

Наиболее убедительна точка зрения Л.К. Байрамовой, которая под лакунарностью понимает бинарную категорию с такими составляющими, как: 1) лакунарные единицы (языка А) и 2) лакуны (языка Б) – нулевые корреляты лакунарных единиц⁸. Данный подход дает более четкое представление о месте лакуны. Так, например, лакунарным единицам русского языка **палех, самовар, сарафан, палевый, избушка** соответствуют в кабардино-черкесском языке нулевые корреляты – лакуны⁹. В целях настоящей статьи мы будем использовать такие термины, как *лакунарные фразеологические единицы* для обозначения фразеологических

* Здесь речь идет о межъязыковых лакунах, выявляемых в сопоставительно-типологическом исследовании языков и отражающих пустоты в системах сопоставляемых языков, отсутствие соответствующей лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом. В отличие от них внутриязыковые (лингвистические) лакуны выявляются внутри одного языка, когда отмечается отсутствие слов на фоне семантики слов той или иной лексической парадигмы¹⁰.

единиц (ФЕ), которым в языке сопоставления соответствуют нулевые корреляты – *фразеологические лакуны*.

Следует уточнить, что применительно к фразеологическим единицам о лакунарности может идти речь, если ФЕ одного языка не обнаруживает в сопоставляемом языке соответствующей ФЕ с набором аналогичных признаков, таких как: актуальное значение, образная составляющая и компонентный состав. Основными факторами появления фразеологических лакун, как и лингвистических лакун в целом, являются:

1) лингвистические факторы (своеобразие в языковом членении объективного мира, несовпадение в развитии систем языков, способы формирования ФЕ, семантическая слитность компонентов фразеологических единиц и т.д.);

2) экстралингвистические факторы (разнообразие исторических, культурных и духовных традиций народов, географических, социально-экономических условий жизни, своеобразие обычаев, менталитета у разных народов)¹¹.

Представляется целесообразным разграничение таких понятий, как относительная (или частичная) и абсолютная лакунарность в сфере фразеологической лакунарности. Абсолютная лакунарность наблюдается в тех случаях, когда ФЕ не имеет в языке сопоставления эквивалентной ФЕ, и замещение фразеологической лакуны происходит одним из способов: фразеологическое калькирование, развернутое описание с лингвокультурологическим комментарием, буквальный перевод или подбор фразеологического синонима*. Если в сопоставляемом языке лакунарной фразеологической единице соответствует ФЕ-аналог, но с иными образной составляющей и компонентными характеристиками, можно говорить об относительной (или частичная) лакунарности.

Так, относительно лакунарными можно считать ФЕ, имеющие соответствие в переводящем языке (ПЯ) в виде ФЕ с аналогичным актуальным значением, но с иным компонентным составом. Например: (1) **как горох об стену** – бгым джэдыкІэкІэ уеуа хуэдэш (букв. как яйцом об скалу), (2) **подливать масло в огонь** – бэрэжэй мафІэм хупэрыдзэн (букв. подкинуть бузину в огонь), (3) **как сонная муха** – мацІэ дия (хуэдэ) (букв. (как) околевшая саранча), (4) **совать (свой) нос** – (и) бэлагыр хиІун (букв. сунуть свою (деревянную) лопатку (во что-н.)), (5) **держат ушки на макушке** – тхьэкІумэр гьэкІын (тегьэхун) (букв. отрастить уши), (6) **прожужжать (все) уши** – тхьэкІумэм Іусын (букв. сидеть возле уха).

В приведенных примерах образные основания ФЕ сопоставляемых языков частично совпадают. Так, в (1) представление о ничтожно малом перед существенно большим передается сравнением: рус. *горох-стена* / каб. *яйцо-скала*. В (2) образ «подкинуть что-нибудь в огонь, чтобы он еще больше разгорелся» воплощается через рус. *подлить масла* / каб. *подкинуть бузину (дрова)*. В (3) образ неподвижного существа – через рус. *сонная муха* / каб. *околевшая саранча*. Внутренние формы фразеологических единиц различны, хотя и обнаруживают определенное сходство: рус. *совать нос* – каб. *сунуть лопатку*, *подливать масло в огонь* – *подкинуть бузину в огонь*.

Фразеологизмы, обладающие абсолютной лакунарностью, как правило, представлены национально-специфичными единицами. В их числе можно выделить ФЕ двух типов:

1) ФЕ с универсальной для сопоставляемых языков внутренней формой, но имеющие уникальную для языка образную составляющую;

2) ФЕ с уникальными внутренней формой и образной составляющей, а потому не имеющие соответствий в сопоставляемом языке в виде соотносительной ФЕ.

Данные типы лакунарных ФЕ соответствуют выделяемым по внеязыковой отнесенности мотивированным и немотивированным лингвистическим лакунам.

* Здесь мы не обсуждаем способы замещения лакун. О различных стратегиях элиминирования лакун мы писали ранее¹².

Так, немотивированные лакунарные ФЕ (НЛФЕ) появляются, когда известная носителям разных языков информация о предмете, о конкретной жизненной ситуации, связанной с ним, практике его применения, получая уникальную образную интерпретацию его свойств, становится мотивирующей базой для фразеологизма только в одном из языков¹³. То есть НЛФЕ не связаны с культурными реалиями в жизни носителей языка. Например, внутренняя форма кабардино-черкесского фразеологизма (7) **вы лам сэ хэлун*** (букв. мертвого быка ножом проткнуть/заколоть) прозрачна и понятна при переводе носителям других языков (в нашем случае – русского языка), однако образное переосмысление она получает только в кабардино-черкесском: фразеологическое значение «заниматься неуместным делом» не обнаруживает соответствия в русском языке. Точно так же, к примеру, русские лакунарные ФЕ (8) **из мухи слона делать** и (9) **какая муха укусила (тебя)** имеют понятную для носителей сопоставляемого языка внутреннюю форму, о чем свидетельствует гипотетическая возможность дословного их перевода (8) **бадзэм пыл къыхэццЫкЫн* или (9) *сыт хуэдэ бадзэ къодзэкъар*. Однако в кабардино-черкесском языке не происходит метонимической трансформации семантики данных сочетаний, которая должна была бы привести к их фразеологизации. Соответственно, образующиеся в языке фразеологические лакуны заполняются описательным переводом значения ЛФЕ: (8) *ццэгъэтхъэн, зэрыщымыту гъэбэгъуэн*; (9) *къытщыццлар сыт, уи ццэм цхъэ уемызэгъыжрэ*¹⁵.

Приведем еще примеры кабардино-черкесских НЛФЕ: (10) **вы къуэлэнищкцэ вэн** (букв. пахать на трех разноцветных быках – поторопиться с началом пахоты), (11) **вакъэ зэв нувэн** (букв. обуть тесную обувь – оказаться в тяжелом положении), (12) **вагъуэр егъэбжын** (букв. заставить считать звезды – вывести на чистую воду), (13) **жылагъуибылм зыльащцысын** (букв. в семи селениях распространиться – стать общеизвестным), (14) **жылэгъапцэ кыгуугу** (букв. удод-обманщик – о человеке, обманывающем всех), (15) **хъэ шэхурыпхуэ** (букв. собака, кусающая исподтишка – действующий незаметно, исподтишка), (16) **хъэр псафэ хуэшэн** (букв. водить чью-нибудь собаку на водопой / выгуливать – быть нарочито услужливым), (17) **(и) лъэгу банэ хэхужын** (букв. удалить из подошвы колючку – освободиться от кого-чего-нибудь), (18) **лъэгум ццэгъэплъэн** (букв. показать подошву снизу – 1) продемонстрировать свой танец; 2) продемонстрировать, как скачет лошадь), (19) **лъэгу шабэ** (букв. мягкая подошва – о ленивом, нерасторопном человеке).

Особый интерес представляют мотивированные лакунарные ФЕ (МЛФЕ), появление которых обусловлено знаниями и представлениями, актуальными лишь для одного из носителей сопоставляемых языков. Их внутренняя форма и образная гештальт-структура содержат культурно маркированные компоненты – реалии, отражающие особенности культуры, истории, мировосприятия, самосознания народа, его способ мышления, поведения и т.д.

Компонентами мотивированных лакунарных ФЕ выступают:

– наименования, характеризующие системы ценностей, особенности национально-го менталитета: (20) **адыгагъэ зехъэн** (букв. проявлять адыгство), (21) **адыгагъэ хэлыын** (букв. соблюдать адыгство), (22) **адыгэбзэ жылэн** (букв. говорить по-адыгски);

– этнонимы, антропонимы и топонимы: (23) **абазэ шатэ** (букв. абазинская сметана – густая сметана), (24) **Хъэфцыцэ и къыдыру гъэлъэн** (букв. всыпать как мулу Хафицы – проучить, жестоко наказать, показать, где раки зимуют), (25) **Къэнэмэт и лыукым хэхуэн** (букв. попасть в место казни Канамета – попасть неожиданно в беду), (26) **Тцуащцэм кцэуэ Махуэгъэпс цтэщцэбгъэ къызышам нэхъей** (букв. подобно тому, кто, поехав в междуречье, привез из Махоганса горсточку сена – о том, кто преодолел большие трудности для достижения ничтожно малого), (27) **Хъэтцохъушукъуэ напэ** (букв. совесть Хатокшоко – о бессовестном человеке), (28) **Ахъмэт и фоуэ** (букв. как у Ахмета меду – много, но бесполезно);

* Здесь и далее материал по кабардино-черкесской фразеологии представлен по словарю¹⁴.

производное от поговорки: **Ахъмэт и фо изщ** – у Ахмета полно меда), (29) **Тэм-тэрэкъай и махуэр кыхуэ(гъэ)кӀуэн** (букв. испытать участь Тьмутаракани – подвергнуть(ся) разрухе, разрушить до основания);

– названия предметов быта, домашнего обихода, орудий производства: (20) **(и) бӀагъыр хиӀун** (букв. лезть не в свое дело), (31) **абгъуэрынэри кыхыжын** (букв. забрать из гнезда последнее/подкладное яйцо – сильно обнищать; яйцо «абгъуэрынэ», подкладываемое в гнездо, чтобы куры неслись в одном месте; (32) **лэгъуп фӀэдзэн** (букв. повесить медный котел – готовить еду), (33) **лэрыджыр дэгъзэенн** (букв. поднять вверх серп для выделки кожи – быть не в духе), (34) **лэгъупыр дэгъзэенн** (букв. перевернуть/подкинуть вверх медный котел – обеднеть, остаться без средств, без еды);

– наименования из фольклорных, художественных и иных произведений: (35) **абрэмывзу хьӀльэ** (букв. тяжелый, как огромный камень (из адыгского фольклора) – 1) о чем-то неподъемном, тяжелом; 2) о человеке – тяжелый на подъем, (36) **Беслъэней пцӀапцӀэ** (букв. Бесланей-студень – о толстом, малоподвижном человеке);

– наименования, связанные с национальными приметами, обычаями, поверьями: (37) **къурагъыр еупсеин** (букв. приставить к кому-нибудь шест – обычай у адыгов: приставление шеста к следующему по старшинству брату жениха или сестре невесты в знак того, что теперь разрешается жениться или выйти замуж), (38) **алмэсты мажъэ** (букв. расческа снежного человека – злая женщина), (39) **алмэсты щхьэц Ӏыгъын** (букв. держать волос снежного человека – уметь повелевать), (40) **вындыпэ Ӏыгъын** (букв. держать клюв ворона /грача – быть удачливым), (41) **вындыпэ егъэлусэн**¹⁶ (букв. приложить (к чему-н.) клювом ворона /грача – приворожить кого-л.);

– названия пищи и напитков: (42) **хьэкъурт (и жьэм) жьэдэль хуэдзу** (букв. словно жареной кукурузной муки полон рот – словно в рот воды набрал), (43) **хьӀламэ кӀэрывж** (букв. слипшаяся вареная лепешка из кукурузной муки – бесполезный, лишний человек), (44) **хьӀламэ гъэва** (букв. вареная лепешка из кукурузной муки – ничего подобного, ни черта), (45) **хугу закъуэм дэнльэч трещӀэ** (букв. на крупинке пиена каменители плетет – о мастере своего дела) и др.

– названия национальных игр, видов спорта: (46) **чын(у) (вууэ) къехуэкӀын** (букв. гонять, словно волчок – заставить кого-то крутиться (как волчок), (47) **кӀэнджэгу джэгун** (букв. играть в кости – заниматься пустым делом);

– название национальных праздников, танцев, музыкальных инструментов: (48) **мафӀащхьэ джэд** (жертвенная курица – курица, которую приносят в жертву в честь весеннего равноденствия), **пшыным кыгъэкӀын (узыхуей къафэр)** (букв. подбрать на гармошке нужную мелодию (к кафе – народному танцу) – подвести (дело, разговор) к нужному итогу), **пшынэбзу гъэпсэлын** (букв. заставить звучать, словно гармонь – мастерски владеть каким-либо делом);

– название предметов одежды, обуви: (49) **щӀакӀуэр зыблэм хэтын** (букв. находится среди тех, кто украшает бурку – находится среди тех, кто действует исподтишка), (50) **(и) цейкӀэм кыдеджэрэзэкӀын** (букв. бегать вокруг подола черкески – прислуживаться перед кем-нибудь) и др.

Абсолютными лакунарными ФЕ, которым соответствует нулевой коррелят в русском языке, являются кабардино-черкесские (20) **адыгагъэ зехьэн** (букв. проявлять адыгство), (21) **адыгагъэ хэлын** (букв. соблюдать адыгство), (22) **адыгэбзэ жыӀэн** (букв. говорить по-адыски – говорить тепло, благожелательно, произносить уместные в конкретной ситуации общения слова).

Поликомпонентное понятие *адыгагъэ* – адыгство – это «специфичная этическая система, обслуживающая внутренние и внешние связи и отношения адыгского этноса»¹⁷, совокупность лучших нравственных качеств, которые должны быть присущи адыгу: человечность, почтительность, разум, мужество, честь, благородство, верность данному обязательству, нравственное внимание, нравственная память, благодеяние, благодарность, стыд и др. Соответственно, **адыгагъэ зехьэн**

означает, проявлять все перечисленные положительные качества. Совершенно очевидно, что перевод данной ФЕ как, например, «проявлять человечность» не является эквивалентным и полным.

Сочетание **адыгэбзэ жыӀэн** включает в себя «обозначение всей сферы языка благожелательности»¹⁸ и, соответственно, предполагает: 1) знание разветвленной системы адыгских стандартов благожелательности, 2) понимание условий их использования, 3) применение определенного набора речевых клише, предписанных для конкретных ситуаций. Краткий перевод «сказать хорошее, доброе слово (по какому-л. поводу)»¹⁹ является гиперонимичным и не охватывает всего комплекса значений, которые включаются в адыгскую ФЕ **адыгэбзэ жыӀэн**. В соответствующей коммуникативной ситуации недостаточно сказать какие-то приятные слова, они, как правило, должны основываться на заданных речевых стандартах, приуроченных именно к данной ситуации.

Таким образом, замещение или компенсация адекватными ФЕ или словосочетаниями в ПЯ абсолютных лакунарных ФЕ с компонентами **адыгагъэ**, **адыгэбзэ** невозможно без развернутого лингвокультурологического комментария.

Источником лакунарных единиц являются и этикетные речевые формулы – фразеологизированные устойчивые сочетания, воспроизводимые в определенных коммуникативных ситуациях. Аккумулируя многовековой опыт народа, основанный на его обычаях, образе жизни, традициях общения, отражая особенности культуры и психологии народа, его религиозные взгляды, неповторимый способ образного мышления, этикетные формулы представляют собой один из наиболее специфичных слоев языка.

Исследуя формы адыгских приветствий-благопожеланий, Б.Х. Бгажноков отмечает следующие факторы, способствующие появлению лакун в межкультурной коммуникации: 1) отсутствие или нетипичность ситуации, «провоцирующей» использование стандарта или атрибута общения (например, у абхазов специальные приветствия-благопожелания, адресованные человеку, который собирает виноград); 2) различная социальная и психологическая значимость одного и того же компонента; 3) различия в количестве и социальном качестве дифференциальных признаков ситуации, «учреждающих» особый стандарт или атрибут общения (пример: необычайно большое число приветствий у народов Кавказа)²⁰.

Так, лакунарными для русского языка являются кабардино-черкесские формулы приветствий: (51) **бохъу апщий** (приветствие, обращенное к пастуху), (52) **бов апщий** (приветствие, обращенное к пахарю в поле, пожелание изобилия), (53) **бысымфӀэхъу апщий** (приветствие, с которым гости обращаются к хозяевам дома), (54) **мафӀохъу апщий** (букв. доброго огня – приветствие человеку, сидящему у костра), (54) **пшэрыхъ апщий** и (55) **хьэкъужь апщий** (приветствия, обращенные к охотникам – пожелание удачи).

Таким образом, лакунарные фразеологические единицы являются экспонентами национально-культурной специфики и уникальности одного языка по отношению к другому. Они аккумулируют в себе информацию не только о культурных традициях народа-носителя языка, но и об особенностях его мировосприятия, о формах языковой концептуализации действительности. Использование различных способов лакунарной субституции (таких как: фразеологическое калькирование, развернутое описание с лингвокультурологическим комментарием, буквальный перевод, подбор фразеологического синонима или аналога и др.) позволяет с разной степенью приближения к оригиналу элиминировать лакуны в сопоставляемом языке, оставляя, однако, нерешенным вопрос о передаче культурной коннотации.

Примечания

1. Vinay J. Stylistique comparée du français et l'anglais / J. Vinay, J. Darbelnet. Paris: Didier, 1958. 331 p.; *Цит. по:* Шалифова О.Н., Савицкая Е.В. К вопросу о сущности языковых

- лакун // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1. С. 178–183.
2. *Марковина И.Ю.* Культура и текст. Введение в лакунологию / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. М.: Гэотар-Медиа, 2008. 144 с.
3. *Шалифова О.Н., Савицкая Е.В.* К вопросу о сущности языковых лакун // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1. С. 178–183.
4. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. С. 242.
5. *Матханова И.П.* Лакунарность в системе эмотивных средств русского языка // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2009. С. 40.
6. *Огуцова О.А.* К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: сб. научн. трудов. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1979. С. 10.
7. *Быкова Г.В.* Явление лакунарности на уроках русского языка в школе. Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2005. С. 79.
8. *Байрамова Л. К.* Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 22.
9. *Кумыкова Д.М.* Этнографические лакуны и способы их перевода // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Нижний Новгород, 2010. С. 216–218.
10. *Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А.* Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. трудов. Благовещенск, 2003. С. 55; *Быкова Г.В.* Лакуны как явление языка и речи // Филологические записки. Воронеж, 2000. Вып. 14. С. 187.
11. *Байрамова Л. К.* Указ. соч. С. 25.
12. *Кумыкова Д.М., Дзуганова Р.Х.* Стратегии элиминирования лексических лакун в двуязычном словаре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–4. С. 122–125.
13. *Хайруллина Р.Х., Ахмадеева А.У.* Фразеологическая лакунарность и факторы ее образования // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5; URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14913> (Дата обращения: 23.05.2017).
14. *Бэрбэч Б.Ч., Биццло Б.Ч., Ытлыж Б.Къу.* Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалтальэ. Налшык, 2001. 240 с. (Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Ч., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского словаря. Нальчик, 2001. 240 с.).
15. *Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик, 2013. С. 367.
16. *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1968.
17. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1999. URL: <http://ethics.kbsu.ru/index.html> (Дата обращения: 01.04.2017).
18. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов // Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 17.
19. Словарь кабардино-черкесского словаря. М.: Дигора, 1999. С. 22.
20. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии... С. 152.

D.M. Kумыkova

LACUNARITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE KABARDIAN-CIRCASSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

The article discusses the phenomenon of lacunarity in the field of phraseology of the Kabardian-Circassian and Russian languages. The author substantiates the distinction of concepts such as absolute and relative lacunarity. The main factors are characterized by the appearance of lacunar phraseological units. It is shown that lacunar phraseological units accumulate information not only about the cultural traditions of the people-carrier language, but also about the peculiarities of his perception of the world, about the forms of the language conceptualization of reality.

Keywords: lacunarity, lacunar units, inter-language lacunas, idiomatic units, intercultural communication.

М.Х. Токмакова

УЧАСТИЕ ГУ «СЕРДЦЕ» В ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена деривационным процессам в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка. Анализируются сложные слова с гу «сердце», определяются их основные структурные типы. Выявляются особенности и наиболее продуктивные способы образования сложных эмотивов с участием гу «сердце».

Ключевые слова: эмотивная лексика, деривационные процессы, гу «сердце», словосложение, структурные типы.

Слово гу «сердце» играет важную роль в адыгском сознании, культуре и в языке. Наличие большого количества устойчивых сочетаний, пословиц, поговорок, сложных слов с гу, широко используемых в речи, является одной из языковых особенностей кабардино-черкесского языка.

Особое место гу «сердце» занимает в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка, обозначая и выражая различные, как положительные, так и отрицательные, эмоции. Такая внутренняя направленность и обращенность к сердцу объясняется, по нашему мнению, адыгскими нормами поведения, всегда требовавшими подавления и маскировки эмоций¹. Являясь одним из «ключевых слов» адыгского культурного сознания², слово гу «сердце» активно участвует в деривационных процессах, пополняя эмотивную лексику кабардино-черкесского языка.

Одним из продуктивных способов создания слов в кабардино-черкесском языке является сложение основ, первым компонентом которых является слово гу «сердце». Продуктивность этого слова в идиоматичных сложных лексических единицах объясняется М.А. Кумаховым исторически сложившимся представлением адыгов о сердце, как о хранилище всех душевных сил и переживаний человека³. «Именно с сердцем связывалось психическое состояние индивида, совокупность его душевных склонностей и привычек, а также испытываемые им впечатления, ощущения и чувства»⁴.

Идиоматические сложные эмотивные слова с гу в кабардино-черкесском языке образуются главным образом путем лексикализации фразеологических сочетаний типа «гу «сердце» + глагол». Подобные образования являются в большинстве своем именами существительными: гуишх «ужас, страх», ср.: си гур ирихащ «он меня сильно испугал» (букв. «он вытащил мое сердце»); гукъеуэ «горе, печаль», ср.: и гум къеуащ «его огорчили» (букв. «его ударили по сердцу»); гукъутэ «горе, несчастье», ср.: си гур икъутащ «он (она) меня сильно огорчил» (букв. «он (она) мое сердце разбил»); гухъицI «горе, печаль, несчастье», ср.: и гур хъицIащ «он (она) огорчен, опечален» (букв. «его (ее) сердце убавилось, уменьшилось»); гуцыкI «отвращение, неприязнь», ср.: и гур цыкIащ «он разочаровался в ком-чем-л.»; гухэхъуэ «радость», ср.: и гур хохъуэ «он (она) радуется» (букв. «его (ее) сердце растет, увеличивается»); гуицIэгъу «сочувствие», ср.: си гур цIогъу «я сочувствую ему (ей)»; гуицтэ «испуг», ср.: уи гур маицтэ «ты пугаешься» (букв. «твое сердце пугается»); гуицIыхъэ «глубокое горе», ср.: ар си гум цIыхъащ «это меня глубоко огорчило» (букв. «это в мое сердце вошло»); гузагъэ «удовлетворение», ср.: си гур зэгъащ «я доволен» (букв. «мое сердце успокоилось»); гумызагъэ «беспокойный», ср.: си

гур загъэкъым «у меня сердце неспокойно»; гугъэзагъэ «удовлетворяющий», ср.: и гур егъэзагъэ «он (она, оно) приносит сердцу удовлетворение»; гугъэлынцI «раздражающий», ср.: абы си гур егъэлынцI «это заставляет меня злиться, нервничать» (букв. «это мое сердце обугливает»); гугъэпсэху «приносящий спокойствие», ср.: абы си гур зрегъгъэпсэху «это приносит мне спокойствие» (букв. «благодаря этому, мое сердце отдыхает»); гугъэзагъэ «удовлетворяющий кого-л.», ср.: си гур егъэзагъэ «успокаивает меня» (букв. «успокаивает мое сердце»); гурыхь «неприятный», ср.: ар си гур ирихьыркъым «это мне не нравится» (букв. «это неприятно моему сердцу»); гурыхь «приятный», ср.: ар си гу ирохь «он (она) мне нравится» (букв. «он (она) нравится моему сердцу»); гуцIэгъу «жалость», ср.: абы си гур цIогъу «я жалею его»; гугъэжан «бодрящий, вдохновляющий», ср.: си гур егъэжан «меня вдохновляет (это)» и т.д. (Здесь и далее используются материалы Словаря кабардино-черкесского языка⁵).

Со сложными эмотивными словами типа «гу «сердце» + глагол» образуется много фразеологизмов⁶, например: гукъанэ «обида, недовольство» (гукъанэ хэлъу «с обидой»; гукъанэ хуцIэн, гукъанэ цIын «обижаться»), гукъеуэ «печаль, горе» (гукъеуэм ихьын «чрезмерно предаваться горю, страданию»; гукъеуэм хэмыкIын «постоянно быть в беде, горе»), гуцIыхьэ «скорбь, горе, печаль» (гуцIыхьэ цыхьун «сильно печалиться по какому-л. поводу»), гурыхь «неприятный» (гурыхь цыхьун «показаться неприятным кому-л.»), гурыхь «приятный» (гурыхь цыхьун «прийтись по душе, понравиться»), гуцIэгъу «жалость» (гуцIэгъу хуэцIын «жалеть кого-л.»), гуапэ «сердечный, теплый, ласковый» (гуапэ хьун «испытывать чувство удовлетворенности; радоваться чему-л.»), (и) гуапэ цIын «сделать кому-л. приятное; обрадовать кого-л.»), гуныкъуэгъуэ «переживание, тревожное состояние» (гуныкъуэгъуэ иIэн «беспокоиться, тревожиться о ком-чем-л., за кого-что-л., из-за кого-чего-л.»), гуныкъуэгъуэ хэмыкIын «постоянно находиться в состоянии тревоги, беспокойства») и т.д. Большое количество фразеологизмов со словом гу «сердце» и широкий спектр обозначаемых ими эмоций делает возможным составление своих синонимических рядов⁷.

Сложным словам типа «гу «сердце» + глагол» и образованным от них устойчивым сочетаниям в кабардино-черкесском языке свойственна полисемантическая, где одно из значений или оба являются эмотивными: гузуз 1. «скорбно», 2. «трагически»; гукъеуэ 1. «печаль, горе», 2. «обида, недовольство»; гукъеуэ иIэн 1. «у него горе», 2. «обижаться»; гукъеуэ цIын 1. «опечалиться, огорчиться», 2. «обижаться»; гугъэтыс 1. «приносящий, дающий облегчение», 2. «вызывающий наслаждение, блаженство»; гунэс цыхьун 1. «угодить кому-л.», 2. «понравиться кому-л.»; гуныкъуэгъуэ етын 1. «обеспокоить, озаботить кого-л. чем-л.», 2 «обидеть кого-л.» и т.д.

Данный тип эмотивных сложных имен существительных посредством различных аффиксов может образовывать прилагательные и наречия с эмоциональным значением. Так, с помощью суффикса –ниэ, указывающего на отсутствие того, что обозначено производящей основой, образуются прилагательные: гукъеуэ 1. «печаль, горе», 2. «обида, недовольство» – гукъеуэниэ «беспечный, беззаботный»; гухэхуэ «радость» – гухэхуэниэ «безрадостный»; гуцIэгъу «сострадание, жалость» – гуцIэгъуниэ «бессердечный, безжалостный», гухэцIт «тревога, волнение» – гухэцIтениэ «безмятежный, бестрепетный, спокойный» и т.д.

Эмотивные наречия, в составе которых слово гу, образуются главным образом от имен прилагательных с соответствующим эмотивным значением с помощью суффикса –у: гурыхь «неприятный» – гурыхьу «неприятно»; гуапэ «сердечный, теплый, ласковый» – гуапэу «сердечно, ласково»; гухэцIтениэ «безмятежный, бестрепетный, спокойный» – гухэцIтениэу «спокойно, без тревог»; гухэцI «горе, печаль» – гухэцIу «горько, горестно»; гумыгъуэ «жалостливый» – гумыгъуэу «жалостливо, с состраданием» и т.д.

Следующим по продуктивности сложением основ с *гу* является тип «*гу* «сердце» + прилагательное»: *гуфIэ* «радость» (*гу* «сердце» + *фIы* «хороший»), *гужсьей* «паника» (*гу* «сердце» + *жсьей/жсьый* «маленький»)⁸, *гумыгьуэ* «жалостливый, сострадательный» (*гу* «сердце» + *мыгьуэ* «безрадостный, жалкий»). Ср. *гу* «сердце» и *зэв* «узкий» вместо ожидаемой сложной именной основы образуется основа глагола *гузэвэн* «беспокоиться»⁹. От сложных слов «*гу* «сердце» + прилагательное», как правило, образуются соответствующие эмотивные глаголы посредством аффикса *-н*: *гуфIэ* «радость» – *гуфIэн* «радоваться»; *гужсьей* «паника» – *гужсьейн* «тревожиться, паниковать»; *гумацIэ* «чуткий» – *гумэцIэн* «разволноваться, расчувствоваться, растрогаться» и т.д.

Малопродуктивно для образования эмотивов в кабардино-черкесском языке сочетание двух атрибутивных комплексов с редупликацией определяемого слова: *гухэпсыхэ* «сентиментальный» (*гу* «сердце» + суф. *-хэ*, указывающий на полное или частичное отсутствие того, что обозначено производящей основой (*гухэ* «слабый духом», «малодушный»)¹⁰ + *псэ* «душа» (наше предположение) + суф. *-хэ*), *гуишхпсэих* «страшный, жуткий» (*гу* «сердце» + *ихын* «вынуть» + *псэ* «душа» + *ихын* «вынуть»), *гужьгъэжъ* «затаенная злоба» (*гу* «сердце» + *жьы* «старый» + *-гъэжъ*), *гуейщей* «грустный, унылый» (*гу* «сердце» + *е* «зло» + *щей*) и т.д.

Путем прибавления суффикса *-гьуэ*, *-гъэ* к сложным основам «*гу* «сердце» + глагол» и «*гу* «сердце» + прилагательное» образуются следующие эмотивы: *гуцIэгьугъэ* «жалость, сострадание» – «*гу* «сердце» + *цIэгьу(н)* «жалеть» + *-гъэ*»; *гужсьейгьуэ* «страх, ужас» – «*гу* «сердце» + *жсьей* «маленький» + *-гьуэ*»; *гузэвэгьуэ* «несчастье, горе» – «*гу* «сердце» + *зэв* «узкий» + *гьуэ*»; *гуфIэгьуэ* «радость» – «*гу* «сердце» + *фIы* «хороший» + *гьуэ*» и т.д.

Следует упомянуть о сложных словах с *гу*, которые встречаются только в составе словосочетаний: *гуитIицхьитI* (*гуитIицхьитI хьун* «быть в нерешительности, колебаться») и образованные от него наречие *гуитIицхьитIу* «нерешительно», существительное *гуитIицхьитIыгъэ* «неуверенность, сомнение», глагол *гуитIицхьитIын* «колебаться, сомневаться»), *гушыкьу* (*гушыкьур гъэтIысын* «успокоиться, сорвать зло на ком-л.», *гушыкьур текьутэн* «обрушить гнев на кого-л.»), *гуцкIэцI* (*гуцкIэцI хьун (къэхьун)* «расстроиться, огорчиться»), *гуцхьэ* (и *гуцхьэм ешыкьылэн* «принимать что-л. близко к сердцу», и *гуцхьэр бэгын* «сильно понервничать», и *гуцхьэр кьутэн* «исстрадаться из-за чего-л.», и *гуцхьэр хэцIын* «сильно скорбеть»), *гуцыкI* (*гуцыкI хуэцIын* «испытать к кому-чему-л. чувство отвращения, неприязни») и т.д.

Таким образом, концепт *гу* «сердце», являясь неотъемлемой частью адыгской культуры, в общем, и эмотивной лексики, в частности, активно участвует в деривационных процессах кабардино-черкесского языка. Проведенный анализ сложных слов со словом *гу* «сердце», обозначающих и выражающих эмотивное значение, выявил их основные структурные типы. Наиболее продуктивным способом образования сложных имен с эмотивным значением в кабардино-черкесском языке, как показало наше небольшое исследование, является тип «*гу* «сердце» + глагол». Деривационные процессы, протекающие в эмотивной лексике, влияют на развитие всей лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка, поэтому они нуждаются в специальном исследовании.

Примечания

1. Токмакова М.Х. Слово *гу* «сердце» в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 1(19). С. 84.

2. Токмакова М.Х. Влияние культурных концептов на эмотивную лексику кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3(57). Ч. 2. Тамбов, 2016. С. 158.
3. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М.–Нальчик, 1964. С. 111.
4. Там же.
5. Словарь кабардино-черкесского языка. М., 1999. 860 с.
6. Токмакова М. Х. Проблемы эмотивной лексики кабардино-черкесского языка (на материале произведений А. Кешокова) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2009. Т. 15. № 4. С. 195–200; Токмакова М. Х. Некоторые вопросы эмотивной лексики в кабардино-черкесском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2008. № 4. С. 13–16.
7. Абазова М.М. Концепт *ghu* «сердце» в синонимических фразеологизмах кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 4(58). Ч. 2. Тамбов, 2016. С. 62–64.
8. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977. С. 116.
9. Там же.
10. Там же. С. 120.

М.Н. Tokmakova

**PART *GHU* «HEART» THE DIVERSION PROCESSES
EMOTIVE LEXIS KABARDIAN LANGUAGE**

The article is devoted derivational processes in emotive lexicon Kabardian language. Analyzes the compound words with *ghu* «heart», are defined by their basic structural types. Peculiarities and most productive methods of forming complex emotive involving *ghu* «heart».

Keywords: emotive vocabulary, derivational processes *ghu* “heart”, compounding, structural types.

Л.Х. Махиева

К ПРОБЛЕМЕ АНТОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена закономерному и постоянному явлению карачаево-балкарской лексики – антонимии. Анализируются типы языковых антонимов – внутрисловные (энантиосемия) и межсловные, выражающие противоположную направленность. Освещается проблема энантиосемичных лексических и фразеологических единиц в системе языка и в процессе их функционирования в речи.

Ключевые слова: антонимия, противоположность, объективная основа, парные корреляции, внутриязыковая энантиосемия, номинативная и эмоционально-оценочная энантиосемия.

В современном карачаево-балкарском языке антонимия представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий. Противоположность, лежащая в основе антонимии, является многоаспектным явлением, и исходит не только из семантических свойств самих слов, а является языковым выражением объективных противоположностей. Как отмечает Р.М. Закирова, «объективную основу антонимов составляют объективные и прагматические (образные) противоположности: обе являются реальными»¹.

В исследуемом языке антонимы, как правило, относятся к одной части речи и образуют парную корреляцию. Однако это не значит, что то или иное слово может иметь один антоним. Антонимические отношения позволяют выражать противопоставление понятий и в многочисленном ряду. Они отражают существенные различия между однородными предметами, явлениями, признаками, процессами.

Различия между антонимами носят контрастный, взаимоисключающий характер. Например, значение прилагательного **ариу** «*красивый*» является предельным отрицанием значение слова **эриши** «*некрасивый, безобразный*». В антонимические отношения вступают лишь слова, соотносительные по какому-либо признаку – качественному, количественному, временному, пространственному и принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия. Ср.: **кён** «*много*» – **аз** «*мало*», **эрттенликде** «*утром*» – **ингирде** «*вечером*» и др.

Безусловно, антонимия характерна для различных частей речи. Но она особенно ярко проявляется в именах прилагательных. Этому способствует широта семантического диапазона прилагательных, разнообразие оттенков их значений. В зависимости от лексических значений среди антонимов – прилагательных карачаево-балкарского языка различаются слова, выражающие: психологическое состояние человека: **акьыллы** «*умный*» **тели** «*глупый*»; качество предмета: **кьаты** «*твёрдый*» – **жумушакъ** «*мягкий*»; вкус, цвет: **татлы** «*сладкий*» – **ачы** «*горький*», **акъ** «*белый*» – **къара** «*чёрный*»; объем, меру предметов: **узу** «*длинный*» – **кьысха** «*короткий*»; температуру: **сууукъ** «*холодный*» – **жылы** «*тёплый*»; понятия, связанные с временными значениями **кюндюзгю** «*дневной*» – **кечеги** «*ночной*» и др.

Существует в исследуемом языке и внутрисловная антонимия – антонимия значений многозначных слов, или энантиосемия. «Явление энантиосемии известно в языкознании как один из типов антонимии, предполагающей развитие двух противоположных значений внутри семантической структуры слова»².

В карачаево-балкарском языке актуальность изучения явления энантиосемии определяется тем, что в исследуемом языке существует большое количество слов, способных совмещать в себе противоположные, антонимические значения в условиях определенной речевой ситуации или контекста. Энантиосемия как особый тип антонимии является самостоятельной лексико-семантической категорией, так как смежные с ней явления не обладают полным набором тех признаков, которые характеризуют энантиосемию.

Изучение лексической и фразеологической энантиосемии и особенности их функционирования в карачаево-балкарском языке способствует выявлению наиболее общих закономерностей их употребления и развития. Для этого языка характерна как внутриязыковая, так и межсловная энантиосемия. При внутриязыковой энантиосемии противоположные значения существуют в разных вариантах в пределах только одного языка. Межсловные – разные слова, значения которых противопоставлены друг другу. Например, **жаш** «молодой» – **къарт** «старый», **эр** «мужчина» – **къатын** «женщина», **сууукъ** «холодный» – **жылы** «горячий» и др.

По функциональным характеристикам энантиосемию в карачаево-балкарском языке можно разделить на *номинативную* и *эмоционально-оценочную*³.

Номинативная энантиосемия характеризуется тем, что энантиосемы обозначают противоположные значения одного и того же слова, раскрывают их логико-семантические особенности. Главным отличием номинативной энантиосемии является то, что она не выражает эмоции и не даёт какую-либо оценку. Например, прилагательное **багъасыз** имеет два противоположных значения: «не имеющий никакой цены» и «имеющий очень высокую цену». В карачаево-балкарском языке полярность значений выражается и в наречиях. Например, наречие времени **замансыз** может обозначать «очень рано» и «очень поздно».

Значение противоположности может выражаться в слове как результат специфического употребления. Например, употребление слова **баям** «наверно», с одной стороны, как вводного слова, а, с другой стороны, как прилагательного, привело к развитию в данном слове противоположных значений **баям** «видимо, вероятно» и «точный, известный».

Противоположность значений может выражаться и среди слов, относящихся к разным лексико-грамматическим разрядам. Например, наречие времени **къуру** со значением «постоянно, всегда» может противопоставляться частице **къуру** со значением «только, лишь».

При *эмоционально-оценочной энантиосемии* в исследуемом языке противоположный смысл появляется в слове как результат различной оценки действия, признака и т.д., то есть способствует образности и выразительности речи. «Одна и та же лексическая единица может выражать противоположные, т. е. антонимические, значения в условиях определенной речевой ситуации или контекста»⁴. Данная «внутрисловная антонимия» выражается в карачаево-балкарском языке не корневыми или аффиксальными морфемами, а самим контекстом, где слова употребляются в противоположных значениях. При данной энантиосемии противоположность наблюдается не предметная, понятийная, а коннотативная, то есть в основе противопоставлений лежит полярзация эмоций, чувств и оценок⁵. Например, слово **ит** «собака» в зависимости от контекста оценивается положительно или отрицательно. Данное слово может употребляться, когда речь идет о человеке, который силен в чем-либо, и в качестве бранных слов. Ср.: *Итлукъ таматасына тюз да жумуш итип келген ит* иесине къарагъанча, къарады (Тёппеланы А.) «Итлук посмотрел на хозяина, словно **собака**, выполнившая команду хозяина». *Намысы – къылыгъы болмагъан ит*, неле жанишай тураса сен былайда (Тёппеланы А.) «О чём ты говоришь, невоспитанная **собака**?».

Отметим, что многие энантиосемы в карачаево-балкарском языке содержат оценочные компоненты **иги** – **аман** «хорошо – плохо», **тюз** – **терс** «правильно – неправильно» и т.д.

Оценка положительная или отрицательная наблюдается и в зависимости от порядка слов в предложении. Например: *Сен манга бек керек эдинг* «Ты мне очень нужен» и *Бек керек эдинг сен манга* «Очень ты нужен мне».

Эмоционально-оценочная энантиосемия возникает и при определенном интонационном оформлении предложения. *Окъу, Ахматча болма хомух.* «Учись, не будь ленивым, как Ахмат». *Окъу Ахматча, болма хомух.* «Учись, как Ахмат, не будь ленивым».

Как показывает анализ эмоционально-оценочной энантиосемии в карачаево-балкарском языке, противоположность значения может возникать в зависимости от желания говорящего придать дополнительную экспрессивность своей речи, при которой положительная или отрицательная оценка выражается в зависимости от намерений говорящего.

Появление энантиосемии можно наблюдать и в некоторых фразеологических единицах карачаево-балкарского языка. М.З. Улаков выделяет наряду с другими способами выражения антонимических отношений внутри фразеологии и омонимичные фразеологические антонимы и отмечает, что «фразеологическими антонимами могут быть фразеологические единицы, совмещающие в себе противоположные значения при сохранении внешней формы»⁶. По его мнению, фразеологизмы: *аты халкъны ауузунда жюрюйдю* имеет два противоположных значения «служит предметом похвалы» и «служит предметом осуждения».

Отметим, что для карачаево-балкарского языка характерно присутствие не только внутриязыковой, но и межъязыковой энантиосемии. Данный вид энантиосемии возникает как результат заимствования двумя разными языками нейтрального значения слова, которое развивается и выражается двумя родственными языками в виде двух противоположных значений.

По нашим наблюдениям, в исследуемом языке энантиосемичные оппозиции встречаются среди разных частей речи, а чаще – среди прилагательных и наречий, в семантике которых присутствует степень качества, времени. Ср.: *багъасыз* «не имеющий никакой цены» и «имеющий очень высокую цену», *залим* (прям.) «злой» и *залим* (перен.) «очень хороший», *замансыз* «очень рано» и «очень поздно» и др.

Анализ фактологического материала показывает, что энантиосемия является устойчивым развивающимся явлением в языкознании, совершенно новым направлением в изучении многозначности и полярности одного и того же слова.

В заключении следует отметить, что несмотря на серьезные достижения карачаево-балкарского языкознания, лексикография продолжает оставаться наименее изученным его разделом⁷. Ждут своего составления словари паронимов, регионализмов, неологизмов, культуры речи и др. Накопив определенный теоретический и практический опыт по лексикографии исследуемого языка, специалисты активно продолжают готовить востребованные носителями языка и учеными-тюркологами работы. Появление словаря антонимов в карачаево-балкарском языке имеет большое практическое и научное значение⁸.

Примечания

1. Закирова Р.М. Антонимы в татарском языке (лексико-грамматические, семантические и стилистические особенности употребления): автореф. дисс. на соис. уч. степ. канд. филол. наук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 5.

2. Токмакова М.Х. Энантиосемия в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Международная научно-методическая конференция «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в международной коммуникации 21 века: когнитивно-концептуальные аспекты». Пятигорск, 2008. С. 172.

3. Махиева Л.Х., Карова Т.Д. Энантиосемия в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2014. № 5(61). С. 236.

4. Дудников А.В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1990. С. 415.
5. Махиева Л.Х., Карова Т.Д. Энантиосемия в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2014. № 5(61). С. 237.
6. Улаков М.З., Газаева Ф.В. К вопросу о фразеологической антонимии в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2010. № 6(38). Ч. 2. С. 125.
7. Улаков М.З., Махиева Л.Х. Опыт практической лексикографии карачаево-балкарского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2015. № 1(24). С. 75.
8. Гузеев Ж.М., Махиева Л.Х. Словарь антонимов карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 272 с. (на балк. яз.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/izdat/ebibl/antonimi.pdf>

L.H. Mahiyeva

AT THE PROBLEM OF ANTHONOMY IN MODERN KARACHAYEVO-BALKARIAN LANGUAGE

The article is devoted to the regular and constant phenomenon of Karachai-Balkar vocabulary – antonymy. Types of linguistic antonyms – intrasloving (enantiosema) and interlanguage, expressing the opposite direction are given. The problem of enantiosemic lexical and phraseological units in the system of language and in the process of their functioning in speech is discussed.

Keywords: antonymy, contrast, objective basis, paired correlations, intralinguistic enantiosema, nominative and emotional-evaluative enantiosema.

А.М. Готов

РЕАЛЬНОСТЬ И МИСТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

На примере анализа цикла из песни и предания о князе Амфоко Тосултанове рассматривается проблема правды и вымысла в историческом фольклоре адыгов. В частности, отмечается, что чудесный элемент в цикле из песни и предания может восприниматься не как результат художественного отражения, а как часть реальности.

Ключевые слова: исторический фольклор, эзотерические знания, оборотничество, метемпсихоза, реликтовое мировосприятие.

Хрестоматийное положение о том, что в основе произведений, относимых к понятию *исторический фольклор*, лежит или может предполагаться какое-либо реальное событие, не исключает присутствия в историко-героическом цикле элементов фантастического плана. Так, в адыгских сказаниях об Андемиркане герой встречается с удавом, который затем превращается в человека с посохом, а впоследствии оказывается духом-джинном¹. В другом сказании цикла тот же герой встречается с языческим божеством, покровителем кузнечного ремесла Тлепшем, который также обладает способностью перевоплощаться². Героя другого эпического цикла, Глежрикопша, похищают или зазывают к себе белые духи-джинны и привлекают его к участию в их войне с черными джиннами, поскольку согласно полученному предсказанию, это необходимое условие для победы воинов добра над силами зла³. Подобного рода случаев в адыгских песнях и преданиях исторического характера сравнительно немного, но, как явствует из приведенных примеров, они все же имеют место. Один из таких циклов представляют песня и предание о князе Анфоко Тосултанове. Они дошли до нас в единственной записи, опубликованной К.М. Атажукиным в 1872 г. в «Сборнике сведений о кавказских горах» (ССКГ)⁴; перепечатка – «Фольклор адыгов в записях и публикациях...»⁵. Поскольку архив просветителя не сохранился, мы не имеем ни текста на языке оригинала (публикация – на русском языке), ни сведений об исполнителе, времени и месте записи. Но, судя по стилю, русскоязычный вариант предания аутентичен настолько, насколько, видимо, это было возможно сделать в изложении на ином языке. Перевод песенного текста, как характерно для многих дореволюционных записей, страдает излишним буквализмом, что выразилось в стремлении передать семантические особенности каждого слова и даже его части, и это иногда значительно затрудняет восприятие. Как можно полагать по имеющимся сведениям, цикл имел локальное хождение, он не имел широкой географии бытования. Но сам факт того, что он зафиксирован, причем в довольно полном варианте, свидетельствует о его былой устойчивости, благодаря чему он все же существовал в устном исполнении.

Сюжет сказания незатейлив, в то же время его центральные мотивы нельзя отнести к числу популярных. Князь Анфоко вместе с сопровождающими его наездниками побывал с визитом у своего доброго друга, правителя одного из племен в Дагестане. На обратном пути партия во главе с князем вознамерилась пополнить полученные от гостеприимных хозяев подарки, устроив набег на мирных жителей в том же Дагестане. Но, даже не успев чего-либо предпринять и даже выбрать объект нападения, горе-наездники сами оказались в плену. Между тем в Кабарде

близкие князя и его спутников, обеспокоившись их долгим отсутствием, отправились на поиски. Но ни разъезды, ни расспросы не привели ни к чему. Не имея достоверных сведений о том, каким еще образом можно было бы искать пропавшую партию, они вспомнили, что в роду *Жанбиковых* ранее были кудесники, обладавшие оккультными знаниями и способностью перевоплощаться, благодаря чему могли отыскивать любую пропажу. Обратились к единственному представителю этой фамилии. Тот согласился помочь, для чего велел сделать следующее: выстроить прямо над ним срубный домик с единственным узким отверстием сверху, а затем в течение пятнадцати дней ожидать его, никого не подпуская к этому домику и самим ни в коем случае не заглядывая внутрь. После этого требовалось разобрать сруб. Всё было выполнено как он сказал, и когда в условленный день, по истечении срока, люди разобрали бревна домика, они обнаружили *Жанбикова*, лежащего на земле совершенно обессиленным. Придя в себя, он поведал собравшимся, что, превратившись в воробья, он облетел многие земли и после долгих поисков наконец обнаружил незадачливых наездников в плачевном состоянии в плену у одного из дагестанских племен.

Не находя других способов для вызволения князя и его спутников, кабардинцы в отчаянии решились на унижительный для них поступок – выкупить пленников и собрали для этого со всего общества приличное состояние. Перевели всё собранное в золото и драгоценности и снарядили компанию в Дагестан. Однако человек из рода *Халишховых*, которому было доверено везти драгоценности, почитал постыдным выкупать столь достойных людей за плату, словно рабов или животных. Поэтому он незаметно для других спрятал золото в надежном укрытии, а по прибытии на место заявил своим спутникам, будто потерял ношу в пути. Тем самым он поставил партию перед выбором: или возвращаться ни с чем, или же искать иных и более достойных путей для спасения пленников. Такой способ был найден, хотя и с большим риском, благодаря тому же *Халишхову*. Когда, наконец, князь *Амфоко* и его спутники были вызволены и компания возвращалась домой, гордый хранитель драгоценностей извлек из тайника собранное для выкупа золото и в полной сохранности возвратил его обществу. В знак признания того, что благодаря ему кабардинцы избежали позорной для них процедуры выкупа своего князя, было решено увековечить его имя, назвав один из ближайших курганов *Халишхов курган*. Песню-сетование же сложили сами участники неудавшегося набега, еще раньше, будучи в плену.

Так объясняется в предании появление данного цикла: песня была сложена в неволе и исполняется от лица пленников, а предание последовательно охватывает события, происшедшие как до ее возникновения так и после этого. Как это характерно, основной способ построения предания – изложение событий в их естественной временной последовательности, а песня не придерживается выраженного событийного ряда и является не столько информативной, сколько оценочно-эмоциональной.

Содержание нарратива можно условно разделить на две части: «реалистическую» и «эзотерическую». Первую и наиболее обстоятельную образует основная сюжетная линия – *поездка князя с сопровождающими всадниками, плен, вызволение из плена и благополучное возвращение домой*. В лицах и предметах она представлена следующим перечнем: *Амфоко Тосултанов, Дагестан, Дербент, Терек, страна кайтаков, кайтаки, тюрьма, кабардинцы, Халишхов*. Вторая часть – это превращение кудесника в воробья, поиски им пропавших наездников и установление места их нахождения. Предметный ряд образуют сам *кудесник, срубный домик, воробей*. Связующим звеном между двумя этими рядами является фигура *Жанбикова*. С одной стороны, это личность, типичная для персонажа предания, с другой – он обладает эзотерическими способностями, то есть в фольклорном тексте его образ может толковаться как плод воображения. Есть в предании еще

один элемент, иносказательно повторяющий модель второй части. Это – момент обнаружения наездников, выдавших свое присутствие проделкой с комаром: при посредстве летающего существа, комара, партию обнаруживают противники, при посредстве другого летающего существа, воробья, кабардинцы находят ее же.

Прямых свидетельств подлинности описываемых событий документально не сохранилось. Но удивительно, что косвенные подтверждения правдивости повествования обнаруживаются сравнительно легко, поскольку до настоящего времени реальными остаются многие личные и фамильные имена, топонимы, этнонимы из названного выше предметного ряда. Это не только такие относительно общие имена как Кабарда, Дагестан, кайтаки и т. п. Автор настоящей статьи имел случай встретиться и познакомиться с интересной личностью, подполковником ВД в отставке *Жамбиковым Владимиром Хизировичем*. Зная о фонетической закономерности чередования звуков *-м-* и *-н-* в определенной позиции, было несложно предположить вероятную идентичность фамилий *Жамбиков* и *Жанбиков*. Однако, особо не надеясь на положительный ответ (уж слишком далек был род его профессиональной деятельности от всяких мистических явлений), мы на всякий случай спросили, не известно ли ему о случаях обладания кого-либо из представителей его фамилии такими способностями как ведовство, магия, врачевание. На это неожиданно для нас прозвучал утвердительный ответ, хотя конкретные примеры собеседник не стал приводить. Однако наша информация о том, что в свое время мы перепечатали из дореволюционного издания предание о злключениях князя Тосултанова и о роли некоего Жанбикова в его спасении, однозначно оживила собеседника. В следующую встречу В.Х. Жамбиков предоставил по нашей просьбе довольно интересные записки⁶. Судя по его информации, многие детали предания и достоверные сведения, которые известны ему, связывают описанные события с современным селом Аргудан Лескенского района Кабардино-Балкарии, откуда он сам родом и где издавна живут представители его фамилии. В пользу этого приводятся следующие аргументы. Согласно достоверным документальным сведениям, носители фамилий *Жамбиковых*, а также и *Халишковых*, упоминаемых в предании, до настоящего времени проживают в этом селении; на территории названного селения сохранился и курган, носящий название *Курган Халишковых*. Всё это зафиксировано независимо от нас другим автором⁷. К.М. Атажукин ошибочно дает справку, что курган с таким названием «находится между реками Баксаном и Чегемом»⁸; это, вероятно, объясняется тем, что запись производилась не в самом селении Аргудан, и собиратель, лично не посетивший эту местность, мог не знать точного расположения кургана, каковых в Кабарде немалое число. Также документально отмечается, что уздени Жамбиковы были в подданстве у князей *Кайтукиных*⁹, чья фамилия упоминается в песне цикла о князе Анфоко. Как пишет автор записки, по рассказам старейшин, род Жамбиковых был и вправду известен своими кудесниками. Они, как он написал, «обладали даром перевоплощаться в птицу и, облетая округу, обнаруживать отбившийся табун лошадей или любую другую потерю». Далее Владимир Хизирович отмечает, что согласно поверьям, знакомым ему с детства, у их семьи был свой дух-покровитель, и он сам хорошо помнит, как его бабушка регулярно выносила на ночь во двор часть приготовленной в доме пищи – для умиловливания духа. Местом его обитания летом был, видимо, приусадебный участок с плодоносящим фруктовым садом, поэтому «...многие мальчишки боялись забираться туда, зная, что Жамбиковы узнают о них». На зиму дух-покровитель перебирался на чердак жилого дома, и без особой нужды «...нам не разрешалось подниматься туда, чтобы не беспокоить его. Никто в этом не сомневался».

Сведения о самом князе Амфоко несколько разноречивы. В родословной кабардинского княжеского рода *Татлостан* (*Тальостэн*, в русском написании – *Татултановы* или *Тосултановы*) упоминаются несколько лиц с данным именем. Старший из них – Анфоко Шолохович, живший в первой половине-середине

XVII в. (VIII поколение от князя Инала, родоначальника кабардинских князей)¹⁰. В следующем поколении упоминается Анфоко Сурбекович (Согурбекович), годы жизни которого приходятся на середину-вторую половину XVII в.¹¹. В XII поколении представлены два лица с данным именем – Амфоко, внук Талостана Идарова (имя отца не установлено) и Амфоко Кончоков¹²; оба они упоминаются в документах середины XVIII столетия. Полагаем, что прототипом фольклорного героя мог стать, любой из названных, хотя по упоминанию имени *Кайтуко* предпочтение можно отдать внуку Татлостана Идарова: это имя неслучайно фигурирует в песне, ибо фамилия Жамбиковых связана вассальными отношениями именно с этой ветвью княжеского рода, а судя по родословной кабардинских князей, у Амфоко имеется двоюродный брат – *Кайтуко, сын Ахло Татлостановича*¹³. Есть вероятность того, что в устном бытовании, по мере оттеснения сугубо утилитарной функции комментария к песне и обретения большей художественной значимости, предание могло отойти от принципа полной правдивости повествования, что характерно для жанра. В результате образы стали более собирательными, подчиненными стандартам фольклорной типизации. При этом подлинные имена могли сохраниться, но – обозначая не конкретных исторических личностей, а обобщенные типы.

Вотчина князей Татлостановых / Тосултановых традиционно располагалась в юго-восточной части Кабарды, по обе стороны Терека. Долина Аргудана была на границе между их владениями и землями князей Жамботовых, поэтому можно предполагать, что в разное время эта территория была за Тосултановыми, а впоследствии отошла к Жамботовым. Контакты с Дагестаном были для них и их подданных не просто вероятными, но и традиционно устойчивыми по причине относительно близкого соседства. Сюжет сказания, несмотря на тривиальность самой ситуации, довольно оригинален. С одной стороны, совершение набега с целью обретения чужого добра – достаточно типичное явление для отношений в раннесредневековом и средневековом обществе. На Кавказе это было доведено до своеобразного искусства, положительно оценивавшегося при определенных обстоятельствах благодаря тому, что добытое с риском для своей жизни добро наездники никоим образом не присваивали себе, а раздаривали подданным и даже случайным встречным, создавая о себе славу бесстрашных и щедрых удалцов. Но, с другой, участие кудесника в поисках пропавшей партии наездников, хлопоты по сбору средств для ее вызволения из плена, поступок одного из участников «экспедиции по спасению», а также сам способ вызволения – всё это оригинально по форме конкретной объективации мотива. Ни один из центральных мотивов данного сказания – пленение партии наездников, эзотерический способ их отыскания, их вызволение при помощи не оружия, а хитрости – не имеет аналогов в арсенале сюжетов и сюжетных ходов в адыгском историческом фольклоре. Насколько они характерны для духа рыцарства, настолько же и оригинальны по своей форме объективации.

Способность к метаморфозе в рассматриваемом предании несколько отлична от той, которая отмечена в нартском эпосе и даже в упомянутом нами историко-героическом цикле Андемиркана. В древнем эпосе и сказке данный мотив представлен чаще всего как превращение героя в результате воздействия его антагониста: обладатель чудесного орудия (чаще всего это плеть) при его посредстве превращает всякое существо в любое иное по своему произволу¹⁴. То же видим и в волшебной сказке, откуда, вероятно, данный мотив вошел в эпос¹⁵. Этот универсальный фольклорный мотив стал основой известного романа античного писателя Апулея «Метаморфозы»¹⁶. В отличие от архаичной схемы, в цикле Андемиркана активность проявляет сам субъект: он волен по собственному усмотрению принимать тот или иной облик¹⁷. в нашем же предании субъект превращается сам, но при этом не в любое по выбору (как в нартском сказании или сказке), а только в одно существо – в воробья, причем эта процедура содержит элемент таинства.

Описание превращения или оборотничества юноши из рода Жамбиковых больше напоминает реинкарнацию, чем метаморфозу. О том, каким образом

человек превращается в птичку и вновь принимает собственный облик, сообщается только словами самого героя. Но надо принять во внимание, что непременным условием является полная и строжайшая изоляция Жанбикова на весь цикл превращения и возвращения (требуется соорудить над ним сруб с единственным отверстием наверху, в течение определенного времени строжайше запрещается кому-либо приближаться к срубам и заглядывать внутрь), а также состояние транса, сопровождающее его возвращение, когда через условленное время разбирают домик, герой лежит совсем обессиленный, и требуется, чтобы он медленно пришел в себя. Все это указывает на то, что не человек превратился в воробья (произошло не телесное перевоплощение), а его душа покинула тело и вселилась в воробьиное. Тело же, покинутое духом, остается замурованным в срубном домике. Приняв это, мы поймем, почему процедура должна происходить с сопутствующими запретами, а также почему тело героя по завершении таинства лежит бездыханным – в него только что возвратилась душа, и ей требуется время для адаптации. Метемпсихоза – явление в адыгском фольклоре редкое, в эпосе оно отмечено, насколько нам известно, всего в одном сказании – о нартском кузнеце Тлепше¹⁸ и, что примечательно, оно почти ни в одном из доступных нам материалов не использовано в качестве художественного приема. В нашем сказании данный прием вписан в такой «реалистический» по своей сути ряд как история, происшедшая с реальным историческим лицом, представителем известного княжеского рода Тальостэн (Толустановых). При этом подлинными или максимально приближенными к тому являются и другие ключевые персонажи повествования – Жанбиков / Жамбиков и Халишхов; достоверность повествования призвано подтвердить существование до настоящего времени и этих фамилий, и Кургана Халишховых в селении Аргудан, на территории бывшей вотчины князей Толустановых / Татлостановых / Таусултановых. Все это подтверждается сведениями, полученными в наше время. Особенный интерес у нас вызвало сообщение В.Х. Жамбикова, человека, который по своему образованию (высшее юридическое) и роду деятельности далек от художественной фантазии, о его встрече с 80-летним односельчанином Мулидом Катинковым, который при встрече приветствовал его несколько странной фразой: «Ты, Владимир, приехал так своевременно, что можно подумать, будто превратился в птичку Жамбиковых, как в старину, и прилетел». На вопрос о том, что означают его слова, старик ответил, что всю взрослую жизнь был табунщиком, и когда случалась какая-либо пропажа, старшие сетовали на отсутствие кого-либо из Жамбиковых, способных превратиться в птичку и, облетев округу, быстро найти пропажу. Это не оставляет сомнений в том, что вся история князя Амфоко воспринималась носителями фольклорной традиции исключительно как правдивое повествование, а вера в эзотерические способности людей из рода Жамбиковых сохранялась еще в недавнем прошлом.

Проф. И.А. Бескова, рассматривающая эзотерику в эпистемиологическом плане, предлагает термин «реликтовое мировосприятие», имея под этим в виду не фантастические представления, а природные способности древних людей, утраченные в результате эволюции и оставшиеся у некоторых отдельных людей или групп в форме эзотерических знаний и умений. «Взаимодействие человека технократической культуры с миром таково, что подобного рода возможности кажутся нам мистическими», – отмечает она¹⁹. Причину этого ученый видит в том, что восприятие явлений действительности органами чувств у обычного человека происходит не в полном объеме, а в определенном диапазоне волн. У людей, обладающих эзотерическими знаниями и умениями, этот диапазон шире, и это может иметь следствием ведовство, одна из разновидностей которого отмечается в рассмотренном сюжете.

Художественное творчество и действительность – одна из вечных проблем теории искусства. Как можно судить, она не может быть решена путем выведения универсальной закономерности, поскольку в каждом конкретном случае есть свои

особенности, заслуживающие внимания со стороны как читателя или слушателя, так и исследователя. Как можно судить, в данном случае мы имеем дело с бесспорным проявлением эзотерического знания не как художественного приема, хотя речь идет о фольклоре как словесном искусстве, а как части реальной действительности. Это, однако, неспособно низвести предание до уровня достоверной информации. Поэтому в подобных случаях резонно вести речь о неявно выраженном, неосознанно художественном творчестве. Последнее в большей степени обнаруживается в песенной части цикла.

Примечания

1. Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Налшык: Эльбрус, 1969. Т. II. Н. 310–311.
2. Там же. Н. 306–307, 315–317.
3. Гутов А.М. Материалы к изучению традиционного адыгского фольклора (Экспедиция 1978 г.). Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 127–154.
4. Атажукин К. Кабардинская старина. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 64–70.
5. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Нальчик: Эльбрус, 1988. Кн. 2. С. 192–197.
6. Личный архив автора. Материал на 4 страницах формата А–4, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5.
7. Гедгафов Б.М. Аргудан. История селения (XVII–XX вв.). Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 158–162, 176–177, 244, 247, 306, 540.
8. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Нальчик: Эльбрус, 1988. Кн. 2. С. 196.
9. Налоева Е.Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник. Генеалогическая карта № V; Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик: Печатный двор, 2015. С. 196.
10. Там же. С. 196–197.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Нарты. Адыгский эпос. Первый том. Ранние циклы эпоса. Сосруко. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 341–346.
15. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. С. 117; АА 315*В = К 568.
16. Анулей. Метаморфозы или Золотой осел. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 349–544.
17. Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Т. II. Н. 310–311.
18. Лъэпшгъы идьшгъэ кIуун. Нарты. Адыгский эпос. Т. I. Ранние циклы эпоса. Сосруко. Нальчик: Тетраграф, 2012. С. 107–109.
19. Бескова И.А. Язык символов как эпистемиологический феномен. – Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 138.

A.M. Gutov

REALITY AND MYSTICISM IN THE HISTORICAL FOLKLORE

The analysis of the cycle of songs and stories about the Duke Amphoco Tausultanov deals with the problem of truth and fiction in the historical folklore of the Circassians. In particular, it is noted that the miraculous element in the cycle of songs and stories might be perceived as the result of artistic reflection, but as a part of reality.

Keywords: historical folklore, esoteric knowledge, lycanthropy, reincarnation, relict worldview.

Х.И. Баков

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДЫГСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются вопросы состояния художественной критики адыгских литератур в контексте северокавказского литературного процесса. Затронуты также проблемы современной теории и истории литератур региона. Для научного разрешения данных проблем использован сравнительно-типологический метод исследования.

Ключевые слова: литературный процесс, теория литературы, глобализация, модернизм, диссертация, культурная революция, парадокс, критическая статья, текст, период.

В последние десятилетия литература народов России и наука о ней претерпели существенные изменения, многие из которых трудно отнести к положительным. Постсоветский период начался с разрыва общесоюзного литературного пространства. С арены ушли литературы народов Прибалтики, Закавказья, Молдавии, Украины, Белоруссии, с которыми почти прекратилась связь. В это время можно было еще сохранить эффективную систему организации литературного дела, созданную в советский период на уровне государства, ибо в Российской Федерации, правопреемнице СССР, остались Академия наук, куда входил Институт мировой литературы, который курировал научные исследования литератур народов, единственный в своем роде Литературный институт им. А.М. Горького, где шла «подготовка» поэтов и писателей. Во всех субъектах сохранились союзы писателей, научно-исследовательские институты, где обобщались вопросы развития региональных литератур. Несмотря на такие возможности, после распада СССР шло ослабление, говоря языком современных политиков, «вертикали власти» литературного строительства.

В настоящее время союзы писателей существуют в основном на бумаге, исчезли декады литературы и искусства в субъектах страны, на нет сошла переводческая работа, резко сократились тиражи и издания художественных книг, труд писателей обесценился до неприличия, изучение национальных литератур в школах не заканчивается обязательным экзаменом в рамках ЕГЭ.

При таком положении 2015 год был объявлен «Годом литературы», который сопровождался встречами писателей с читателями, юбилейными торжествами, в целях пропаганды русской классической литературы XIX в. чиновники, спортсмены, деятели культуры, артисты читали с экрана телевизора отрывки из романа «Война и мир» Л.Н. Толстого. Все это заслуживает внимания и оценки, но, образно говоря, год литературы «прошел без литературы», без существенных изменений в современном литературном строительстве. По-прежнему падает престиж профессии писателя, хотя мы ходим, если взять г. Нальчик, по улицам А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского, Л.Н. Толстого, Б.М. Пачева, К.Б. Мечиева, А.А. Шогенцукова, А.П. Кешокова, К.Ш. Кулиева и др.

Если в центре еще литература не совсем пришла в упадок, то в регионах ее масштабы и престиж вызывает тревогу. Здесь происходят и другие изменения, причины которых не совсем понятны до конца. В северокавказских республиках идет на убыль количество поэтов и писателей, создающих свои произведения на

родных языках титульных народов (на кабардино-черкесском, адыгейском, карачаево-балкарском, осетинском и т.д.), но зато растет число тех, кто пишет не на родном, а русском языке. Такая тенденция имеет место и в критике, и в литературоведении всех субъектов северокавказского региона.

Научные и критические статьи, диссертации, монографии создаются только на русском языке за редким исключением. Парадоксально, но даже исследования родных языков тоже ведутся на русском языке.

В постсоветский период политики, философы, ученые гуманитарного профиля, кормящиеся государством журналисты дружно поносят все, что было сделано огромной страной в прошлом, поделив многогранную и успешную деятельность государства на периоды Гражданской и Отечественной войн, период репрессий, а потом и застоя. При всем этом они умалчивают факты, которые стали основой невиданных успехов СССР в разных областях, в том числе и в культуре. Умышленно «забывают», что была повсеместно проведена в стране «культурная революция», аналогов которой не было в то время в мире. Особо это сказалось на судьбах народов национальных окраин бывшей Российской Империи, в число которых входят и народы северокавказского региона. Огромные силы и средства были брошены на ликвидацию безграмотности населения, на создание школ, вузов, библиотек, театров, выпуск газет, журналов, организацию издательств, выпуск учебной продукции, художественной литературы. Культура народа стала делом государства, и это дало поразительные результаты. За короткий исторический период у десятков народов, не имевших своей письменности до революции, появились талантливые поэты, писатели, драматурги. В северокавказском регионе это: Тембот Керашев, Али Шогенцуков, Алим Кешоков, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Езетхан Уруймагова, Хасан Аппаев, Халид Абуков и многие другие.

Наряду с художественной литературой шла эволюция всех составляющих науки о ней: история и теория литературы, художественная критика, хотя темпы их развития были разными. К сожалению, критика была и остается до сих пор «ахиллесовой пятой» литературного процесса. Теория литературы – наиболее устойчивая часть литературоведения, но и здесь произошли изменения в постсоветский период, одни из них носят позитивный характер, а часть – регрессивный. Положительным является то, что литературоведение отказалось от понятия «классовость», «партийность» литературы, возвращаются имена и творчество тех, кто были выкинуты из нее по политическим и идеологическим причинам. Литература зарубежных диаспор возвращается в школы и вузы. Все это можно считать позитивными явлениями, как и обращение некоторых ученых-литературоведов к различным школам, которые игнорировались в советский период как «буржуазные» учения.

Часто технические изобретения из Европы в Россию приходят с некоторым запозданием. Гуманитарные науки в СССР развивались, наоборот, опережая Европу, за исключением тех направлений, которые не укладывались в идеологию большевиков, поэтому «модернизм», «структурализм», «абстракционизм» и другие «измы» в нашей науке нашли место только как объект критики. Идеи разных школ и направлений в литературной науке приобрели «права гражданства» лишь в постсоветский период. Сейчас современные исследователи литератур народов Северного Кавказа имеют доступ к ранее закрытым источникам, к текстам запрещенных писателей, к результатам разных научных школ. В связи с этим резко обогатилась терминология литературоведческих понятий. Однако, следует отметить, что некоторые филологи стали злоупотреблять этой возможностью, заменяя вполне понятные и адекватные термины на новые, усложняя восприятие текста исследований. Особо это заметно в диссертационных работах последнего десятилетия.

Не все благополучно и в теоретических новациях в масштабе общероссийского литературного процесса, о чем свидетельствуют книги и учебники по теории литературы, количество которых убывает по сравнению с советским периодом,

когда издавались десятки трудов по теории, не говоря об учебниках по «Введению в литературоведение» и «Теории литературы». В последние годы свет увидел только один учебник для вуза (Хализев В.Е.), в котором автор пытается пересмотреть некоторые разделы теории в связи с изменениями в современном литературном процессе.

Есть существенные проблемы и в создании историй литератур народов Северного Кавказа. Во-первых, нет обобщающего исследования по литературе региона за последние несколько десятилетий. Во-вторых, истории отдельных национальных литератур в основном изданы в 60–70-е годы прошлого века. Обновление историй литератур народов Северного Кавказа в последние годы идет успешно лишь относительно адыгейской, балкарской, кабардино-черкесской, абазинской литератур. Это было отмечено на «круглом столе» «Опыт создания академического труда по истории литератур народов Северного Кавказа» под эгидой ИМЛИ, Союза писателей России и КБИГИ. По этому вопросу опубликована наша статья «К проблеме исследования истории литератур народов Северного Кавказа» в «Вестнике» Адыгейского госуниверситета¹.

Самым актуальным для современного литературного процесса по-прежнему остается вопрос функционирования художественной критики в регионе. Еще Н.М. Карамзин писал: «Хорошая критика – есть роскошь литературы: она рождается от великого богатства»². Действительно русская классическая литература XIX века стала источником хорошей критики, которую Карамзин назвал «роскошью литературы». Парадоксально, но этот тезис не работает в литературах народов Северного Кавказа, которая богата талантами (Т. Керашев, К. Хетагуров, А. Кешоков, Р. Гамзатов, К. Кулиев и другие). В адыгских литературах первые критики появились в 30-е годы. Среди них особое место занимал Джансох Налоев, человек образованный, знавший хорошо русскую литературу, организатор и первый председатель Союза писателей Кабардино-Балкарии. Свои критические статьи писал на русском языке, но знал творчество кабардинских и балкарских писателей того периода. В одно время он испытал влияние пролеткультовцев, отвергавших фольклор и традиции литературы прошлого, но после участия в съезде СП СССР, на котором А.М. Горький призывал собирать фольклор и учиться на нем, Дж. Налоев поменял свои взгляды по данному вопросу. Кроме того, критик рассматривал новую литературу с точки зрения диктата идеологии, но несмотря на это, он большое внимание обращал на вопросы художественного мастерства.

Долгое время в роли критиков в основном были сами поэты и писатели. Некоторые из них, как, например, Хачим Теунов, выступали одновременно как писатели, историки литературы и критики (Х. Теунов автор романа, повестей, рассказов, очерков и критических статей). С 20-х годов произведения молодых северокавказских поэтов и прозаиков в основном печатались на страницах национальных газет. К перечисленным выше профессиям необходимо добавить и журналистскую деятельность. Можно назвать десятки имен в каждой литературе региона, которые сочетали творчество, науку и журналистику. Но такой синкретизм не может продолжаться долго, ибо в мире интенсивно идет процесс разделения труда. Даже внутри отдельной науки идет специализация и разделение труда.

К сожалению, литературная критика до сих пор не обрела полной самостоятельности. Критика функционирует как дополнение к литературоведческой науке, она «оживает» эпизодически к юбилеям, к выходу каких-то значительных произведений. Между тем, ее роль должна возрастать в связи с тем, что в настоящее время читателю становится труднее ориентироваться в литературном процессе, когда художественные произведения выходят в свет без контроля их качества.

Глобализация наносит урон литературному процессу, на грани исчезновения многие языки. Как уже отмечено, в регионе все больше становится количество писателей, создающих свои произведения не на родном языке. Из-за слабости критики, именно они получают рекламу, а талантливые поэты и писатели, творящие на родных языках,

зачастую остаются в тени. Этому способствует и то, что переводческая работа, которой придавали важное значение в прошлом, сейчас сведена на нет. Государство не финансирует творческие организации, а меценаты не созрели до понимания роли культуры в обществе. В странах Запада литература и искусство поддерживаются благотворителями. Все это – объективные причины падения интереса к литературе и отсутствия настоящей критики. Однако есть и субъективная преграда в деле эволюции критики: у малочисленных народов Северного Кавказа чувства родства, знакомства не позволяют объективно оценивать произведения. Видимо, поэтому критика того или иного произведения зачастую сводится к перечислению удач автора с небольшим вкраплением «вместе с тем», за которым следует аккордная похвала и высокая оценка.

Науке о литературе следует обновить истории всех литератур народов Северного Кавказа, на основе которых необходимо создать общую историю литератур многонационального региона, которую ждут в школах и вузах. Как верно отмечал известный дагестанский ученый Г. Гамзатов: «Региональная история литературы – нечто большее, высшее, чем множество историй литератур, в ней – общий путь развития художественного сознания и словесного искусства народов региона в их типологическом и контактном суждениях, в генетическом родстве»³.

Есть еще одна существенная проблема, которая касается без исключения всех наук – это определение квалификации ученого посредством подготовки и защиты диссертаций. Во-первых, уже много лет у нас действует система двух диссертаций, ее рациональность вызывает большие сомнения. Во-вторых, написание, апробация, защита кандидатской и докторской диссертаций требует много финансовых затрат соискателя, научных учреждений, диссертационных советов, контролирующих, утверждающих органов государства, не говоря о том, что этот процесс с достижением квалификации отнимает лучшую часть жизни ученых, многие из которых становятся докторами наук перед выходом на пенсию. Часть из них осуществляют эту мечту, уже находясь на пенсии.

Немецкая пословица гласит, что всякое сравнение хромает. Тем не менее, следует сравнить методы определения квалификации ученых и других специалистов, например, водителя, инженера, госслужащих, силовиков, врачей, учителей и т.д., и станет ясно, что ученые находятся в невыгодных условиях. Для наведения порядка в данном вопросе нужны усилия самого государства, которое и создало эту не совсем удачную систему много лет назад. Сегодня требуются другие методы.

Примечания

1. Баков Х.И. К проблеме исследования истории литератур народов Северного Кавказа / Вестник АГУ. Майкоп, 2013. № 2. С. 142–147.
2. Литературная газета от 02.02.2011. С. 5.
3. Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 11.

H.I. Bakov

ON SOME PROBLEMS OF THE ADYGS LITERARY PROCESS

The article examines the state of art criticism Adyghe literature in the context of the North Caucasus literary question. Also touched upon the problem of the modern theory of literature and history of the region. To solve the problems of scientific data used comparative-typological study method.

Keywords: literary process, literary theory, globalization, modernism, dissertation, the Cultural Revolution, a paradox, a critical article, the text between.

И.А. Кажарова

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА АБДУЛА КУМЫШЕВА: ТИПОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ И ЕГО ГЕРОЯ

В статье освещается творчество адыгского писателя Абдула Кумышева. Рассматриваются основные этапы его биографии, выявляются художественные особенности юмористических произведений, вошедших в сборник «До лучших встреч!». Основное внимание уделяется приемам типизации пространственно-временного контекста и образа героя-рассказчика.

Ключевые слова: повествование, комическое, герой-рассказчик, время, место действия, прием, образ, тип.

В потоке публикуемой литературной продукции определяющая роль привычно отводится тем произведениям, которые в своей нацеленности на круг вечных вопросов способны вызвать живую реакцию современника и еще долгое время резонировать в пространстве культуры. Иные же, и таких всегда меньшинство, схватывают мимолетные черты сегодняшнего дня, – нечто подвижное и изменчивое, что пребывает на уровне житейской прозы. Они сосредоточены на проходящем. В художественном воплощении это не обнаруживает ни малейшей претензии на монументальность, и все же актуально тем, что в своем будничном характере тесно сращено с человеком. Данная категория произведений не стремится поднять человека над обыденностью, но способна вовлечь его в столь ценный для обретения внутреннего равновесия процесс по «...размягчению и распылению догматически отвердевшей угрюмой серьезности»¹.

Книга юмористических рассказов Абдула Кумышева (1941–2006) «До лучших встреч!» (1997) не была акцентирована ни в период ее появления, ни в последующие годы. В контексте обзорных исследований адыгской литературы имя Кумышева не фигурирует, тем более что к популярности он никогда и не стремился. Главной для него была работа педагога. Ей он посвящал себя, преподавая русскую и адыгскую словесность в школе родного селения Нижний Куркужин. В сочинительстве же сказывалась не столько потребность самовыражения, сколько органичная ему стратегия взаимодействия с миром. Читая рассказы, вошедшие в сборник «До лучших встреч!» нетрудно заметить, что простодушный и незадачливый герой Кумышева, как правило, раскрывается от первого лица и не ставит себя вне осмеиваемого явления. Его глазами мы видим реальность и вместе с ним проживаем те нелепые ситуации, на которые та оказывается очень щедра. В юморе Абдула Кумышева нет и тени надменно-оценивающей важности. Нет иронии как черты «злорадного превосходства» (*Ф. Ницше*). Зато есть самоирония. По воспоминаниям друзей он вообще высоко ценил людей, не обделенных этим даром.

Время, на которое пришлось становление личности будущего педагога и писателя, было пронизано духом созидания. Послевоенное поколение молодежи – люди активной жизненной позиции, движимые мечтой о радостном, светлом мире. И Абдул Кумышев характерный представитель этого поколения, что проявится и в зрелые годы, когда он станет депутатом сельского Совета, председателем комиссии по народному образованию, и вразрез привычному формализму подобного рода деятельности, будет проявлять самое живое участие в судьбах

односельчан. А в школьные годы Абдул Кумышев – секретарь комсомольской организации. Запоминающимся эпизодом юношеских лет станет поездка в Москву на ВДНХ – поощрение восьмикласснику Кумышеву, организовавшему в летние каникулы ученическо-полеводческую бригаду, добившуюся высоких результатов. Его бригада будет награждена «Большой серебряной медалью», а самому Абдулу вручат полное собрание сочинений Чарльза Диккенса и наручные часы. С позиции нынешних ценностей многое в эмоциональном восприятии приоритетов прошлого утрачивается, и это неизбежно. Но в те годы достижения в аграрной сфере, а Кумышев в 16 лет стал «Лучшим кукурузоводом Кабардино-Балкарии», удостоверяли личность деятельную, ищущую, в высшей степени воодушевленную.

По окончании школы Абдул Кумышев делает выбор в пользу агрономического института, но учебу бросает почти сразу же, а в 1961 году поступает на филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета. Тогда же его призывают на службу в Советскую Армию, и к учебе он возвращается только через три года. В гуманитарную стихию он погружается с упоением. Определенный знак его успешности в университетские годы – то, что за достижения в учебе он получает стипендию им. М. Горького. Его окружает одаренная среда. В ту пору на филологическом факультете учатся Борис Утижев, Адам Гутов, Арсен Гергов и др. Непосредственно среди его однокурсников Хангери Баков, Нургали Пшуков, Мухамед Анзоров.

Дипломную работу Кумышев пишет под руководством Ахмедхана Налоева, уже известного на тот момент ученого-лингвиста и художника слова, личность и талант которого – бесспорный авторитет в глазах его подопечных. Можно предположить, что эстетические предпочтения Кумышева определялись именно под влиянием произведений любимого учителя, – как раз в тот период вышел в свет «Юмористический словарь» («ГушыПальэ», 1963) Ахмедхана Налоева. Во всяком случае, комическая модальность, доминирующая в «Юмористическом словаре», доверительность интонации героя-рассказчика прочно укоренятся и в творчестве Кумышева. Но главное, сам тип героя, который станет постоянным для рассказов Кумышева – назовем его человек обыкновенный, человек прозаический – определенно перекликается с тем героем, который шагнул в адыгскую литературу со страниц рассказов Ахмедхана Налоева.

Блестяще окончившему университет молодому человеку открывались перспективы преподавательской деятельности в вузе, но, единственный сын в своей семье, Кумышев предпочел вернуться в родное село.

Короткие юмористические зарисовки Абдула Кумышева стали появляться на страницах республиканской и районной периодики – в газетах «Советская молодежь», «Адыгское слово», «Коммунист», в журнале «Ошхамах». Некоторые из них позднее составят его единственный сборник.

Культурно-исторический период, отразившийся в большинстве его произведений, распознается без особого труда. Мотив рыночной торговли, устойчивый для ряда рассказов, периодически вкрапливающаяся лексика типа «самофинансирование», «хозрасчет», «суверенитет» и проч. погружают читателя в непростую эпоху реформ конца 1980 – начала 90-х. Атрибуты проблематичного времени предстают в юмористическом преломлении, пропущенные через своеобразную саморефлексию героя-рассказчика. Интересно, что при этом нет особой сосредоточенности на проблемах социальных, хотя, казалось бы, характер эпохи к этому подталкивал. Здесь скорее преобладает сосредоточенность на людских типажах. Но без назидательности и без морализаторства. И от такого ракурса «исследования» реальности Кумышев отступает крайне редко.

В предлагаемых временах обстоятельства востребованными оказываются хитрость и сноровка. И простодушный герой вынужден их в себе культивировать. В рассказе «Кто нашел, кто потерял...» («Къэзылъэфри зылъэфыжри...»)

он хитростью сбывает на рынке некачественную муку, затем удачно, как ему кажется, приобретает для себя другую. На самом же деле натывается на подобного себе дельца и за более высокую стоимость перекупает свой же товар. Похожая ситуация повторяется и в рассказе «Познакомились» («ЗэрыцЫыхуац»). Но есть человеческие «таланты», которые ко времени и обстоятельствам не привязаны. Об этом повествуют выдержанные в стиле сельских баек рассказы «Правду говорят», «Беда» и «Только врагу пожелаю подвернуться Хабуце» («ЖаІэр нэжт», «НэцІэбжэ», «Узижагъуэр Хьэбуцэ нэцІэхуэ»). В последнем случае комический эффект достигается умело использованным приемом художественной гиперболизации.

Герой-рассказчик при этом всегда один и тот же. Постоянство его подчеркивается также тем, что он практически везде предстает под одним и тем же именем – Кабац. Простодушный и непрактичный, со своеобразной речью, в которой адыгская бытовая лексика активно мешается с «адаптированными» русизмами. Для учителя-словесника А. Кумышева в этом, конечно же, был стилистический прием, имевший определенную смысловую подоплеку. Макароническая речь героя-рассказчика не просто создает комический эффект (в этом плане она порой бывает даже избыточна), но также удачно пародирует дух культурного разброда и шатания.

Герой прекрасно осознает особенности своей речи и даже заявляет об этом в одном из эпизодов рассказа «Рано или поздно встретимся здесь!»: «НобэкІэ дунейм сехыжами, фысщыгъупшакъым, аращ мы письмор ныщІэстхри. Абы сыкыффыІэмыІуэхуу шытами, иджы фыкыызэдаІуэ.

Письмоти сытти жиІуэ, мыбы сыту зигъуэрысыбзэрэ, кысхужывмыІэ, кхыІэ. Сесаши, мыбыи кыщысфІыхохуэ» («Мыдэ мыбы дыщызэхуэзэжынкъэ!»)². / *«Хоть и покинул я земной мир, о вас не позабыл, потому и пишу это письмо. Хоть и не считались вы там со мной, теперь уж меня послушайте.*

Письмо там и все такое, не упрекайте меня в козырянии русскими словами, пожалуйста. Так вошло в привычку, что и здесь, нет-нет, да и верну» («Рано или поздно встретимся здесь!»).

Причем оговаривается не просто нераздельность героя и макаронической речи, но и широкий «ареал» распространения этого явления. Настолько широкий, что обнаруживается и на том свете: «Между прочэм, си закъуэкъым апхуэдэр. Мыбы дыкыщыкІуам япэ дыдэу дызэхэзыдза Сэро къуэдзэм и бзэри ныкыуэщ.

– Мыр мыбыкІэ, этого – сюда, а с этим иджыри зэ надо разобраться делать – апхуэдэхэш»³. / *«Между прочим, не я один такой. Когда мы только прибыли сюда, изначально распределявший нас заместитель Саро тоже изъяснялся на смешанном языке.*

– Этого в эту сторону, этого – сюда, а с этим еще разок надо разобраться делать, – вот так вот». (Курсивом выделены русскоязычные слова, фигурирующие в тексте оригинала. – И.К.).

Надо заметить, что голоса персонажей, о которых герой-рассказчик спешит поведать, и голос его самого стилистически не разграничены. Принадлежность к одной языковой стихии закономерно проступает и через так называемые рамочные компоненты произведений. Большинство заглавий принадлежит стилю разговорной речи, где допустимы просторечные обороты, наподобие «ЕІ, мыгъуэ...» («Эх, беда...»), «Іеи мэхуэ, фІыи мэхуж» («Бывает так, бывает и эдак») или реплики вроде «Мыдэ мыбы дыщызэхуэзэжынкъэ!» («Рано или поздно встретимся здесь!»). Герой-рассказчик осознает себя «целиком внутри изображенной реальности»⁴ и словно диалогизирует с подобными себе собеседниками, речь которых также изобилует словечками наподобие «вэпще», «сирознэ» и т.д.

Персонализации героя, помимо речевых особенностей, содействуют попутные упоминания рода его деятельности и любимого увлечения. «По профессии я

учитель» – замечает он в рассказе «Усы», и, особо не прибегая к приемам усиления комизма, описывает курьезы учительских будней в миниатюрах «Случалось ли тебе сталкиваться с подобным?» и «Если скажешь, не подумав...» («Уэ урихьэлАкээ мыпхуэдэ Луэху?», «Умыгунсысэу упсалъэм...»). А в рассказах «До лучших встреч!» и «Рано или поздно встретимся здесь!» обнаруживается его склонность к писательству. В последнем случае остроумно обыгрывается вечный образ непонятого гения. Точнее, герой Кумышева понят и принят всеми республиканскими периодическими изданиями, кроме одного – газеты «Адыгское слово», жгучую обиду на которую он копит всю жизнь, а затем уносит ее в мир иной. (Правды ради стоит упомянуть, что произведения самого автора в «Адыгском слове» публиковались, в частности, данный рассказ был помещен в первоапрельском номере газеты за 1994 год).

Упорное игнорирование его писательского таланта одним и тем же изданием потрясает восприимчивую душу героя, тем более что все остальные давно уже его признали и выказали свою благожелательность: «Мыхъуу къэфлытэр сщІэртэкъым, ауэ сытевдзэртэкъым. «Іуашхьэмахуэми», «Советская молодежь», Бахьсэн районым къыщыдэкІ «Махуэгъэпсми» махуэпс срамыгъафэу си тхыгъэр традзэрт. Ауэ фэ жэуапыншэу сыкъэвгъанэрти, нэгъуэщІ авторхэмкІэ фысфІеплъэкІырт!» / *«Не знаю, что вас не устраивало, но вы меня не печатали. И «Ойшамахо», и «Советская молодежь» и баксанский «Вестник», не давая мне житья, публиковали мои сочинения. Вы же оставляли меня без ответа и вопреки моим ожиданиям поглядывали в сторону других авторов!»*. Интересно, что в контексте столь благожелательного отношения возникает фразеологический оборот с совершенно противоречащим этому контексту значением. Иронизируя то ли над необходимостью создавать произведения в сжатые сроки, то ли над повышенной требовательностью (а возможно и лояльностью) перечисленных изданий, он прибегает к буквализации метафоры⁵, ведь значения фразеологического оборота *махуэпс емыгъэфэн* следующие: «1. убить, уничтожить; 2. сжить со света»⁶. В силу чего подобная благожелательность («...не давая мне житья, публиковали мои сочинения») начинает казаться несколько странной. А всплывающая далее аллюзия на строку из известной лирической песни «Нэхуиц удж» («Рассветный удж») – «Жэуапыншэу сыкъогъанэри / НэгъуэщІ цІалэхэмкІэ усфІоплъэкІ» / *Оставляя меня без ответа, ты вопреки моим ожиданиям поглядываешь в сторону других парней*», – обнажает «трагизм» его душевных терзаний.

За пережитые страдания герой получает на том свете высочайшее с точки зрения творческой личности вознаграждение – абсолютное признание. Заодно получает и материальный комфорт. В повествовании о райских благах о нем упоминается в первую очередь: «Иджы мис... Фи тедзи къытедзи сыхуэныкъуэжкъым – си ахьрэтыр нэхуш, си шхыныр хуабэщ. Мыбыи къыщыдокІ газет. «Жэнэтыку», – жоуэ. Узэсэр сэгъейш, – абыи сотхэ»⁷. / *«Теперь вот... Не нуждаюсь я в ваших изданиях-переизданиях – обитель моя светла, пища моя тепла. Здесь тоже издается газета. «Центр рая» называется. Как говорится, привычка – вторая натура, – пишу и туда»*.

И не важно, что в оговорке «привычка – вторая натура» проскакивает также оценка своей склонности к писательству. Главное, что его талант оценивают лучшие деятели лучшего мира: «Си япэ тхыгъэр – «Адыгэ псалъэм сызэрытрамьдзар» жыхуиІэр, хьэрфышхуэкІэ къэщыпауэ япэ напэм традзащи, культурэмкІэ отделим щІэсхэм къыфхуэшхыдэхэурэ къоджэ. Мыбы шыІэ газетым шылажъэхэр хэплъыхъауэ цІыхуфІ защІэщ (армырамэ, жэнэтым ягъакІуэхэрэт ахэр?), псом хуэмыдэу редактор нэхъышхъэ дыдэр егэлеяуэ цІыху гуапэщ, ахьрэтым КультурэмкІэ шІыхъ зиІэ и лэжъакІуэш»⁸. / *«Первое же мое произведение – под заголовком «О том, как меня не публиковали в «Адыгском слове», напечатали прописными буквами на первой полосе; сотрудники отдела культуры читают его*

и ругают вас. В здешней газете работают очень хорошие люди (а иначе быть бы им в раю?), в особенности главный редактор, человек исключительно благожелательный, заслуженный работник Культуры того света». Сам герой тоже бесспорно положителен. Он заслуженно оказывается в мире, где свершается высший суд и царствует справедливость. Потому взирает на все и всех с высшей точки зрения. И с этой точки зрения он оценивает своих обидчиков. При этом прибегает к остроумному парадоксу: «...бедные (так вас называют обитатели рая)» / «...фэ тхэмыщкІэхэм (жэнэтым исхэр апхуэдэуц фэ кызырэвэджэр)»⁹. Понятно, что эпитет «бедный» традиционно прирастает к имени человека, отошедшего в мир иной. Однако герой-рассказчик дает понять, что это – лишь заблуждение, свойственное тем, кто обитает в суетном мире.

Рай и ад разграничены «нейтральной полосой», которая представляет собой территорию искупления. Одной из достопримечательностей того света является также список, в котором указаны имена пока еще здравствующих претендентов на рай. Внимательно изучив список, герой, разумеется, не обнаруживает в нем никого из сотрудников одиозной газеты. Ведь непризнание его таланта тенью смертного греха лежит на их судьбе: «Си Ізрытх кьом фи деж щызэтрихьам фепль – си гуэныхьым фиғьэкІуэн фэ жэнэтым?! Так что, жэнэт лъэпкь фыщымыгугь. Фи дежкІэ жэнэтыр мис а иджыпсту фызырыпсэу тІэкІуращи, фытхэ, фышхэ, фэфэ!»¹⁰ / «Взгляните на ворох моих рукописей, скопившихся у вас – пустят ли вас в рай прегрешения, совершенные в отношении меня?! Так что ни на какой рай не рассчитывайте. Ваш рай это та ничтожная жизнь, которой вы живете сейчас, радуйтесь, ешьте, пейте!». Казалось бы, совершенно очевидно, какая участь уготована его обидчикам, по какую сторону «нейтральной полосы» они окажутся. Это реальность, в которой все тайное становится явным и каждый получает по заслугам. В таком свете и в свете заявления «не нуждаюсь я в ваших изданиях-переизданиях» неожиданной эксцентрикой оборачивается финал всей этой истории: «АдэкІэ дыжэурэ... Хьэмэрэ куэд ар? Куэдщ. Мыр кытевдзэмэ, псори зэпкырыхуэ ныфхуэстхынщ. Кызжилакьым живмыІэж: кытевмыдзэмэ, фэсщІэнури?..» / «Следуя дальше... Или достаточно? Достаточно. Вот опубликуете это, напишу вам обо всем подробнее. И не говорите потом, что я вас не предупреждал: знаете, что с вами сделаю, если не опубликуете?..». Такая концовка в буквальном смысле являет жизнеутверждающий характер, сущность юмористического изображения: «ходульная «высокая заданность» перевешивается в герое его «низкой данностью» как неким неразстворимым избытком жизни»¹¹. Желание быть все-таки в кругу авторов газеты «Адыгское слово» оказывается сильнее всех доводов возвысившегося над земной суетой непонятого гения. Стоит заметить, что изображенное в данном рассказе пространство, обнажающее соотношение возвышенного и земного в человеке, встречается лишь единственный раз. Во всех других случаях задействовано пространство вполне привычное, не просто земное, но подчас даже заземленное.

Очень часто герой Кумышева оказывается на базаре. Учитывая то, что в большинстве рассказов отражается эпоха утверждения рыночных отношений, образ базара можно определить как наиболее емкое воплощение культурно-исторической среды. В адыгском языке не фигурирует слово «рынок», есть только «базар», но это обстоятельство не дает, однако, возможности уйти от таких реалий времени, как рыночные отношения, рыночная демократия и прочее. Напротив, пространство и нравы рынка воспринимаются как квинтэссенция моральных отношений современного писателю общества. Словарь С. Ожегова доводит до нашего сведения два толкования, раскрывающие две ипостаси рынка: 1. Сфера товарного обращения, товарооборота; 2. Место розничной торговли под открытым небом или в торговых рядах»¹².

Как «сфера товарного обращения» рынок неуклюже вторгается в быт селения Узко-длинный Овраг (КъуэзэвкІыхь): «Ар рынкэ кыудейкьым, кыбгурыІуэмэ,

регу... регу... регу... регулиримэ рынкэц!¹³ / «*Это не просто рынок, если хочешь знать, регу... регу... регу... регулиримый рынок!*». Выразительны пространственные характеристики, отраженные в названии селения, в котором проживает герой – Узко-длинный Овраг. Оно заужено и предельно «заземлено». Зато рынок как «место розничной торговли под открытым небом» обретает статус жизненно важного пространства, в котором беспрерывно ведется непримиримая борьба за собственное благополучие, совершенствуются принципы естественного отбора. Особое «культурное явление» тех лет – Баксанский рынок. В рассказе «Кто нашел, кто потерял...» («*Къэзылъэфри зылъэфыжри...*») совершаются удачные подступы к его изображению: «Мы бэзэрыр зымыщыхум псалъэкIэ фэзгъэцыхунщ жысIэу ар къалэн зыщысщыхыфынукъым, ауэ уимыгъэбэлэрыгъын щхъэкIэ бжесIэнщи, уи щыIу тIасхъэу, уи бохъшэ махэу, уи напэр техыгъуафIэу мыбы укытетыхъэ. Ирачынуш, ирачынуш, трахынуш»¹⁴ / «*Тому, кто с ним не знаком, охарактеризовать этот базар одним словом не берусь, но чтобы предостеречь от оплошностей скажу лишь: с разболтанной пуговицей, с ненадежным кошельком, с чувствительной совестью здесь лучше не появляться. Отдерут, отберут, опорочат*». Механизм реализации известной формулы «спрос рождает предложение» убедительно продемонстрирован в рассказе «Желтая папка» («*Папкэ гъуэжъ*»). Герой совершенно невольно и неосознанно выступает последовательным проводником в жизнь данной формулы.

Смех как «неотъемлемое звено доброжелательного отношения»¹⁵ в творчестве Кумышева значительно преобладает над смехом, являющим форму «...неприятя и осуждения людьми того, что их окружает»¹⁶. Здесь юмор явно преобладает над сатирой. Безусловно, причины тех нелепых ситуаций, которые он воссоздает, – свойственное многим людям стремление любой ценой вписаться в предлагаемые временем условия, их завышенная самооценка, а порой и невежество. Но он любит своего героя и всех окружающих его персонажей, ибо прекрасно понимает, что данный тип людей, незадачливых, полуобразованных, жадно хватающих новые веяния и преломляющих их в своем мировоззренческом ключе всегда был, есть и будет. Идеальный человек – объект стремления, но в наличествующей реальности, здесь и сейчас, он наблюдает именно изображенный тип людей, не осуждая его недостатки и слабости, а вышучивая их, действительно смягчая суровость бытия.

Примечания

1. Исупов К.Г. Комическое (Из авторского словаря «Космос русского самосознания») // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 3. С. 167 – 170.
2. Там же. С. 12.
3. Там же.
4. Тамарченко Н.Д. Субъект изображения // Введение в литературоведение. Учебное пособие / Ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 308.
5. По терминологии А.Н. Лука. В кн.: Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. 192 с.
6. Кабардино-русский фразеологический словарь / Сост. Б.М. Карданов. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 169.
7. Кумышев Абдул. Указ. соч. С. 11.
8. Там же. С. 11.
9. Там же. С. 12.
10. Там же. С. 13.
11. Фуксон Л.Ю. Комическое литературное произведение. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1993. С. 47.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 688.
13. Кумышев Абдул. Указ. соч. С. 29.

14. Там же. С. 25.

15. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. С. 49.

16. Там же.

I.A. Kazharova

**HUMORISTIC PROSE ABDUL KUMYSHEV:
TYPOLOGY OF TIME AND HIS HERO**

The article highlights the work of the first Adygeyan writer Abdul Kumyshev. The main stages of his biography, are revealed the artistic features of humorous of the works in the book «To the best time!». The focus is on methods of of typing a space-time context and the image of the narrator-hero.

Keywords: narrative, comic, hero-narrator, time, place, action, technique image type.

А.М. Сарбашева

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР
ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ**
(Балкарская литература второй половины XX века)

В статье рассматривается творческое взаимодействие культур как один из основных факторов эволюционного развития национальной художественной словесности. Отмечается благотворное влияние отечественной и мировой литератур на формирование художественного сознания балкарских авторов, повышение эстетических потребностей читателей.

Ключевые слова: взаимодействие культур, литературный процесс, эволюция, художественный опыт, духовные ценности.

Взаимодействие культур в современной науке интерпретируется как сложный социокультурный процесс, обеспечивающий, с одной стороны, взаимопонимание и взаимообогащение разных народов, с другой – активизирующий их стремление к сохранению самобытности и уникальности национальной культуры¹.

Литература – часть духовной культуры – характеризуется по преимуществу развитием, одним из основных факторов которого является диалог культур «как основа и важная предпосылка для формирования и укрепления таких ценностей, как толерантность, уважение, взаимопомощь»². Межкультурное взаимодействие играет важную роль особенно в исторически значимые периоды, каковой явилась вторая половина XX века в жизни народов Северного Кавказа.

Реабилитация репрессированных народов (1956–1957), в том числе и балкарского, послужила новой ступенью в духовном развитии. С возвращением на Родину национальные писатели активно начинают заниматься возрождением этнической культуры. В конце 1950-х – начале 1960-х годов издается устное-поэтическое наследие балкарского народа: двухтомное собрание народных сказок (1959, 1963), «Пословицы и поговорки» (1959). В эти же годы переиздаются книги и сборники поэтов и писателей, опубликованные в довоенный период: «Хапарла» (Рассказы) С. Хочуева (1959), двухтомное собрание сочинений К. Кулиева (1959), «Жер жулдузлары» (Земные звезды) Х. Кадиева (1959), сборники стихов «Хорлауну жырлары» (Песни победы) Х. Теммоева (1959), «Назмула бла жырла» (Стихи и песни) А. Будаева (1959).

Существенное обновление социальной культуры балкарского народа, «не могло не привести к переоценке эстетических ценностей, к формированию иных представлений о сущности искусства, его специфических законов»³. В такой духовной и общественной атмосфере, в которой возникла потребность отвечать на определенные вопросы, осмыслить события и время, когда обостряется эстетическое восприятие, развивается способность к постижению художественной правды, формировались отличительные черты и особенности литературного процесса.

Фактор возвращения и обретения Родины способствует пополнению рядов балкарских поэтов и писателей старшего поколения молодыми талантами. Вторая половина XX века ознаменована приходом в литературу новой плеяды художников слова: Алим Теппеев, Зейтун Толгуров, Ибрагим Бабаев, Эльдар Гуртуев, Магомед Мокаев, Танзиля Зумакулова, Салих Гуртуев, Жагафар Токумаев, Хасан

Шаваев, Башир Гуляев, Исса Боташев, Ахмат Созаев и др. Впоследствии они и определили лицо национальной культуры.

Художественное мастерство поэтов и писателей формировалось в условиях тесных эстетических контактов национальных литератур. Исторически сложившиеся обстоятельства (депортация балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан, 1944–1957 гг.) способствовали широкому обмену духовными ценностями с теми народами, с которыми пришлось жить в течение тринадцати лет. Новое поколение выросло не только на основе своей этнической культуры, но и на произведениях ведущих узбекских, казахских, киргизских поэтов и писателей Зулфии, Чингиза Айтматова, Тугельбая Садыбекова, Алыкула Осмонова, Узак Абукаимова и др. Тесное сближение и ознакомление с культурными достижениями народов Средней Азии осуществлялось благодаря отсутствию языкового барьера между балкарцами и автохтонным населением. Как известно, карачаево-балкарский, казахский, киргизский, узбекский языки являются родственными, они входят в тюркскую группу языков. Подобное обстоятельство, к примеру, позволило известному балкарскому поэту К. Кулиеву заниматься во Фрунзе переводческой работой: он переводил с киргизского языка на русский язык стихи и прозу местных авторов. Первые стихи (школьные) А. Теппеева создавались на киргизском языке и публиковались на страницах местной периодики. Благотворное влияние на формирование художественного сознания балкарских авторов оказали также и работавшие в это время в Киргизии известные русские литераторы Сергей Фиксин, Николай Удалов, Якуб Земляк, Елена Орловская, Вениамин Горячих, Борис Орлов и др.

Неприемлемым для себя и для художников слова своего времени считал национальную замкнутость и ограниченность К. Кулиев. В его творчестве красной нитью проходила «идея взаимосвязи и взаимообусловленности развития различных национальных культур, взаимопроникновения философских и культурных традиций разных народов»⁴. Утверждая о величии и бесценности опыта мировой поэзии и искусства, классик балкарской поэзии писал: «Мы должны держать равнение на лучших, учась на их примере и опыте, опираясь на них, как на могучие деревья, у которых сильные и глубокие корни. Только так можно двигаться вперед, приобрести мастерство, стать сильным. Так только приходят к зрелости, самостоятельности, новизне и открытиям»⁵.

В литературной критике указанного периода справедливо отмечалось о взаимообогащении национальных традиций, художественных и эстетических. Безусловно, творческое взаимодействие и взаимовлияние друг на друга этнических культур порождали качественные изменения. И в первую очередь, способствовали расширению тематики, интенсивности художественных поисков, разнообразию стилей⁶.

Эстетически возмужал на лучших произведениях отечественной и мировой литератур и современный читатель. Художественная литература как часть культуры воздействует на сознание человека. Полноценное развитие личности предполагает ее интерес и проникновение не только в мир родной культуры, но и культуры других народов. «Нет почвы более благородной и связи более прочной для тесного сближения и взаимопонимания народов, для развития согласия, любви и уважения между народами, чем литература, в которой выражаются лучшие чувства народа, его национальный дух и гений», – писал классик армянской литературы О. Туманян⁷.

Необходимо отметить, что в эволюции художественной мысли определяющую роль сыграл русский язык как средство межкультурного общения, благодаря которому национальный читатель нашел дорогу в сокровищницу русской и мировой культуры. Приобщение к русской классике способствовало более глубокому и осмысленному усвоению не только всей многонациональной отечественной литературы, но и западно-европейской. Этот язык открыл Гомера, Данте, Шекспира,

Гете и других общепризнанных мастеров слова. Ориентируясь на лучшие художественные традиции иноязычных литератур, постигая их, национальный читатель «усваивает параметры своей культурной идентичности и – вместе с осознанием органического единства родной литературы с общим литературным процессом и мировой художественной культурой – понимание не только своей этнокультурной особенности, но и общности»⁸.

В парадигме взаимодействия культур важное место занимает перевод как «как самостоятельный духовный пласт в художественно-ценностном опыте мировой культуры»⁹.

«Переводчик выполняет сложный когнитивный процесс, в ходе которого происходит не простое перекодирование знаков одной языковой системы в знаки другой, а попытка освоения «чужого» мира посредством инструментария родного языка с таким расчетом, чтобы и в другой культуре мог быть достигнут прагматический эффект, сопоставимый с оригиналом»¹⁰. В контексте сказанного достаточно отметить признанный литературным сообществом перевод известной поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» поэтом Салихом Гуртуевым на балкарский язык, ценность которого заключалась в максимальной приближенности к оригиналу (что в целом свидетельствует о высоком профессионализме национальных авторов и уровне художественного мышления). Также объектом перевода являлось творчество самих балкарских поэтов и писателей. К примеру, многие стихи самого Салиха Гуртуева переведены на языки народов Российской Федерации и зарубежных стран (грузинский, турецкий и др.).

Исходя из изложенного можно констатировать, что развитие литературного процесса определялось прежде всего благотворным взаимодействием национальных культур. Успех балкарской литературы на отмеченном этапе во многом был обусловлен тем, на какой эстетический уровень она ориентировалась. Связь с художественной культурой других народов, ее освоение явились бесценным источником, питающим национальную словесность, дающим ей возможность соединять в себе общее и особенное, отражать то, что существенно для широкого круга читателей, «удовлетворить... художественно-эстетические потребности и решить наболевшие проблемы»¹¹. И сегодня мы можем с уверенностью заявить, что балкарская литература в полиэтническом культурном пространстве Российской Федерации обрела собственный голос и достигла художественной зрелости.

Примечания

1. Юрченко Т.В. Взаимодействие национальных культур как фактор консолидации народов России [Электронный ресурс] // <http://www.referun.com/n/vzaimodeystvie-natsionalnyh-kultur-kak-faktor-konsolidatsii-narodov-rossii> (Дата обращения: 27.09.2016).

2. Взаимодействие и диалог культур [Электронный ресурс] // <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/dialog-kultur.html/> (Дата обращения: 25.09.2016).

3. Толгунов З.Х. Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 10.

4. Базиева Г.Д. Межкультурные коммуникации и проблемы идентичности // *Обсерватория культуры*. 2003. № 2. С. 41.

5. Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 387.

6. Джимбинова Р. Национальное и интернациональное в калмыцком романе // *Советский многонациональный роман*. М.: Наука, 1985. С. 314.

7. Цит. по: Белик В.И. Диалог литератур в ставропольской прессе советского периода // *Сургучевские чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Ставрополь, 2009. С. 210.

8. Белик В. И. Диалог литератур в ставропольской прессе советского периода // *Сургучевские чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Ставрополь, 2009. С. 208.

9. Узденова Ф. Т. Салих Гуртуев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 567.

10. Нефедова А. И. Перевод в парадигме взаимодействия культур [Электронный ресурс] // http://rusnauka.com/17_SSN_2007/Philologia/22261.doc.htm (Дата обращения: 4.10.2016).

11. Толгуров З.Х. В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 76.

A.M. Sarbasheva

**THE INTERACTION OF NATIONAL CULTURES
AS A FACTOR IN THE EVOLUTION OF ARTISTIC IDEAS
(*Balkar literature of the second half of the twentieth century*)**

The article focuses on the creative interaction of cultures as one of the main evolutionary factors for the development of national art of literature. It is noted the beneficial impact of domestic and international literatures on the formation of the artistic consciousness Balkar authors, the increasing aesthetic needs of the readers.

Keywords: interaction of cultures, the literary process, evolution, artistic experience and spiritual values.

Т.Ш. Биттирова

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ДИАСПОРЕ

Карачаево-балкарская диаспора в условиях дисперсного существования сумела сохранить и развить литературные традиции, благодаря приверженности к родной культуре. Изучение фольклора и литературы во взаимосвязи с комплексом других компонентов культуры диаспоры позволили автору раскрыть идейно-художественные основы сохранения этноса и прогнозировать возможные пути его культурно-исторического развития.

Ключевые слова: карачаево-балкарская диаспора, фольклор, литература, традиции, новаторство.

Карачаево-балкарская диаспора в Турции сформировалась к 80-м годам XIX века и на сегодняшний день имеет собственную идеологическую ойкумену, позволяющую сохранить и развивать национальную культуру во всех ее сегментах. В этой парадигме особое место занимает словесное искусство, непосредственно связанное с языковой ситуацией.

В комплексе этнокультурных маркеров диаспоры язык и культура занимают главенствующие позиции. Но не всегда диаспоры обладали художественной литературой, в которой могли бы отразиться ее история и современность. Объективные обстоятельства не способствовали ее появлению. Однако духовные запросы обособленного от основного этноса сообщества были более обострены, нежели до исхода, и требовали художественного постижения действительности. Ведь приходилось каждому искать душевную гармонию в новых обстоятельствах, осознать их через знакомые образы и понятия. Первоначально эту роль исполнял фольклор: устная поэзия и проза, этический кодекс, выраженный также поэтически. Таковы особенности карачаево-балкарской ментальности, что мир постигается через слово, в красоте которого заложена истина.

Если говорить о современности, то нужно особо подчеркнуть, что литература наряду с фольклором занимает приоритетное место в жизни диаспоры, являясь одним из факторов сохранения этнокультуры в Турции и странах Ближнего Востока. Карачаево-балкарская литература в Турции успешно прошла все этапы становления и на сегодняшний день можно с полным правом говорить о ее значении в жизни удаленного от родной культуры сообщества, как компонента этнической культуры. Однако планомерное исследование ее только начинается в виду объективных причин – закрытости национальных диаспор до последних десятилетий, а также самой динамикой формирования литературных процессов. Последняя была обусловлена затяжным процессом становления письменности на национальных языках, вызванных государственной политикой Турции, направленной на скорейшую ассимиляцию населяющих ее народов. Только в 80–90 годах XX века в карачаево-балкарской диаспоре начали издаваться печатные органы, поэтические сборники, авторские книги на родном языке.

Если предпосылки возникновения и формирования карачаево-балкарской зарубежной диаспоры достаточно объемно исследованы в монографии З. Кипкеевой, статьях Х. Лайпанова, М. Кучмезовой, М. Улакова, М. Каракетова и др., то

духовная составляющая драматических исторических обстоятельств не нашли должного освещения в научной литературе¹. Отдельные путевые заметки, очерки и статьи не дают возможности представить во всей полноте формирование, развитие и отчасти трансформацию духовной культуры караево-балкарцев в диаспоральных условиях. А между тем сохранение, по возможности и развитие, духовной культуры является неотъемлемой частью диаспорального поведения и трудно переоценить изучение роли фольклора и литературы в сохранении этнокультурной специфики.

Данный аспект исследования диаспоры предполагает, прежде всего, ответы на ряд вопросов, возникающих у всех, кто стремится узнать, каково современное состояние духовной культуры и насколько оно идентично культуре основного этноса. Это, прежде всего, такие вопросы: в каком объеме сохранились национальный язык и фольклор, как они развиваются и каково влияние турецкого языка на караево-балкарский, в каких формах и жанрах развиваются литература и художественная публицистика, как отражена жизнь диаспоры в научных исследованиях и публицистике?. Каждый вопрос сложен сам по себе, если учесть, что до сих пор полевых исследований в достаточном объеме не проводилось, эдиционная работа не велась, и потому каждая работа, освещающая обозначенные проблемы, представляет собой несомненный интерес как для изучения собственно диаспоры, так и для составления общей картины развития национальной духовности.

История караево-балкарской литературы в диаспоре неразрывно связана с культурой основной части народа, и здесь на первый план со всей остротой выходит проблема сохранения своей культурной идентичности в иноэтнической (хотя и родственной) языковой среде. Если в начале своего пребывания мухаджиры «испытывали определенный языковой барьер в связи с различными артикуляционными базами турецкого и караево-балкарского языков, то в течение короткого времени они усвоили произношение, как отдельных звуков, так и сочетаний звуков, типичных для турецкого языка», – пишет Л.Ж. Жабелова². Турецкий язык в скором времени стал для мигрантов понятным и общепотребительным. В этом плане «определенную положительную роль сыграло и наличие в турецком языке большого количества слов из общетюркской лексики...». Сегодня приходится констатировать, что речь потомков первых мухаджиров в артикуляционном плане стала ближе к турецкому, чем к родному.

В ходе неоднократных посещений диаспоры нами собран большой фактический материал – книги, рукописи, документы, аудиозаписи, позволяющие составить достоверную картину истории становления литературных жанров, круга авторов диаспоры, основную проблематику и особенности поэтики их произведений. Анализируемые нами тексты авторских произведений собранные во время посещений караево-балкарской диаспоры в Турции, дополнены также извлечением публикаций в Интернете. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, значительно расширяет возможности исследователя. Образованные энтузиастами караево-балкарские интернет-группы часто размещают на своих страницах различные фото, видео и печатные материалы по истории, культуре, литературе диаспоры. За последние два десятилетия создано несколько групп, объединяющих любителей караево-балкарской поэзии, и за короткий промежуток времени ее участниками стали тысячи пользователей Интернета. Среди них – любители поэзии, знатоки фольклора и литературы, авторы, использующие возможность выложить свои статьи, стихи, небольшие прозаические и драматургические произведения.

Следует специально остановиться на таком явлении как блоги авторов-Бюлента Тезжана, Мехмета Коркмазоглу, Акка Бычаксыз, Леман Коч, Айла Хала и др. авторов турецкой диаспоры. В них размещены их стихи, рассказы и эссе. Эти страницы в Интернете посещают сотни читателей со всего мира, оставляя свои комментарии и делясь со своими друзьями произведениями названных авторов.

И, тем не менее, основным носителем и пространством для развития духовной культуры любого народа является письмо, письменная форма фиксации текста. В турецкой диаспоре, как известно, до последнего времени не было возможности реализовать данную культурную задачу, и отдельным энтузиастам (как, впрочем, и до сих пор) приходилось на свои деньги издавать журналы и книги на родном языке.

Литература диаспоры в своем развитии прошла путь от устной авторской поэзии до письменной. Особенно интенсивно она развивается в последнее десятилетие, когда стали выходить одна за другой книги на родном языке, антологии и альманахи. Начало этому процессу было положено изданием фольклорных текстов, этнографических и лингвистических материалов И. Неврузом, У. Таукулом, Н. Табакчы, А. Адильханом, Т. Кочкаром.

Стремление сохранить себя в качестве национального меньшинства, естественно, связано с коллективной памятью мигрантов. В этом отношении велико было значение фольклора и тех авторских произведений, которые были созданы соплеменниками накануне переселения в Турцию. И неудивительно, что в караево-балкарской диаспоре, сохранились до сих пор такие произведения, как, например, поэма о любви Акбийче и Рамазана, до недавнего времени неизвестная на родине³. Речь идет о второй поэме, сочиненной сестрой Акбийче – Устаджан Болуровой. Первая была создана народным певцом и поэтом-импровизатором Карачая Томаем Чагаровым сразу же после гибели героини. Исследовательницей З. Кипкеевой были вскрыты причины, напрямую связанные с предпосылками переселения тебердинцев, в среде которых и была создана песня⁴. Она выяснила, что среди активных агитаторов переселения был главный герой поэмы Рамазан Кипкеев, один из духовных лиц Карачая. Ему противостоял старшина аула, упоминаемый в поэме дядя главной героини – Качхан, от руки которого погибает Акбийче. Качхан Батчаев, будучи старшиной аула, выполнял указания царской администрации о приостановлении потока эмигрантов. Так в основе популярной в диаспоре поэмы о несчастной любви лежат конкретные исторические события и отголоски политической борьбы периода *«экинчи тампулчула»* – второго исхода в Стамбул, как было принято называть данный процесс в народе. Социальный конфликт, предопределивший судьбу героев поэмы, проецируется на обстоятельства, вынудившие мухаджиров покинуть родину. Столь обостренное отношение к выдающимся образцам устной литературы – лироэпическим поэмам – было обусловлено стремлением если не противостоять процессу ассимиляции, то хотя бы адаптировать собственную культуру к другой этнокультурной среде.

Первые десятилетия истории проживания в иноэтнической среде были предопределены состоянием духовной культуры основной части народа, от которого они совсем недавно оторвались⁵. А этот период (на стыке веков), несмотря на свой драматизм, характеризовался развитием словесного искусства балкарцев и караево-балкарцев. Творчество классиков устной авторской литературы Каспота Кочкарова, Аппы Джанибекова, Кязима Мечиева было хорошо известно мухаджирам.

Ко времени исхода мухаджиров развитие национальной литературы вплотную подошло к письменным традициям и этим обстоятельством объясняется большая тяга мухаджиров с первых же лет переселения развивать устную литературу уже в новых условиях. Практически во всех населенных пунктах проживания караево-балкарцев и балкарцев были известные жырчы (певцы) и хапарчы (сказители), знатоки и исполнители народных мелодий. В культурной жизни диаспоры большую роль играли знатоки музыкальных инструментов, в первую очередь гармоники. Гармонисты старшего поколения Алий Кёсеев, Кязим Кысха, Мухаммат Чарык (Дашы), Мемет Бичер, Айшат Болурова, Хаджимахмут и Жюнюс Кылчаораевы, Мустафа Байрамуков и другие передали подрастающим поколениям мелодии и песни предков. Они были самыми уважаемыми людьми в обществе, храня в памяти

бесценные песни и рассказы о прошлом, о жизни на Кавказе. В небольшом селе Язылык многие представители фамилии Узденовых традиционно считаются знатоками национальной гармоник. И сегодня таким же уважением пользуются в диаспоре творчество выдающихся гармонистов Халюка Эсена (Семенов), Орхан Шадан (Кубадиев), Толгъа Генчер (Хатуев), Нуртан Узун (Байрамуков), Агъасарлы Илияс (Кипкеев)⁶. Они живут в разных городах и селах Турции, в США, странах Европы, но, несмотря на это, активно участвуют во всех мероприятиях, проводимых землячествами, а также на свадьбах и различных молодежных вечеринках.

Проведение свадеб в диаспоре разительно отличается от свадебного обряда, проводимого на исторической Родине. Прежде всего, в них принимают участие все жители населенного пункта и близлежащих сел и городов, где живут балкарцы и карачаевцы, приглашаются все без исключения, независимо от степени родства. На Кавказе принято приглашать близких родственников и друзей. Проведение свадеб также отличается. Если современные традиции кавказских свадеб почти исключили из свадебного обряда исполнение песен народными жырычи в пользу профессиональных, то в диаспоре народные певцы и гармонисты полностью ведут музыкальную часть той (свадьба, вечеринка). Такое же активное участие принимает молодежь в исполнении эжиу (вокальное сопровождение песни), харс (музыкальное сопровождение на трещотках), в танцах. Причем, манера исполнения танцев также своеобразна: девушки выстраиваются в очередь, а парни приглашают их на танец, строго по определенной очереди.

Трудно переоценить сегодня значение дернеков (землячеств) в сохранении культуры и своей национальной идентичности в условиях глобализации. Процессы глобализации, среди которых самое пагубное воздействие оказывает урбанизация, ускорили ассимиляцию малых народов в Турецкой республике. Но есть обстоятельства, которые позволяют смотреть с некоторой долей оптимизма в будущее. «Оживление связей с исторической родиной в условиях демократизации советского общества способствовало пробуждению национального самосознания в среде молодежи диаспоры, усилиями которой были созданы национально-культурные центры (дернеки) в большинстве регионов с компактным проживанием карачаевцев и балкарцев. Именно дернеки, в условиях отсутствия государственной поддержки сохранения и развития самобытных культур кавказских диаспор, являются единственным институтом, призванным укреплять связи между членами общины, сохранять уникальную этнокультуру и язык карачаевцев и балкарцев. Большое значение в этом вопросе имеет помощь исторической родины...»⁷. Значимым фактом истории художественности словесности в диаспоре следует назвать издание книг на карачаево-балкарском языке, написанных авторами диаспоры, в числе которых поэтические сборники. Первой такой книгой явилась «*Zaman. Nazmula*» («Время. Стихи») Хамита Боташа, изданная в США в 1989 году. Это был первый авторский поэтический сборник, увидевший свет через сто лет, как сформировалась диаспора. И, только через четверть века, в 2015 году вышли книги стихов Бюлента Тезжана «*Cengilcandan tiziule*» («Строчки от Женгилжана») и в 2016 году Леман Коч «*Cüekingde asıra meni*» («Храни меня в своем сердце»)⁸.

Примечания

1. *Каракетов М.Дж.* От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв. Диаспора. М., 2004. № 4; *Кипкеева З.Б.* Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000; *Лайпанов Х.О.* К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды КЧНИИ. Ставрополь, 1966. Вып. 5; *Кучмезова М.Ч.* Карачаево-балкарская диаспора в странах Ближнего Востока (история и современность) // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000; *Улаков М.З.* «Этнос-диаспора» – как модель функционирования социокультурного пространства // Кавказоведение. М., 2003. № 4.

2. Жабелова Л.Ж. Проблемы функционирования карачаево-балкарского языка за рубежом (в Турции, Сирии и Иордании) // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 247.
3. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 172.
4. Там же. С. 45–47.
5. Биттирланы Т.Ш. Ата журтну ийнакълап... Нальчик, 2014. С. 6.
6. Биттирланы Т.Ш. Къарачай-малкъар диаспорада суратлау чыгъармачылыкъ. Нальчик, 2015.
7. Борлакова Ф. Карачаево-балкарская эмиграция: этапы формирования и этнокультурной эволюции: автореф. дис. канд. ист. наук. Карачаевск, 2009. С. 7.
8. Bulent Tezcan. Cengilcandan tiziule. Ankara, 2015; Leman J. Koc. Cügingde asıra meni. New Jersey–USA, 2016.

T.S. Bittirova

PRECONDITIONS OF ARTISTIC LITERATURE IN THE DIASPORA

Karachay-Balkar Diaspora in the context of dispersed existence has managed to preserve and develop the literary tradition because of the commitment to the native culture. The study of folklore and literature in conjunction with a complex of other components of the culture of Diaspora allows us to reveal ideological and hudojestvennye the basis for the preservation of the ethnic group and possible ways of culturo-historical development.

Keywords: in Karachay-Balkar Diaspora, folklore, literature, traditions, innovations.

УДК 94(470.64)

В.А. Фоменко

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: АРХЕОЛОГ И ИСТОРИК ВЕРА ИВАНОВНА ГОРЕМЫКИНА

Статья продолжает серию публикаций, посвященных истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарии. В данной работе говорится о советском историке В.И. Горемыкиной. Ранний этап научно-педагогической деятельности Веры Ивановны связан с археологией и работой в Кабардино-Балкарском государственном университете.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкарский государственный университет, археологические экспедиции, В.И. Горемыкина, Этокское городище, Дука-бек, Минский педагогический институт.

Значительный вклад в изучение древних и средневековых памятников республики внесли преподаватели и выпускники Кабардино-Балкарского государственного университета (до 1957 г. – педагогического института).

На историческом факультете КБГПИ и КБГУ в послевоенные годы и в 60–90-х гг. работали как приглашенные, так и местные ученые-археологи: К.Э. Гриневич, В.И. Горемыкина, Н.А. Шафиев, И.М. Мизиев, Р.Ж. Бетров, Б.М. Кереев и др. Опубликованные сведения об этих людях очень скромны и часто недостаточны для написания о них биографических статей и обобщающих работ. Однако внимательное использование имеющихся публикаций, отчетов о полевых археологических исследованиях (разведках и раскопках), данные местных архивов и сети Интернет, позволяют собрать некоторый материал для историко-биографических очерков о них.

В настоящей статье речь пойдет о Вере Ивановне Горемыкиной – ученом и работнике высшей школы, жизнь которой в большей степени связана с Минском (Белоруссия), Ленинградом, Рыбинском. Но один из ранних периодов жизни, преподавательская и научно-исследовательская деятельность ее как археолога-полевика связаны с Кабардино-Балкарией и Кабардино-Балкарским государственным университетом. Вероятнее всего, Вера Ивановна уже до работы в Нальчике имела опыт самостоятельного проведения археологических работ. В 1952 г. в Ленинградском государственном университете она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Боспорское государство в первые вв. н.э.»¹.

Имя В.И. Горемыкиной мне впервые встретилось в конце 80-х гг., когда я собирал опубликованный материал о памятниках предскифского и раннескифского времени Кабардино-Пятигорья. Вера Ивановна проводила археологические разведки и раскопки на территории нынешних Зольского, Терекского, др. районов КБР и гор. Нальчика. В своде И.М. Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии»², вышедшем в 1969 г., упоминаются отчеты о полевых исследованиях на территории КБР за 4 года (с 1958 по 1961)³. Целью проведения этих разведок и раскопок скорее всего была практика студентов-историков. Экспедиция КБГУ, организованная для

этого, исследовала разнообразные объекты поселения (селища и городища), бескурганые и курганные могильники от эпохи бронзы до средневековья. Полного обобщения и публикации материалов не последовало. Известно всего 2 статьи и одни тезисы сообщения на конференции, написанные В.И. Горемыкиной об археологических памятниках, исследованных в Кабардино-Балкарии⁴. Еще одна работа была опубликована участником экспедиций Р.Н. Ступниковым⁵.

К наиболее интересным археологическим объектам, изучавшимся Верой Ивановой, можно отнести т. н. Этокское городище. Экспедиция КБГУ под ее руководством работала здесь в 1960–1961 гг. В 2015 году этот памятник, расположенный вблизи современного кладбища селения Этоко, был осмотрен автором этих строк. Данное городище – крупный археологический объект предскифского (VIII–VII вв. до н.э.) и сарматского (I–IV вв. н.э.) времени⁶. Вероятно, здесь, на укреплении-цитадели, первоначально находилось уникальное изваяние Дука-бек⁷. В описании Этокского городища в книге И.М. Чеченова, говорится о нахождении в прошлом статуи Дука-бека именно на этом археологическом памятнике. Откуда И.М. Чеченову было известно о присутствии на упомянутом городище Дука-бека он не указал. Вероятнее всего, Исмаил Магомедович использовал данные археологов, которые до него изучали данный памятник (К.Э. Гриневич, В.И. Горемыкина, Г.И. Ионе)⁸.

В экспедициях, возглавляемых В.И. Горемыкиной, получали первый опыт полевых исследований будущие археологи Кабардино-Балкарского НИИ, в частности А.Х. Нагоев⁹.

Несмотря на то, что в университете в Нальчике Вера Ивановна работала всего несколько лет, в современных публикациях об истории Кабардино-Балкарского государственного университета ее имя с благодарностью (как солидный ученый – доцент) не редко упоминается вместе с другими археологами, прежде работавшими здесь¹⁰.

В начале 60-х гг. В.И. Горемыкина переехала в Минск и в 1961 г. приступила к работе на кафедре всеобщей истории Минского педагогического института¹¹. В то время местный пединститут испытывал дефицит квалифицированных научно-педагогических работников.

В 1963 году В.И. Горемыкина руководила археологической экспедицией Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина на Таманском полуострове в районе Патрейского городища¹².

В 60–80-х гг. Вера Ивановна, будучи доцентом кафедры всеобщей истории Минского педагогического института, опубликовала несколько учебных пособий¹³, монографий¹⁴ и статей. В 1982 г. была издана ее монография «Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе»¹⁵. Эта книга легла в основу защищенной В.И. Горемыкиной позднее докторской диссертации¹⁶. Вера Ивановна стала первым научным работником кафедры, удостоенным звания профессора. Ушла на пенсию в 1995 г.¹⁷

Сведения о дальнейшей судьбе В.И. Горемыкиной содержатся в сети Интернет, но они отрывочны и не всегда можно с уверенностью говорить об их отношении именно к этому человеку.

Так, в книге об истории издательства «Рыбинское подворье», вероятно, говорится именно о ней: «В 1998 году появилась в издательстве интересная женщина, похожая на крестьянку преклонных лет. Оказалось, что это доктор исторических наук Вера Ивановна Горемыкина, яростная коммунистка, борец с либеральным режимом. Принесла Вера Ивановна небольшую брошюру «История и социально-политический заказ», которую мы скромно издали тиражом 500 экземпляров на средства автора. Но этим не закончилось, выпустили мы еще две брошюры Горемыкиной «О цивилизациях и формациях» в 2002 году и «Тупик на пути сионизма» в 2004-м. Все они сопровождалась солидными примечаниями со списком

источников, тематика брошюр была достаточно острой»¹⁸. Названные книги, скорее всего, отражали систему убеждений Веры Ивановны как последовательного коммуниста¹⁹.

Кроме того, в Интернете на странице «Живого журнала» говорится о том, что «Профессор кафедры истории РГТА²⁰ Вера Ивановна Горемыкина (умерла в 2012 году) издала в 2007 г. свою книгу «Тупик сионизма»»²¹.

Несмотря на свои политические взгляды, Вера Ивановна Горемыкина останется выдающимся ученым, внесшим существенный вклад в археологическое изучение территории Кабардино-Балкарской республики.

Примечания

1. *Горемыкина В.И.* Боспорское государство в первые века нашей эры: (I в. – первая четверть III в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова. [б. и.], 1952. 15 с.

2. *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 149.

3. *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических разведках экспедиции КБГУ на территории Кабардино-Балкарской АССР в 1958 г. // Архив Института археологии РАН. № 1707; *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических работах в 1959 г. на территории Кабардино-Балкарской АССР // Архив Института археологии РАН. № 1873; *Горемыкина В.И.* Отчет о работе археологической экспедиции Кабардино-Балкарского государственного университета в 1960 г. // Архив Института археологии РАН. № 2045; *Горемыкина В.И.* Отчет о работе археологической экспедиции Кабардино-Балкарского университета в 1961 г. // Архив Института археологии РАН. № 2235.

4. *Горемыкина В.И.* Отчет о раскопках кургана бронзового века в парке г. Нальчика // Ученые записки КБГУ. Нальчик, 1960. Вып. 5. С. 335–346; *Горемыкина В.И.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Балкарской АССР // Краеведческие записки. Нальчик, 1961. Вып. I. С. 91–108; *Горемыкина В.И.* Поселения бронзового и железного века на территории Центрального Предкавказья // Тезисы докладов на научно-теоретической конференции 1965 г. в Минске. Минск, 1965. С. 480–485.

5. *Ступников Р.Н.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Зольского района и Пятигорья // Сборник студенческих научных работ Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик, 1961. Вып. 2. С. 17–22.

6. *Фоменко В.А.* Древности реки Хасаут и другие археологические памятники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической принадлежности). Нальчик, 2016. С. 64–65, 71–72.

7. *Фоменко В.А.* Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. Нальчик, 2015. С. 22, 107.

8. *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 20–21.

9. КБИГИ 75 лет. Нальчик, 2001. С. 65.

10. *Кимов Ю.* Вуз дружбы народов // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2008. Вып. 6. С. 121.

11. Ныне – Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка.

12. *Горемыкина В.И.* Отчет об археологических работах на Таманском полуострове в районе Патрейского городища в 1963 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2772, 2772а.

13. *Горемыкина В.И.* История первобытного общества. Пособие для заочников. Минск: Вышэйшая школа, 1967. 119 с.; *Горемыкина В.И.* История первобытного общества: учебное пособие для студентов-заочников. Минск: Вышэйшая школа, 1973. 143 с.; *Горемыкина В.И.* История древнего мира: учебно-методическое пособие. Минск: МПИ, 1979.

14. *Горемыкина В.И.* К проблеме истории докапиталистических обществ: на материале Древней Руси. Минск: Вышэйшая школа, 1970. 79 с.; *Горемыкина В.И.* В поисках истины о раннем христианстве. Минск: Беларусь, 1989. 93 с.

15. *Горемыкина В.И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: опыт историко-теоретического исследования на материале

варварских королевств Западной Европы и Древней Руси. Минск: Издательство БГУ, 1982. 248 с.

16. *Горемыкина В.И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе (опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1987.

17. Историческая справка о кафедре новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета. URL: <http://fhist.bspu.by/kafedry/novoi-i-poveishei-istorii> (Дата обращения: 22.01.2017).

18. *Хомутов С.А.* Мы были первыми. Рыбинск, 2015. С. 11–12.

19. *Горемыкина В.И.* История и социально-политический заказ. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. 24 с.; *Горемыкина В.И.* О цивилизациях и формациях. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2002. 26 с.; *Горемыкина В.И.* Тупик на пути сионизма. Рыбинск, 2004. 61 с.

20. Вероятно речь идет о Рыбинском государственном авиационном техническом университете, в 1994–2011 гг. имевшем статус академии.

21. <http://gubanov-leonid.livejournal.com/1580.html> (Дата обращения: 22.01.2017).

V.A. Fomenko

**FROM THE HISTORY OF THE KABARDINO-BALKARIAN TERRITORY
ARCHEOLOGICAL STUDIES: ARCHAEOLOGIST AND HISTORIAN
VERA IVANOVNA GOREMYKINA**

The article continues a series of publications devoted to the history of the archaeological study of the territory of Kabardino-Balkaria. This paper has dedicated to the famous soviet historian V.I. Goremykina. The early stage of scientific and pedagogical activity of Vera Ivanovna associated with archeology and the work in the Kabardino-Balkarian State University.

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkaria, the Kabardino-Balkarian State University, archaeological expedition, V.I. Goremykina, Etoka settlement, statue Duka-Bek, the Minsk Pedagogical Institute.

Ф.Ш. Ошнокова

ИЗ ИСТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье рассматриваются особенности становления национальной журналистики на примере газеты «Адыгэ макъ» («Голос адыга»), положившей начало республиканской периодической печати. Устанавливаются даты выхода первого и последнего номеров газеты, причины, послужившие закрытию газеты. Особое внимание уделяется ее издателю и редактору Адаму Дымову.

Ключевые слова: национальная журналистика, история, культура, Адам Дымов.

В 2017 году исполняется 100 лет со дня выхода в свет первой республиканской газеты «Адыгэ макъ» («Голос адыга»), которая положила начало истории кабардино-балкарской национальной журналистики.

Газета издавалась в сел. Старая Крепость Баксанского района Нальчикского округа Терской области. Она печаталась в «Типографии братьев Дымовых» на кабардинском языке арабскими буквами. Выходила газета два раза в неделю, форматом тогдашней центральной «Правды», что свидетельствовало о том, что издатель был знаком с современной ему центральной прессой. Издателем и редактором газеты был известный кабардинский просветитель конца XIX начала XX вв., основатель книжной типографии, писатель, публицист Адам Гафарович Дымов. Сохранилось всего около двух десятков номеров «Адыгэ макъ». С известной долей осторожности по этим номерам можно судить о ее главной идейной направленности – это идея просвещения народа. Так, например, первый из сохранившихся номеров газеты «Голос адыга» (№ 4) открывается передовой статьей с заголовком «О том, как необходимо ученье», в которой убедительно доказывается, что культура и просвещение являются источниками национального богатства. Без них не может обойтись ни одно цивилизованное общество мира. Тем более, что в современном мире просвещение приобретает особую значимость, пишет газета. Отсюда следует, что в округе «надо общими усилиями строить школы в тех селах и населенных пунктах, где они не имеются, предварительно убедив родителей о необходимости добровольно отдавать детей в школу» («Голос адыга», 10 декабря 1917 г.).

Газета пытается убедить местное население в необходимости просвещения, приводя конкретные примеры из жизни соседних областей. Так, в статье «Неоценимый дар» рассказывается о том, как некий богач Джабраил Дыхзаев в Дагестане пожертвовал на строительство учебного заведения в Темирхан-Шуре 1000 рублей и обещал внести еще две тысячи. «Дай бог, чтобы наши кабардинские богачи последовали его примеру», пишет газета в заключение.

По существу во всех сохранившихся номерах газеты присутствует мысль о том, что «образование – это та ценность, которая не имеет цены», и к нему каждому следует неустанно стремиться, поскольку знание помогает человеку осознать себя и окружающий мир и способствует овладению всем тем духовным богатством, которое накоплено человечеством за свою многовековую историю.

Обращает на себя внимание последовательно проводимая газетой идея о том, что в древние времена кабардинцы (адыги) имели свою письменность и владели

грамотой. (Версия о том, что кабардинцы в древние времена имели свою письменность, встречается во многих источниках Кабардино-Балкарии, в частности в книгах: Н. Цагов, А. Дымов «Тхыбзэ» («Азбука»). Казань, 1917; Х. Урусов «Адыгэ тхыбзэм и тхыдэ» («История кабардинского литературного языка»). Нальчик, 1968). Возрождению древней письменности у кабардинцев, по мнению газеты, может способствовать устное народное творчество, которым издревле богаты адыгские народы. Газета из номера в номер печатает сказания, предания, песни, пословицы, поговорки. Например, «Голос адыга» публикует «Сказания о пши Бадиноко» (в № 21), предания «О Нарине и Ридеде» (в № 37), «О нарте Сосруко» (в № 39), «Адыгские пословицы, поговорки» (в № 52).

Газета стремится привлечь к себе как можно больше корреспондентов с мест, которые сообщали бы о переменах, происходящих в сознании людей, о событиях, имеющих общественную значимость. Обращаясь к читателям с просьбой о сотрудничестве, один из номеров газеты пишет: «Присылайте в редакцию свои письменные (и устные) корреспонденции. «Голос адыга» с радостью опубликует все, что будет написано и прислано в газету не ради гонорара, а ради пользы народу, отечеству» («Адыгэ макъ». 8 марта 1918 г.). Исполняя свое обещание, газета публикует все, что писали, а иногда и устно сообщали, читатели со всех концов Кабарды, Балкарии, Адыгеи, Черкесии. За короткий отрезок времени ее активными корреспондентами стали, в частности, Гуанов Зулкарней, Гукеев Кырым-Султан, Гухажев Исмаил, Каздохов Кайтуко, Курашинов Мухаммед, Молов Таукан, Тхамоков Хабас, Фашмухов Мухаммед.

Приобщению населения к культуре, просвещению служило и то, что газета систематически публиковала список книг, вышедших или готовящихся к изданию на национальном языке. Так, например, в одном из номеров газеты «Адыгэ макъ» печатается список книг на кабардинском языке, подготовленных «Типографией братьев Дымовых» к изданию, это: «ПсалъэфI», «Бехъымбархэм я тарихъ кIэщI», «Жогъграфия», «Хъаишат гуащэм и хъыбар», «Хъисап», «Щэньгъасэ I-пэ пычыгъуэ», «Щэньгъасэ II-нэ пычыгъуэ», «Щэньгъасэ III-нэ пычыгъуэ». А в номере газеты от 2 июня 1918 года публикуется уже список книг, отпечатанных типографией на кабардинском языке: «Мусльымэн тхыдэ», «Сиратун Мухаммедие», «Щэньгъасэ I-пэ пычыгъуэ», «Щэньгъасэ II-нэ пычыгъуэ», «ПсалъэфI», «Тухфат – уль – Атфаль», «Хъэищэт гуащэм и щытхъу».

Газета «Голос адыга» не ограничивается узко-просветительской тематикой, хотя она была ее основным содержанием. То, что издатель газеты Адам Дымов, известный ученый педагог; писатель, просветитель, книгопечатник наладил издание газеты именно в ноябре 1917 года, не было случайностью. Дымов с надеждой и тревогой следил за бурными революционными событиями, происходящими в России, сознавая неразрывную связь судьбы кабардинцев с другими российскими народами. Газета регулярно публикует сообщения, поступающие из разных городов и сел России, о победах и поражениях молодой советской республики. БУДУЧИ сторонником ненасильственной демократии, А. Дымов пугается жестокости и кровопролития, сопровождающих русскую революцию. В то же время он пытается найти нечто рациональное, позитивное в свершившейся Октябрьской революции. Таким, на его взгляд, является Декрет о земле. «Теперь вся земля будет принадлежать самому народу», пишет «Голос адыга». «У таких богачей, как Доброшан, полностью будет изъято имущество и национализировано. Его земля будет передана тем, кто ее обрабатывает» («Адыгэ макъ», 2 мая 1918 г.). Положительным, по мнению газеты, является и то, что советская власть ставит задачей ликвидацию безграмотности населения и отсталости национальных окраин, совершение «культурной революции». Не будучи ангажированным органом печати, «Голосу адыга» удавалось сделать сопричастным своих соотечественников (кабардинцев и балкарцев) к событиям в России, к тем кардинальным социально-политическим переменам, которые в ней произошли в 1917 году.

Значительное место на страницах газеты «Голос адыга» занимали и сообщения из-за рубежа. При этом зарубежную хронику газета, как правило, давала с собственными комментариями. В этом отношении определенный интерес представляет статья, опубликованная в «Голосе адыга» (18 марта 1918 г.) под названием «Что творят англичане?». В ней говорится о том, что правящие круги Англии ведут за рубежом откровенно захватническую политику. При этом они сперва в ход пускают свое золото, свои деньги. Сеют смуту внутри государства, которое избрали очередной жертвой. Затем посылают свои войска под предлогом защиты своих подданных. Таким образом Англия закабалила Индию, в 15 раз превышающую ее по своей территории. А сейчас, пользуясь тем, что Россия ослабла в войне, пишет газета, – Англия, разворачивает подрывную захватническую политику на Кавказе и Ближнем Востоке. В другом номере газета говорит о продажности зарубежной прессы, приводя в пример французскую газету «Журналь». «Недавно вскрыто, что многие влиятельные буржуазные органы печати Франции были подкуплены Германией», – сообщает газета. В их числе оказалась крупнейшая ежедневная газета «Журналь», которая, как выяснилось, через банк «Исвечра» получила 10 миллионов марок от Германии.

Появление в Кабарде оперативного органа печати – газеты просветительно-демократического толка «Голос адыга», которая информировала соотечественников не только о событиях, происходящих в крае, но и в России, и за рубежом, стало незаурядным событием в культурной жизни местного населения. Оно свидетельствовало о том, что в округе назрела необходимость великих общественных перемен, что национальные окраины России вслед за центральными областями поднимались на борьбу за свои права и что среди кабардинской интеллигенции были люди, осознавшие важность оперативной информации в эпоху больших социально-политических перемен.

Появление газеты «Адыгэ макъ» местная демократическая интеллигенция Кабарды встретила с большим энтузиазмом и активно сотрудничала с ней. Это событие получило большой резонанс и за пределами Нальчикского округа, о чем свидетельствует письмо из Екатеринодара за подписью Харуна Тлецерук (в последствии главного редактора адыгейской газеты «Красная Кубань»), опубликованное в «Голосе адыга» 8 января 1918 г. В письме говорилось о том, что «собратья по перу приветствуют появление первой кабардинской газеты «Адыгэ макъ», которая имеет колоссальное историческое значение в деле возрождения культуры адыгов, что газета в подлинном смысле стала голосом адыгов, который во всеуслышание говорит о насущных проблемах своего народа, пропагандирует его самобытную культуру и одновременно приобщает его к духовным ценностям других народов.

Сейчас более или менее точно известно, когда вышел № 1 газеты «Адыгэ макъ», 27 (28) ноября 1917 г. Труднее установить дату прекращения ее выхода и сколько номеров было издано за время ее существования. Последний из сохранившихся номеров № 52, судя по содержанию, не был нипоследним, ни заключительным номером газеты. Относительно причины прекращения издания газеты также нет ясности. Например, в своих воспоминаниях Хасан Эльбердов писал, что «Адыгэ макъ» выпускалась до конца 1917 года, печаталась она и весь 1918 год. В 1919 году, когда кадеты (белогвардейцы. – Ф.О.) временно захватили власть в Кабарде, они отобрали у Дымовых типографию, увезли печатный станок в Нальчик, и сами на нем печатали. Когда снова победила власть Советов, типография осталась в Нальчике (Х. Эльбердов. Мемуарные записи. Личный архив).

Свою точку зрения относительно времени и причины прекращения издания газеты «Адыгэ Макъ» высказывал и Нури Цагов: «Газета выходила раз в неделю. Выходила она восемь месяцев подряд и прекратила свое существование в связи с тем, что кадеты (белогвардейцы) увезли типографскую машину в Нальчик».

(Цит. по книге: Урусов Х. «Адыгэ тхыбзэ и тхыдзэ» / «История кабардинского литературного языка». Нальчик, 1968 г., стр. 64).

Из приведенных высказываний ясно, что поводом для прекращения выхода газеты «Адыгэ Макъ» послужило одно и то же событие: изъятие типографии белогвардейцами. Остается не ясным время прекращения газеты и сколько ее номеров вышло. В данном случае ближе к истине Хасан Эльбердов. Во-первых, говоря, что газета выходила один раз в неделю, Нури Цагов допускает неточность. По данным сохранившихся экземпляров, газета выходила не один, а два раза в неделю. Судя по этим же номерам, она выпускалась и больше восьми месяцев. В пользу Х. Эльбердова говорят и воспоминания ученика Дымова – Хаби Хашпакова, который будучи учащимся в Дымовской школе, осенью 1919 г. стал очевидцем разгрома Баксанской типографии белогвардейцами.

Независимо от того, сколько номеров вышло и когда прекратилось издание газеты «Адыгэ макъ», она заняла особое место в истории кабардинской журналистики, став родоначальницей республиканской периодической печати.

Особого внимания заслуживает личность издателя газеты «Адыгэ макъ» Адама Дымова. Со дня основания до конца выхода газеты он был ее главным редактором, секретарем, корректором, наборщиком, переводчиком, корреспондентом. И все это, будучи единственным преподавателем общедоступной национальной школы, основанной им же самим за свои собственные средства.

Адам Дымов был также основателем первой на территории Кабардино-Балкарии книжной типографии (она вошла в анналы истории как «Типография братьев Дымовых»), в которой печатались не только газета «Адыгэ макъ», но и книги самого Дымова и других авторов местной интеллигенции.

Всю свою жизнь Адам Дымов посвятил бескорыстному служению народу, отечеству. Он одинаково верно и преданно любил свою малую родину Кабарду и большую Россию.

Адам Дымов неустанно пропагандировал идею дружбы с Россией, всячески стремился привить своим ученикам любовь к русскому народу, к его великой культуре, искусству, литературе. Почти как афоризм теперь звучит его призыв к соотечественникам: «Никогда не покидайте Русь и Баксан!».

Просветительская деятельность была его смыслом жизни, гражданским долгом, высоким назначением, высшей потребностью.

Дымов остается в истории культуры народов Кабардино-Балкарии как величайший гуманист, просветитель, писатель, педагог, основоположник книгопечатания, родоначальник национальной журналистики, издатель первой газеты на кабардинском языке «Адыгэ макъ».

F.Sh. Oshnokova

FROM THE HISTORY OF KABARDINO-BALKARIAN OF THE NATIONAL JOURNALISM

In the article features of formation of national journalism are considered on the example of the newspaper «Adyghe Mak» («The Voice of Adyghe»), which initiated the republican periodical press. The dates for the publication of the first and last issues of the newspaper are established, and the reasons that served to close the newspaper. Particular attention is paid to its publisher and editor Adam Dymov.

Keywords: national journalism, history, culture, Adam Dymov.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриев Владимир Александрович, доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея.

191186, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1

Тел. +7-911-993-89-93

E-mail: dmitriev_home@mail.ru

Тхамокова Ирина Хасановна, к.и.н., старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-92

E-mail: kbigi@mail.ru

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории ИГИ КБНЦ РАН.

360000, КБР, г. Нальчик, Пушкина, 18

Тел. +7-903-425-58-51

E-mail: gugowa@mail.ru

Мирзоев Асланбек Султанович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-24-53

E-mail: marzeibach@mail.ru

Базиева Гульфия Джамаловна, к.филос.н., старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-075-81-22

E-mail: gbaz@mail.ru

Сабанчиева Любовь Хабижевна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-48-91

E-mail: sablyu@mail.ru

Кешева Зарема Мухамедовна, к.и.н., и.о. зав. сектором новейшей истории отдела исторических наук ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-906-484-96-45

E-mail: kesheva10@gmail.com

Дзуганова Рита Хабаловна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора кардино-черкесского языка ИГИ КБНЦ РАН.

360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-47-75

E-mail: dzug.rita@yandex.ru

Мусуков Борис Абдулкеримович, д.ф.н., заведующий сектором карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел: 8 (8662) 42-70-04

E-mail: kbigi@mail.ru

Кумыкова Дина Мухарбиевна, к.ф.н., доцент, ученый секретарь ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-51-69

E-mail: dina07-09@mail.ru

Токмакова Мадина Хасанбиевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-701-59-45

E-mail: tokmak_madina_h@mail.ru

Махиева Люлмила Хамангериевна, к.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-18-68

E-mail: kbigi@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович, д.ф.н., профессор, заведующий сектором адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-38-52

E-mail: adam.gut@mail.ru

Баков Хангери Ильясович, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник сектора кабардинской литературы ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-75

E-mail: kbigi@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-52

E-mail: barsello@rambler.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна, д.ф.н., доцент, и.о. зав. сектором карачаево-балкарской литературы ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-690-96-76

E-mail: alenasarb@mail.ru

Биттирова Тамара Шамшудиновна, д.ф.н., главный научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы ИГИ КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-34-50

E-mail: kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии ИГИ КБНЦ РАН.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Ошнокова Фоза Шамсадиновна, к.и.н., Московский государственный университет им. М.М. Ломоносова.
Тел. +7-962-951-67-16
E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Dmitriev Vladimir Aleksandrovich, doctor of history, researcher associate of the main category of Ethnography Department of the peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan of the Russian Ethnographic Museum.

4/1 Engineering Street
St. Petersburg 197000
Ph. +7-911-993-89-93
E-mail: dmitriev_home@mail.ru

Tkhamokova Irina Hasanovna, candidate of history, senior researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-20-92
E-mail: kbigi@mail.ru

Gugova Marina Habasovna, candidate of history, associate professor, senior researcher of the Sector of the Latest History of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-903-425-58-51
E-mail: gugowa@mail.ru

Mirzoyev Aslanbek Sultanovich, candidate of history, senior researcher of the Medieval and Modern History Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-24-53
E-mail: marzeibach@mail.ru

Bazieva Gulfiya Džamalovna, candidate of philosophy, senior researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-075-81-22
E-mail: gbaz@mail.ru

Sabanchieva Lyubov Habizhevna, candidate of history, associate professor, senior researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph.: 8 (8662) 42-48-91
E-mail: sablyu@mail.ru

Kesheva Zarema Muhamedovna, candidate of history, head of the Sector of the Latest History of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-906-484-96-45
E-mail: kesheva10@gmail.com

Dzuganova Rita Habalovna, doctor of philology, leading researcher of the Kabardino-Circassian language Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-47-75
E-mail: dzug.rita@yandex.ru

Musukov Boris Abdulkerimovich, doctor of philology, head of the Karachay-Balkarian language Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-70-04
E-mail: kbigi@mail.ru

Kumykova Dina Mukharbievna, candidate of philology, associate professor, academic secretary of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-51-69
E-mail: dina07-09@mail.ru

Tokmakova Madina Hasanbievna, candidate of philology, senior researcher of the Kabardian-Circassian language Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street,
Nalchik 360000
Ph. +7-928-701-59-45
E-mail: tokmak_madina_h@mail.ru

Mahiyeva Lyudmila Khamangerievna, candidate of philology, leading researcher of the Karachay-Balkarian language Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-18-68
E-mail: kbigi@mail.ru

Gutov Adam Muhamedovich, doctor of philology, professor, head of the Adyghe folklore Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-38-52
E-mail: adam.gut@mail.ru

Bakov Hangeri Ilyasovich, doctor of philology, professor, leading researcher of the Kabardian literature Department of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-75
E-mail: kbigi@mail.ru

Kazharova Inna Anatolievna, candidate of philology, senior researcher of the Kabardian Philology Sector of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-20-52
E-mail: barsello@rambler.ru

Sarbasheva Alena Mustafaevna, doctor of philology, assistant professor, head of the Sector of the Karachay-Balkar literature of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. +7-928-690-96-76

E-mail: alenasarb@mail.ru

Bittirova Tamara Shamshudinovna, doctor of philology, leading researcher of the Sector of the Karachay-Balkar literature of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8 (8662) 42-34-50

E-mail: kbigi@mail.ru

Fomenko Vladimir Alexandrovich, candidate of history, assistant professor, senior researcher of the Sector Ancient History and Archeology of the IHR KBSC RAS.

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Oshnokova Foza Shamsadinovna, candidate of history, Moscow State University named after M.M. Lomonosov.

Ph. +7-962-951-67-16

E-mail: kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);

3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;

3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.

2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л. 11.

Формат 70х108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН).
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *К.М. Шомахова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*